ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018 12 (805)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITARIAN SCIENCES

Issue 12 (805)

TOPICAL ISSUES OF TRANSLATION STUDIES
IN A MULTICULTURAL WORLD

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 12 (805)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор ***Г. Г. Бондарчук***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М.С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О.К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г.Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С.С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А.И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кудрявцева Н. Б., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Воробьева Е. В.
Трудности перевода скандинавских мифологем 9

Долгих З. Б.
Операционализм как мыслительная стратегия
и эффективный способ анализа процессов градуирования
(на материале португальского языка) 18

Кирсанова Е. М., Польская С. С.
Стилистическая «глухота» как возрастной барьер
при обучении переводу экономических текстов 28

Клименко Г. В.
Средства объективации концепта «Лицо»
в русском и английском языках 38

Ло Мэн
Проблемы перевода комического в аспекте теории релевантности
(на примере переводов с русского языка на китайский) 52

Нечаева К. К.
Аллюзии: виды, функции, трудности перевода
(на примере португальских СМИ) 66

Полищук А. И.
Особенности перевода персидской военной прозы 80

Романович М. Ю.
Метафора в английском и русском военном жаргоне 85

Тюрева Л. С.
Методика преодоления интерференции русского языка
при обучении арабскому языку 92

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гибралтарская О. К., Камилова С. Э.
Специфика передачи индивидуального стиля писателя
при переводе художественной прозы с узбекского на русский язык 116

Новицкая О. В.
Интертекст как обязательная реальность
художественного перевода 126

Носов М. В.
Особенности перевода библейских текстов на иностранный
(португальский) язык на основе сопоставительного анализа
IV главы Евангелия от Луки 141

Осипова Т. В.
Еще раз о передаче прагматических значений
в переводе художественных текстов 150

Рустамова З. И.
История перевода на русский язык поэмы М. Ф. Ахундзаде
«На смерть Пушкина» 158

Тешабаева Д. М.
Перевод художественной литературы
с учетом нормативного аспекта культуры речи 167

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Каниметов Э. Ж.
Киргизские неорелигиозные движения
как феномен этнокультуры 174

Нагаева К. Э.
Терпение, терпимость, толерантность
в русской языковой картине мира 186

Овсянникова А. А.
Феномен эвокативности в современном театральном дискурсе 197

CONTENTS

LINGUISTICS

Vorobyeva E. V.
Translating Scandinavian Mythologems:
Challenges and Solutions 9

Dolguikh Z. B.
Operationalism as a Mental Strategy
and an Effective Way of Analyzing Gradation Processes
(based on the Portuguese language) 18

Kirsanova E. M., Polskaya S. S.
Stylistic 'Deafness' as an Age Barrier
When Teaching Economic Translation 28

Klimenko G. V.
Objectification of the Concept "Face" in Russian and English 38

Luo Meng
Problems of the Comic Effect Translation in the Aspect
of the Relevance Theory (on the example of translations
from Russian language to Chinese) 52

Nechaeva K. K.
Allusion: Types, Functions, Problems of Translation 66

Polishchuk A. I.
Special Approaches to the Translation of Military Prose in Farsi 80

Romanovich M. Yu.
Metaphor in English and Russian Military Slang 85

Tyureva L. S.
How to Overcome the Russian Language Interference
while Studying the Arabic Language 92

LITERARY STUDIES

Gibraltarskaya O. N., Kamilova S. E.
Specifics of Transmission of the Writer's Individual Style
in Translating Literary Prose from Uzbek into Russian 116

Novitskaya O. V.
Intertext as the Mandatory Reality of the Literary Translation 126

Nossov M. V.
Translation Peculiarities of Russian and Portuguese Biblic Texts
Featuring Chapter IV of the Gospel According to Saint Luke 141

Osipova T. V.
Once More about Pragmatic Meanings
in Literature Texts Translation 150

Rustamova Z. I.
The History of Translating M. F. Akhundzade's
"Eastern Poem on the Death of Pushkin" into the Russian Language 158

Techabaeva D. M.
Translation of Fiction with Regard to the Normative Aspect
of Speech Culture 167

CULTUROLOGY

Kanimetov E. G.
Kyrgyz Neoreligious Movements as a Phenomenon
of Ethnoculture 174

Nagaeva K. E.
Terpenie, Terpimost', Tolerantnost' in the Russian Linguistic
World View 186

Ovsyannikova A. A.
The Phenomenon of Evocativeness in Modern Theatre Discourse 197

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'22

Е. В. Воробьева

кандидат филологических наук, доцент каф. скандинавских,
нидерландского и финского языков переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: voroba@gmail.com

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА СКАНДИНАВСКИХ МИФОЛОГЕМ

В статье рассматривается термин «мифологема», употребление которого в последние годы заметно участилось по мере того, как сам термин приобрел междисциплинарный характер и ряд дополнительных значений. Понятие, изначально обозначавшее широко распространенные мифологические сюжеты и образы, в настоящее время трактуется, скорее, как конкретное проявление универсальной модели коллективного бессознательного, что позволяет применить его к образам и сюжетам, не имеющим отношения к древней мифологии. Новая трактовка мифологемы рассматривается на примере получивших хождение в русском языке скандинавских слов, прежде всего «хюгге», «лагом» и «сису», не имеющих прямого и однозначного эквивалента в русском языке именно в силу их статуса. Также в статье проводится различие между реалией и мифологемой, которое заключается в наличии у последней «свернутой сюжетности» и отсутствии конкретного референта.

Ключевые слова: мифологема; реалия; безэквивалентная лексика; норвежский язык; датский язык; шведский язык; финский язык.

E. V. Vorobyeva

PhD (Philology), Assoc. Prof., Department of Scandinavian Languages,
Finnish and Dutch, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: voroba@gmail.com

TRANSLATING SCANDINAVIAN MYTHOLOGEMS: CHALLENGES AND SOLUTIONS

The article considers the term "mythologem" which use has expanded recently as the term became interdisciplinary and gained some new meanings. The concept, which originally designated widespread mythological plots and images, is interpreted now as a specific manifestation of the universal model of the collective unconscious, which allows it to be applied to images and subjects that are not related to ancient

mythology. The new interpretation of mythologem is analysed on the example of Scandinavian words that have recently been in use in the Russian language, first of all the Danish "hygge", the Swedish "lagom" and the Finnish "sisu", which have no direct and unequivocal equivalent in Russian, mostly because of their status. The article also makes a distinction between realia and mythologem, due to the presence of "curtailed plot" and the absence of specific referent in case of mythologem.

Key words: mythologem; realia; untranslatability; the Norwegian language; the Danish language; the Swedish language; the Finnish language.

Понятие «мифологема», вынесенное в название данной статьи, изначально относится к области культурологии, психологии и литературоведения, а не лингвистики, но в последнее время, как мы увидим далее, сфера его употребления расширилась, и без него было бы сложно описать определенные стратегии, к которым прибегают переводчики скандинавской литературы.

Судя по всему, первыми употребили этот термин К. Г. Юнг и К. Кереньи в работе «Введение в сущность мифологии», вышедшей в 1941 г. [Семенихина 2015, с. 180], хотя по свидетельству С. М. Телегина, он возник еще в начале XX в. и начал широко применяться в литературоведении в 1930-х гг. [Телегин 2010]. Само греческое слово «μυθολόγημα» в основном значении переводится на русский как *слово, речь*, но также может означать «разговор, совет, предмет обсуждения, замысел, повествование, слухи, сказка» и т. п. [Едошина 2009, с. 79]. В контексте культурологии подчеркивается, что понятие мифологемы тесно связано с мифом, «вырастает» из него и не может быть адекватно понято без своего источника. Тем не менее в последние годы наблюдается, во-первых, повышенный интерес к данному понятию, а во-вторых, приобретение термином дополнительных значений, связанных с его междисциплинарным характером [Димитренко 2009]. Стоит упомянуть тот факт, что все работы, процитированные в данной статье, написаны в последние 5–10 лет и относятся к самым разным областям гуманитарного знания. Один из последних случаев, который и послужил толчком к написанию данной статьи, – доклад С. В. Ивановой под названием «Мифологемы американского политического медиадискурса эпохи Трампа» на международном семинаре «Дискурс. Интерпретация. Перевод (Кашкинские чтения)» в ноябре 2017 г. в Воронежском государственном университете. В этом докладе как мифологемы трактуются такие понятия, как «American dream»,

«We the people», «Redneck», ***-gate*** как суффикс, указывающий на скандальный потенциал события (по аналогии с Уотергейтом) и т. п.

Н. А. Коновалова выделяет следующие определения мифологемы, возможные в современных гуманитарных науках [Коновалова 2013]:

1) максимально большая смыслообразующая единица текста мифа (в современных исследованиях по мифологии);
2) единица религиозного нарратива;
3) цитата из библейского текста (в лингвофольклористике и текстологии);
4) элемент наивного представления о мире, выступающий в роли результата его когнитивного освоения (в современной когнитивистике);
5) образ или сюжет в искусстве, основанный на традициях народной культуры и имеющий статус символа (в культурологии и этнологии);
6) лексическая единица знакового характера, выступающая как репрезентант свернутого текста мифологического содержания (мифологема с точки зрения семиотики);
7) первичная сюжетная схема, кросс-культурная идея, встречающаяся в фольклоре разных народов (в трудах по этнопсихологии, этнографии, фольклористике);
8) стереотип массового сознания, в том числе идеологическое клише (в современной социолингвистике; синоним – идеологема).

В недавней работе А. Н. Круталевич мифологема определяется как «конкретная интерпретация универсальной модели коллективного бессознательного» [Круталевич 2016, с. 10]. В упомянутой статье иллюстрируются такие признаки мифологемы, как «свернутая сюжетность», ретроспективность и региональная, этническая специфика. Все эти признаки можно обнаружить в понятиях, о которых пойдет речь ниже.

Также важны функции, которые выполняет мифологема в современном обществе. Е. Ю. Ильинова выделяет следующие функции мифологемы [Ильинова 2012]:

1. Познавательная (алогично-эвристическое объяснение причин мироустройства).
2. Аксиологическая (передача необходимых для развития социума духовных ценностей).
3. Регулятивная (образ запрета-разрешения в социуме).

4. Эстетическая (сохранение нарративной традиции и выразительных возможностей языковой и фольклорной архаики).

А. Н. Круталевич добавляет к ним еще три:

5. Мировоззренческая функция мифологемы свидетельствует о способности сознания за счет актуализации мифологем в конкретных культурно-исторических условиях конструировать картину мира.
6. Адаптивная функция: реализация определенных мифологем позволяет людям приспосабливаться к меняющимся условиям бытия, используя модифицированные шаблоны действий.
7. Интегрирующая функция: за счет понимания мифологем с каким-либо колоритом обеспечивает национальное самосознание, целостность общества, коллектива.

Определение, предлагаемое А. Н. Круталевич, а также мировоззренческая, адаптивная и интегрирующая функция мифологем в наибольшей степени отражают тот универсальный статус, который получил этот термин в современном гуманитарном научном дискурсе.

В такой более универсальной трактовке этот термин, вероятно, сближается с лингвистическим термином «реалия», который С. Влахов и С. Флорин еще в 1950-х гг. определили как «безэквивалентную лексику», т. е. слова, называющие предметы и явления быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, передающие специфические особенности одного народа и отличающие его от других народов [Влахов, Флорин 2006, с. 49–60]. Типичная реалия, знакомая каждому изучающему норвежский язык – это, например, *bunad* – бюнад, норвежский национальный костюм.

Реалия, как и мифологема, непереводима, но по иным причинам. Мифологему (как она трактуется в данной статье) невозможно адекватно перевести на другой язык, потому что за соответствующим словом или словами скрывается целый комплекс ассоциаций и смыслов, «свернутая сюжетность», которая не развернется для носителей другого языка и культуры. Мифологема может не иметь конкретного референта, тогда как реалия, как правило, соотносится с конкретным референтом, не имеющим соответствия в другой лингвокультурной среде.

За последние два года в разных издательствах вышел целый ряд книг, название которых, в транслитерации или без, содержит такие скандинавские слова, как *hygge*, *lagom*, *sisu* и т. п.

Началась эту мода с датского слова *hygge*, которое имеет вполне конкретный перевод на русский язык: уют, удобство. В 2017–2018 гг. в трех разных издательствах вышло около двадцати различных книг, переводчики которых решили не переводить, а транслитерировать это слово. Вот лишь некоторые примеры:

1. Хелен Расселл. Хюгге, или Уютное счастье по-датски. Бомбора, 2017.
2. Содерберг Мари Турелл. Хюгге. Датское искусство счастья. Бомбора, 2017.
3. Хюгге. Самая уютная раскраска. Эксмо-Пресс, 2017.
4. Юуль Еспер. Хюгге. Датский детский мир. Мудрые советы родителям от психолога из самой счастливой страны. Эксмо, 2017 г.
5. Эдберг Пия. Счастье по хюгге, или Добавь в свою жизнь немного волшебства. Бомбора, 2018.

Есть даже труд Тору Вилле: «Глюгге. Скандинавское счастье: пьем чаек в пижамке! От хюгге до сису», вышедший в издательстве АСТ в 2018 г. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это даже не переводная книга, а имитация – компиляция, составленная изначально на русском языке. По всей видимости, ее название представляет собой неологизм, образованный русскоязычным автором из слов *gløgg* (скандинавский алкогольный напиток на основе подогретого вина, фруктов и специй) и того же *hygge*. Аннотация к этой книге обещает нам раскрыть все секреты, благодаря которым скандинавские страны уже много лет сменяют друг друга в верхних строчках рейтинга самых счастливых стран в мире: «Скандинавская мода захватывает все больше трендов и сердец. Датское понятие “хюгге”, означающее радость от простых вещей и уюта, сменилось на финское “сису”. Понятие “сису” включает в себя стойкость, смелость и выносливость. «Что должно быть сделано, то будет сделано, несмотря ни на что», – говорят финны. Наша уютная книга расскажет и о других набирающих популярность понятиях, таких как датское “арбайдсглед” (arbejdsglaede), шведское “лагом” (lagom) и исландское “глюггаведур” (gluggavedur). Арбайдсглед – это радость от работы, лагом – жизнь без спешки, в идеальной гармонии и балансе, ну а глюггаведур – это всего лишь “оконная погода”, т. е. радость от того, что ты сидишь дома и смотришь в окно на бушующие ветра, серое небо и проливной дождь».

Этот пассаж демонстрирует неоднозначный статус описываемых языковых единиц: с одной стороны, в качестве их переводческого эквивалента используется транслитерированное оригинальное слово, как если бы они были реалиями. С другой стороны, реалия не имеет эквивалентного референта, а в данном случае нельзя сказать, чтобы носителям русского языка были незнакомы такие чувства, как радость от работы, ощущение уюта или стойкость. Причина, по которой переводчики решают использовать транслитерацию, заключается, с нашей точки зрения, именно в том, что сами по себе эти понятия в соответствующих скандинавских языках сближаются с мифологемами, т. е. «обрастают» целым комплексом признаков и функций, свойственных данному явлению. Очевидно, что слово *hygge* не переводится словарным эквивалентом именно потому, что и автор книги, и переводчик рассматривают его как квинтэссенцию датского представления о счастье, наделенного уже упомянутой «свернутой сюжетностью» – теми картинками домашнего уюта, которые возникают в сознании носителя языка в ответ на это слово.

Книги о «хюгге» породили моду на нордические мифологемы, и вскоре вышли переведенные с финского и шведского языка книги:

1. Джоанна Найлунд. SISU. Финские секреты упорства, стойкости и оптимизма. Эксмо, 2018.
2. Элизабет Карлссон. Лагом. Шведские секреты счастливой жизни. Бомбора, 2017.
3. Анна Бронс. Лагом. Ничего лишнего. Как избавиться от всего, что мешает, и стать счастливым. Детокс жизни по-шведски. Эксмо, 2018.
4. Джонни Джексон. Маленькая книга лагом. Счастливая жизнь по-шведски. Бомбора, 2018.
5. Что такое лагом. Шведские рецепты счастливой жизни. Манн, Иванов и Фербер, 2018.

Мифологемы, которые представлены в названиях этих книг, демонстрируют другие аспекты скандинавского характера. Шведское понятие «lagom» согласно самому новому шведско-русскому словарю означает «как раз, довольно, достаточно, в меру». Определения в шведских толковых словарях можно перевести как «в нужной, подходящей степени; как надо; не слишком много и не слишком мало». Многие полагают, что оно отражает одну из характерных особенностей

шведского национального характера и менталитета. Швецию даже иногда называют *landet lagom*, т. е. Швеция – это страна, где не любят и избегают крайностей[1]. А финское *sisu* можно описать как «мужественную целеустремленность, упорство, стойкость и терпение» [Большой финско-русский словарь 2007].

Немного выбивается из этого ряда норвежская книга – Ларс Миттинг. Норвежский лес. Скандинавский путь к силе и свободе. Эксмо, 2017. Выбивается прежде всего тем, что мифологема, которая легла в основу названия, была переведена в соответствии с буквальной тематикой книги. В оригинале книга называется *Hel ved*, что, с одной стороны, переводится буквально как «цельная древесина», а с другой – является комплексным понятием, которое мы трактуем как мифологему. В размещенном на сайте *klisjeer.no* очерке, посвященном данному понятию, написано, что понятие *hel ved* относится к предметам, изготовленным из цельной древесины, а также в переносном смысле употребляется о людях, которые обладают качествами цельности, порядочности и надежности, причем это понятие является национально специфичным – его аналоги отсутствуют даже в близкородственных датском и шведском языках [Klisjeer]. В метафорическом употреблении это сочетание встречается уже в 1907 г. в сборнике эссе Ханса Кинка «Древняя земля». В настоящее время употребление этого словосочетания распространено достаточно широко, и в первую очередь в переносном значении:

> Han er ekte. Det er viktig. Han er definitivt hel ved og en skikkelig fyr (*Teknisk Ukeblad, 04.02.2015*). – «Он настоящий. Это очень важно. Определенно, он цельный, надежный и порядочный человек».

Кроме того, словосочетание может быть употреблено в отношении хорошо проделанной работы (примеры взяты из упомянутой статьи на сайте *klisjeer.no*):

> Anja Ankeruds bidrag ... må være et standardverk på temaet så langt. Dette er hel ved; grundig og utfyllende. – «Доклад Аньи Анкерюд ... должен стать нормативным документом в данной области. Это образец подлинного качества – основательный и исчерпывающий».

[1] *Ваняшкин С.Г.*, кандидат филологических наук, доцент, в личном письме.

Или объекта материальной культуры:

> Her spiller chassiselementer fra 7-serien og 5 GT inn, og bidrar til en komplett bil som kombinerer sport og komfort på en elegant måte. Alt oppleves så samstemt. Dette er hel ved! – «Здесь использованы элементы шасси седьмой серии и 5GT, благодаря чему в этом автомобиле гармонично сочетаются спортивные характеристики и комфорт. Всё идеально согласовано. Это подлинный шедевр!»

Уже из данных примеров видно, как трудно найти какой-то универсальный переводческий эквивалент для данного понятия, что роднит его с мифологемами, рассмотренными выше.

Упомянутая книга Ларса Миттинга, с одной стороны, посвящена в буквальном смысле древесине и рубке дров, а с другой – демонстрирует соответствующие качества норвежского национального характера, что придает ее оригинальному названию двойной смысл и делает его особенно трудным для перевода.

Вероятно, именно поэтому в русском переводе появилась нежелательная отсылка к одноименному роману Харуки Мураками, который, в свою очередь, отсылает к знаменитой песне *The Beatles* «Norwegian Wood». Эта песня обязана своим названием обшивке стен комнаты, куда девушка приглашает лирического героя. И всё это не имеет никакого отношения к понятию *hel ved*.

Сама идея о том, что в каждом языке имеются слова и понятия, отражающие некоторые фрагменты действительности точнее, чем слова других языков, далеко не нова. Пожалуй, самым амбициозным ее воплощением в жизнь был роман Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану», вышедший в 1939 г. В тексте этого романа присутствуют слова из приблизительно семидесяти языков. Наверное, ни в одном другом тексте не найти столь высокой концентрации заимствований, что невольно возникает мысль о процессе, обратном тому, что произошло при Вавилонском столпотворении – слиянии всевозможных языков в один, максимально точно отражающий всё разнообразие мира. Вероятно, мода на введение в повседневный обиход специфических словечек из различных языков (и отнюдь не только английского) – еще один шаг в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большой финско-русский словарь / под ред. : И. Вахрос, А. Щербаков, В. Оллыкайнен, И. Сало. М. : Живой язык, 2007. 816 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Р.Валент, 2006. 448 с.

Димитренко М. В. Мифологема «Поэт» в русском поэтическом дискурсе XIX–XX вв.: рефлексивно-коммуникативный потенциал и особенности вербализации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 28 с.

Едошина И. А. Миф, мофологема, мифема в контексте деятельностного подхода к феноменам культуры // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Вып. 3, Т. 1. С. 79–81.

Ильинова Е. Ю. Мифологема как эвристический прием интерпретации когнитивной картины мира // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXI. Антропоцентрическая лингвистика: проблемы и решения: сб. научных трудов. СПб. : Политехника-сервис, 2012. С. 184–194.

Коновалова Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст // Политическая лингвистика: Раздел 3. Язык – политика – культура. 2013. № 4 (46). С. 209–215.

Круталевич А. Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 10–21.

Семенихина М. В. Мифологема как понятия и термин: к вопросу об определении // Перевод. Язык. Культура : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. В. Дворецкая. СПб. : Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2015. С. 180–184.

Телегин С. М. Термин «мифологема» в современном российском литературоведении // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя : материалы Международной заочной науч. конф. (г. Астрахань, 19–24 апреля 2010 г.) / под ред. Г. Г. Исаева. Астрахань : Издат. дом «Астраханский университет», 2010. С. 14–16.

Фененко Н. А. Лингвистический статус термина «реалия» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2, ч. 1. С. 5–9.

Klisjeer. URL : klisjeer.no/2016/04/19/hel-ved/

УДК 81'32

З. Б. Долгих

старший преподаватель каф. португальского языка
переводческого факультета МГЛУ, соискатель;
e-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

ОПЕРАЦИОНАЛИЗМ КАК МЫСЛИТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ И ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ ГРАДУИРОВАНИЯ

(на материале португальского языка)

В статье затрагивается вопрос истории возникновения, существования и развития операционализма как научно-философского подхода к исследованию явлений. Несмотря на то, что на определенном этапе операционалисты столкнулись с трудностями операционалистского истолкования научного знания, благодаря операционализму как подходу были по-новому расставлены акценты и подчеркнуто то огромное значение, которое имеют в современной науке количественные понятия и измерительные операции, что, собственно говоря, и увековечило данный подход в истории философии XX в. Автор предпринимает попытку по-новому раскрыть идею операциональных определений и операционализма как эффективной стратегии анализа процессов градуирования в португальском языке.

Ключевые слова: операционализм; операционализация; операциональный; стратегия; подход; метод; градуирование; градуирующие средства.

Z. B. Dolguikh

Senior Lecturer, Post-graduate Student,
Department of the Portuguese Language,
Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

OPERATIONALISM AS A MENTAL STRATEGY AND AN EFFECTIVE WAY OF ANALYZING GRADATION PROCESSES

(based on the Portuguese language)

The article touches upon the history of emergence, existence and development of operationalism as a scientific and philosophical approach to the study of phenomena. In spite of the fact that at a certain stage operationalists faced difficulties of operationalist interpretation of scientific knowledge, thanks to operationalism as an approach, many accents were placed in a new way, besides the huge value of quantitative concepts and measuring operations in modern science was emphasized. In fact that immortalized this approach in the history of philosophy of the XX century. The author makes an attempt to rediscover the idea of operational definitions and operationalism as an effective strategy for the analysis of graduation processes in the Portuguese language.

Key words: operationalism; operationalization; operational; strategy; approach; method; graduation / gradation; gradating means.

Идея операциональных определений – основная идея операционализма – вытекает из некоторых общих предпосылок развития научного знания, лежащих вне философии. Как мы уже говорили, сама по себе эта идея не является новой. Связь значения понятия с совокупностью действий, на основе которых формируется это значение, вытекает из повседневной человеческой практики. Операционализм только подчеркнул особую роль операциональных определений в естественных науках в качестве средства анализа исходных допущений, на основе которых строится их концептуальный аппарат. Такая интерпретация понятий науки в определенной мере выражала отдельные особенности теории относительности и квантовой механики, что снискало особую популярность операционализму в 1930–1950 гг. Однако основоположник операциональной теории Бриджмен, будучи талантливым ученым (в 1946 г. ему была присуждена Нобелевская премия за работы в области экспериментальной физики) впоследствии осознал и признал определенные трудности операционалистского истолкования научного знания, заявив, что значение физических понятий в полной мере не исчерпывается измерительными операциями. Тем не менее благодаря операционализму как подходу были по-новому расставлены акценты и подчеркнуто то огромное значение, которое имеют в современной науке количественные понятия и измерительные операции, что и увековечило данный подход в истории философии XX в.

Принципиально новым и по сей день актуальным здесь оказывается понятие одновременности событий, которое определяется операционально, т. е. включает указания на последовательность операций – действий наблюдателей, кроме того, для однозначного истолкования результатов этих операций, – указание на систему отсчета, в которой находятся приборы и / или наблюдатели. Таким образом, очевидно, что экспериментальная процедура может выступать как средство выявления точного смысла некоторых понятий, для чего в их определение должен входить метод, позволяющий в каждом конкретном случае на основе (возможно мысленного) эксперимента решить, осмысленно ли (правильно ли) применение этого понятия в данном случае или нет. Иначе говоря, каждое такое понятие приобретает строгий смысл лишь в операциональном контексте, т. е. тогда,

когда указана последовательность актуально (или потенциально) осуществимых операций (действий), фактическое выполнение которых (или мысленное его прослеживание) позволяет шаг за шагом выявить смысл этого понятия и гарантировать его «непустоту» (*dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/869/*).

Достаточно важным является тот факт, что операционалисты, отвечая на основной вопрос философии, первичным объявляют «опыт», включая в содержание этого понятия и ощущения, и эксперимент, и логические действия, рассматривая все их как совокупность операций субъекта. При этом операции представляются не только как средство обнаружения различных свойств объекта, но и как самостоятельно существующая реальность.

В конечном счете, операционализм отрицает существование объективно-общего, представляя общее как субъективную «конструкцию» на основе наших действий, которой в природе ничего не соответствует. Иначе говоря, не только общее, но и единичное конструируется нашими действиями, поэтому естественно, что предмет познания с точки зрения операционализма – не объективная реальность, а операции субъекта в процессе выработки той или иной идеи. Несмотря на критическую позицию по отношению к прагматизму (сложившуюся в 1930-е гг. в качестве реакции на примитивизм прагматизма в решении гносеологических проблем естествознания), операционализм в определенном смысле дополняет его: прагматисты интересуются практическим применением, полезностью, значимостью выработанных идей, операционалисты же занимаются исследованием того, как работает мысль, порождающая идею; т. е. прагматист исследует процессы применения готовых понятий, операционалист исследует процессы создания понятий [Всемирная энциклопедия 2002].

Операционализация понятий – процедура установления связи концептуального аппарата исследования с его методическим инструментарием. Операционализация требует конкретного определения переменных, чтобы обеспечить объективность исследования и получаемых результатов. Кроме того, что операциональные определения позволяют производить измерения (к примеру, в психологии операциональными являются такие определения, как интроверсия, агрессия, нейротизм и пр.), они выполняют еще одну важную функцию: обеспечивают возможность повторить исследование, а значит, соблюсти одно

из главных условий научности исследования – воспроизводимость, а также критерии наблюдаемости, проверяемости и измеримости.

По сути, концептуализация – процесс, обратный операционализации, в ходе которого одиночные конкретные результаты измерений формулируются в более общих терминах. Хотя именно такие обобщения нужны для науки, нельзя забывать о том, что они связаны с риском неоправданного распространения частных выводов на общую ситуацию.

Операционализация – это описание психологического конструкта в терминах действий или операций, которые необходимо произвести, чтобы его измерить. Иными словами, если определение конструкта дает ясное понимание того, как мы будем его измерять, то это определение операциональное.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что градуирование как процесс в языке – операциональное понятие, потому что дает представление о том, как оно должно и может измеряться. Градуаторы (операторы градуальности) – операциональное понятие, так как предоставляют нам понимание того, какую функцию выполняют (градуируют, обеспечивают реализацию операции градуирования) и впоследствии могут быть (в качестве операторов) воспроизведены в других исследованиях для измерения других понятий и явлений.

Операционализация может быть описана пошагово от абстрактного уровня до самого конкретного через последовательное описание теоретического конструкта, индикаторов, переменных, оценок, при этом теоретический конструкт – обычно абстрактен и не может быть непосредственно измерен; индикаторы – феномены, составляющие конструкт; переменные – компоненты индикаторов, которые могут быть измерены; оценка – возможные методы измерения переменных.

К примеру, в психологии экзаменационная тревожность – конструкт; индикатор – волнение перед сдачей устного экзамена; переменная – дрожь в голосе; оценка – наличие дрожи в голосе при устном ответе на экзамене.

Применительно к языку конструкт – это устойчивый вид упорядоченности, вид композиции элементов в тех или иных отношениях. Конструкт – стержень, который объединяет все средства в систему и содержит набор действий, обеспечивающих интеграцию всех составляющих дискурсивной деятельности.

В нашем случае можно сказать, что градуирование – конструкт, операциональные смыслы градуирования могут быть представлены в виде конструкта, объектные же – в виде способа изложения содержания высказывания (текста). Индикатор в таком случае – повышение или понижение степени признака, переменная – градуатор / оператор, оценка – понимание собеседником.

Операционализация психологического конструкта «экзаменационная тревожность» могла быть осуществлена и по-другому. Например: индикатор – вегетативные расстройства; переменная – потоотделение; оценка – интенсивное потоотделение на некоторых участках тела. Или индикатор – чувство тревоги и неуверенности; переменная – желание избежать общения с экзаменатором; оценка – субъективная оценка желания избежать общения с преподавателем.

Иная операционализация конструкта градуирование также возможна. К примеру, шкала градуирования – конструкт, индикатор – движение по шкале вниз или вверх относительно нормы, переменная один шаг / ступень по шкале вниз или вверх, оценка – достижения той или иной прагматической цели со стороны собеседника.

Разные способы операционализации предполагают различные способы ее проверки. Вне зависимости от способа операционализации важно умение осознавать и анализировать тот путь операционализации, который был проделан, а также отмечать те закономерности и ограничения, которые были выявлены.

Ценность операционального подхода к анализу феномена градуирования состоит в том, что именно такой подход в определенной мере дает возможность предпринять попытку разложить градуирование на элементарные части и процессы оперирования некими единицами или элементами. Однако, на наш взгляд, свести описание существенных сторон мыслительных процессов и явлений говоря про речевое мышление человека, исключительно к «оперированию знаками», означает отвлечься от важнейшего психологического содержания мышления как деятельности реального человека, а значит, всерьез исказить и значительно обеднить анализ изучаемого феномена. Следуя за Выготским и выделяя при анализе речевого мышления знак, предметную отнесенность и значение знака, мы говорим о том, что «оперируя знаками», человек оперирует значениями, а через них, по сути, предметами реального мира и их свойствами.

Таким образом, следует отметить, что операциональный подход выходит за рамки описания человеческого мышления и языковых процессов и механизмов исключительно как манипулирование знаками. Необходимо также учитывать, что при решении мыслительных задач человеком такие реальные функциональные образования, как смысл (операциональный и личностный) стоят на одной чаше весов с ценностью объектов для человека, с его опытом, в связи с чем они непосредственно участвуют в процессах управления деятельностью по решению задачи и осуществлению той или иной операции.

Осмысление структуры градуирования как операциональной категории и системного феномена более чем существенно для понимания сюжетных ходов процессов градуирования. Выяснение того, как части этой системы соединены между собой, дает возможность предсказать поведение системы.

Градуирование как система обладает эмерджментным свойством, или возникающим свойством в тот миг, когда она функционирует. Как и любая система, она может быть чрезмерно громоздкой, плохо управляемой и склонной к поломкам. В природе, как и в языке, есть верхняя граница жизнеспособности. В мире систем большее не означает лучшее. Благодаря градуированию люди воспринимают мир объемно. Температура, давление, эмоции, музыка, огонь, сознание, нравственные нормы, здоровье, голод, память, боль являются возникающими (эмерджментными) свойствами, способными к градуированию (в объективной и субъективной шкале интенсивности признака) [О'Коннор, Макдермотт 2016, с. 31–37].

В рамках операционального подхода градуирование может рассматриваться как операциональная категория, указывающая путь, порядок выполнения определенных действий для получения и упорядочивания данных о рассматриваемом предмете или явлении и формирования конечного образа, общей картины.

Операциональные средства есть конкретные выражения концептуальных средств. Концептуальные средства существуют в виде некоего образца, стандарта профессиональных действий, операций, процедур. Этот образец или стандарт является опорной базой формирования конкретных операциональных средств в конкретном акте коммуникации.

Субъективность градуального понятия и объективность средств его выражения представляют сложное переплетение семантического и грамматического в языковых единицах, реализующих операцию градуирования. Система градуальных средств выражения отражает картину мерительного отношения говорящего. От точки зрения, опыта градуирующего субъекта, а также его целей, задач и эмоционального состояния, зависит выбор средств выражения мерительных отношений, средств градуирования (градуаторов или операторов градуирования), а также эффективная реализация операции градуирования, адекватное восприятие собеседником.

Анализ процесса создания и использования правил и принципов сочетаемости градуирующих единиц с опорным словом лежат в основе операционального подхода к изучению явления градуирования и способов реализации градуирования в тексте и дискурсе. При этом нельзя не подчеркнуть тот факт, что различные коммуникативные ситуации диктуют необходимость использования своих специфических операциональных средств, в данном случае средств градуирования. В лингвистическом плане операциональные средства − это средства, выбор которых основан на имеющемся у коммуниканта практическом опыте их использования в речи, с помощью которых коммуникант решает конкретные задачи и достигает определенных целей.

Целеобразование или целеполагание есть одно из важнейших проявлений деятельности мышления, однако цель не всегда с самого начала поставлена: даже если она ставится извне, то бывает достаточно неопределенной, допускающей неоднозначное толкование. Задача как данная цель в определенных условиях должна быть сформулирована. Следовательно, градуирование − это не просто решение, но и одновременно формулирование задачи, таким образом, оно может рассматриваться как процедура решения задачи, которая определяется как цель, данная в определенных условиях. Например:

> Digam o que disserem, Barack Obama vai ficar na história dos Estados Unidos como o homem que ***enterrou definitivamente*** a guerra fria [Garcia 2016, с. 77]. – «Что бы вы ни говорили, Обама останется в истории США как человек, который ***окончательно покончил с*** “холодной войной” / ***окончательно похоронил*** “холодную войну”».

> Muitos médicos receiam que estas técnicas, ***totalmente diferentes das praticadas no passado***, não sejam ainda ***bem aceites*** [Guerreiro 2016,

с. 41]. – «Многие врачи опасаются, что эти техники, ***совершенно не похожие*** на используемые ранее, пока не будут ***приняты по-настоящему*** / ***по-настоящему приняты***».

Коммуникант оперирует градуирующими средствами, руководствуясь определенной целью, а также определенными правилами, сложившимися в языковой коммуникации (осознанно или на уровне интуиции), при этом он способен в процессе коммуникации оттачивать мастерство правильного и эффективного применения, а также создавать новые правила использования градуирующих средств. Например, *mesmo*: в значении «так», «очень», «весьма», «действительно», «настолько», «по-настоящему» выполняет функцию указания на степень величины признака: *estou mesmo muito cansada*, а при употреблении с прилагательными в сравнительной степени имеет градосему «указание на степень различия признака в сравниваемых и сопоставляемых объектах или явлениях» [Воротников 1987], несет достаточно высокую степень экспрессивности («гораздо», «значительно», «действительно сильно»): *isto é mesmo melhor, esse assunto é mesmo mais simples.* Или, например, *próprio*: может не только иметь значение «личный», но и выделительное, подтверждающее значение, при этом усиливающее качественный признак предмета: «точно тот, тот самый, именно он, тот же, этот, сам, самый» (*Foi a própria Juliana quem me fez o convite.* – «Жулиана сама меня пригласила»), т. е. функционировать как своеобразный усилитель степени качества и нести функцию пояснения и выделения [Григоренко 1987].

Как уже было сказано, основными рабочими понятиями в рамках операциональной концепции являются: операция, операциональные средства, а также операциональная модель как модель цикличной причинности.

Операция − это, по сути, процесс манипуляции единицами (операциональными средствами) − за счет которых осуществляются преобразование значения по заданным правилам; операциональная модель – данные и сведения о задаче, представленные или накапливаемые (в виде кодового описания) в памяти решающей системы (в нашем случае в памяти человека). Например, чтобы показать наивысшую степень уверенности и одновременно аргументировать свою позицию (суждение о качестве, признаке объекта или явления) с целью убедить собеседника, говорящий на португальском языке традиционно использует такие

средства, как: *absolutamente*, *completamente*, *obviamente*, *realmente* и пр. в сочетании с прилагательными определенного типа. Например:

> A multidão sentia-se obviamente feliz [Carvalho 1994]. – «Толпа была очевидно счастлива».

или

> Hilário Rego admite que teve uma relação com Joana Costa: "Tivemos um relacionamento amoroso, mas foi consensual. Mas não tive nada com a Juliana, isso é absolutamente falso [Matos 2016, c. 43]. – «Илариу Регу, состоявший в отношениях с Жулианой Кошта, признает: "Между нами была любовная связь, но по обоюдному согласию. Ничего другого с Жулианой у меня не было, это ***абсолютная ложь***"».

Иными словами, можно говорить о том, что в основе коммуникативного поведения мыслящего человека лежит сложный, но конечный и вполне определенный комплекс правил переработки информации и проведения операций по заданным правилам. Анализируя вопрос, описывает ли операциональный подход действительные процессы человеческого мышления или же он абстрагируется от некоторых его характеристик, которые могут являться наиболее существенными, необходимо отметить, что ответ может быть извлечен как из опыта моделирования процессов, так и из опыта теоретического и экспериментального анализа процессов мышления и их языковых реализаций.

Смысл и эффективность операционального подхода не только в выявлении рутинных, шаблонных, готовых, сложившихся правил и механизмов, но и отражение специфики творческих, эмоциональных процессов. Моделирование таких операций, как градуирование, в рамках операционального подхода, не только не закрывает путь для сотрудничества лингвистов, психологов и кибернетиков, но и помогает следовать принципам междисциплинарности, делая такое сотрудничество продуктивным, а также учитывая специфику подсистем, т. е. специфику человеческого мышления по сравнению с информационными процессами, реализуемыми машинами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воротников Ю. Л. Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке : дис. … канд. филол. наук. М., 1987. 214 с.

Всемирная энциклопедия. Философия XX век. М. : АСТ ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2002. 976 с.

Григоренко Т. Н. Способы интенсификации в португальском языке. М., 1987. 204 с.

О'Коннор Дж., Макдермотт И. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем : пер. с англ. 10-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2016. 256 с.

Carvalho M. de. Um deus passeando pela brisa da tarde. 1994. URL : www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 19.06.2016).

Garcia D. A galinha americana e os Cohiba de Cuba // Sábado. 2016. № 621. P. 77.

Guerreiro C. O regresso dos eletrochoques // E. A Revista do Expresso. 2016. № 2256. P. 41.

Matos V. Fui vítima de tráfico humano // Sábado. 2016. № 621. P. 43.

УДК 372.811

Е. М. Кирсанова, С. С. Польская

Кирсанова Е. М., кандидат филологических наук,
заведующая каф. английского языка переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: eleana.kirsanova@mail.ru

Польская С. С., кандидат филологических наук,
доцент каф. английского языка № 4 Московского государственного
института международных отношений; e-mail: polskaya7@gmail.com

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ «ГЛУХОТА» КАК ВОЗРАСТНОЙ БАРЬЕР ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В данной статье рассматриваются некоторые подходы к формированию у современного поколения студентов, изучающих экономический перевод, навыков дифференциации функциональных стилей. Недостаточное развитие данных навыков приводит к весьма существенным смысловым нарушениям в текстах экономического характера при формальной сопоставимости словарных лексических эквивалентов. Неоднократно сталкиваясь с данной проблемой в процессе преподавания, авторы статьи сформулировали понятие стилистической «глухоты», раскрывая ее причины, а также предложили ряд рекомендаций для ее компенсации.

Ключевые слова: стилистическая «глухота»; экономический перевод; функциональные стили; экстенсивное чтение.

E. M. Kirsanova, S. S. Polskaya

Kirsanova E. M., PhD (Linguistics), Assoc. Prof., Head of the English Language Department, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: eleana.kirsanova@mail.ru

Polskaya S. S., PhD (Linguistics), Assoc. Prof., English Faculty № 4 of Moscow State Institute of International Relations (University);
e-mail: polskaya7@gmail.com

STYLISTIC 'DEAFNESS' AS AN AGE BARRIER WHEN TEACHING ECONOMIC TRANSLATION

The given article considers the issue of inability of modern students of economic faculties to generate stylistically adequate translations. Multiple encounters with this problem in the process of teaching prompted the authors to formulate the concept of 'stylistic deafness' while revealing the underlying causes. The article also contains a number of recommendations aimed at resolving this particular problem.

Key words: stylistic 'deafness'; economic translation; functional styles; extensive reading.

Поскольку практическое владение иностранным языком является одним из базовых показателей профессионализма современного специалиста, программы экономических вузов в обязательном порядке включают преподавание экономического перевода, овладение навыками которого способствует формированию не только универсальных, но и узкопрофессиональных компетенций.

При переводе текстов экономического характера, которые характеризуются как узкопрофессиональной, так и культурологической спецификой, студенты сталкиваются не только с трудностями при корректной передаче терминологического аппарата, но и с корректной дешифровкой и адекватной передачей культурологического компонента исходного текста. Как указывает в этом отношении А. Нойберт: «Перевод – процесс межъязыковой межкультурной коммуникации, при котором на основе целенаправленного анализа исходного текста создается вторичный переводящий текст, заменяющий исходный в новой языковой и культурной среде [Нойберт 1978].

Стилистическая составляющая исходного текста – одна из отправных точек его предпереводческого анализа, которая задает вектор его интерпретации, ведь сам перевод начинается непосредственно с определения жанра переводимого текста. И в данном случае студенты (особенно студенты нелингвистических вузов, в программе обучения которых не предусмотрены курсы по стилистике родного и иностранного языков), сталкиваются с проблемой стилистически адекватной передачи содержания англоязычного текста.

В процессе обучения нами было замечено, что, к сожалению, именно ошибки стилистического характера наиболее распространены и трудно искоренимы, поскольку в данном случае мы имеем дело не просто с незнанием отдельных лексических единиц, или неспособностью донести до адресата текста его общий смысл, а с так называемой стилистической «глухотой». Под последней мы понимаем «некую нечувствительность к различению стилей и их зачастую явное смешение в своей повседневной речи» [Польская 2014]. При этом такая стилистическая «глухота» характерна именно для молодого поколения – поколения «миллениалов». И хотя, как подчеркивают исследователи, «до сих пор еще нет единой точки зрения о содержании понятия “стиль речи” … и стиль речи как определенная система языковых средств часто смешивается с другими понятиями» [Гальперин 2016], студенты

хотя бы в общих чертах должны иметь представление о стилистической составляющей текста и стилистической эквивалентности в переводе. Не вызывает сомнений необходимость в целенаправленном развитии у обучаемых «стилистической настороженности». «Когда обучаемые понимают влияние определенных языковых черт на различного вида дискурс, они будут способны к большей степени аналитического восприятия аутентичных текстов» (перевод наш) [Widdowson 1992][1].

Каковы же причины подобной стилистической «глухоты»? Основная причина – это недостаточный объем прочитанного материала, отсутствие его разнообразия. Поколения эпохи, относящейся к периоду до появления Интернета, имели возможность видеть печатные материалы различной стилистической направленности: художественную литературу, газеты, журналы, критические и научные статьи и т. д. Сегодняшнее поколение, полностью переместившееся в пространство «всемирной паутины» и черпающее практически всю информацию именно из Интернета, уже не сталкивается с таким стилистическим разнообразием: размещаемые в Интернете материалы часто не обладают стилистическими отличиями: и шутливое эссе, и статья в электронной версии журнала могут не слишком разниться. Как справедливо указывают в этом отношении исследователи, «онлайн-дискурсу присущ механизм стилистического кодирования, который демонстрирует интеграцию письменной речи, звука, изображения, видео, создавая тем самым единое текстуальное пространство» (перевод наш) [Lewis 2003].

Также следует отметить, что «традиционный дискурс формирует линейную последовательность, в то время как онлайн-тексты представляют собой сеть соединительных узлов» [Shapiro 1998][2].

В результате в своей повседневной устной и письменной речи обучаемые не распознают различий между стилями, поэтому молодой основатель компании, «давая интервью, утверждает, что своими успехами в бизнесе он обязан своей “чуйке” (т. е. своей интуиции), журналист комментирует строительство нового стадиона, называя рабочих “работягами”, ведущий радиостанции говорит об украденном кошельке, что его “отжали”» [Польская 2014].

[1] Перевод наш. – *Е. К., С. П.*

[2] Перевод наш. – *Е. К., С. П.*

Еще одной важной причиной «стилистической нечувствительности» является весьма существенное расхождение стилистических параметров англоязычного и русскоязычного экономического дискурса. Несмотря на принадлежность и тех, и других к официальному / публицистическому стилю, в английском языке публикуемые тексты экономического содержания часто характеризуются меньшей степенью формальности, большей эмоциональностью, инкорпорируя характеристики разговорного жанра: авторы широко применяют метафоры, сравнения, аллюзии и т.п. Как пишут об этом исследователи, «в английских и американских специальных текстах часто встречается неожиданно яркая стилистически окрашенная лексика, что не характерно для русских текстов. Механическое перенесение эмоционально окрашенных лексических единиц английского языка в русский текст будет противоречить требованиям, предъявляемым к русскому специальному тексту» [Борисова 2005]. Подчеркивается, что «если некоторые стилистические приемы, вводимые в английских текстах, будут сохранены в переводе, то в силу своей неожиданности и неуместности они будут производить на русского читателя, привыкшего к более строгим и однородным текстам, гораздо более сильное впечатление, чем это имеет место в оригинале» [Комиссаров, Рецкер, Тархов 1965].

Приведем примеры вышеописанных отличий:

1. “Deflation has been ***the dog that didn’t bark***”, notes the IMF in its new “World Economic Outlook” (*The Financial Times, 2017, 3*). – «Как отмечает МВФ в своем новом отчете “Всемирный экономический прогноз”, дефляция оказалась скрытой угрозой».

2. For Mario Draghi, president of the ECB, today’s ***Valentine’s card*** from Eurostar’s number-crunchers was ***covered with kisses*** (*The Financial Times 2017, 5*). – «Для Марио Драги, президента ЕЦБ, сегодняшняя “валентинка” от бухгалтерии Eurostar , была радостной».

3. When Britain abandoned the gold standard in 1931, it acknowledged it could no longer ***bear the mantle of empire*** (*The Financial Times 2017, 1*). – «Когда Великобритания отказалась от золотого стандарта в 1931 году, государство признало, что больше не может сохранять статус империи».

В то же время для аналогичных русскоязычных текстов характерно ограничение на использование эмоционально окрашенных

сем, отсутствие метафорических или аллюзорных референций: «По оценкам специалистов, российская промышленность пребывает в состоянии рецессии с середины прошлого года. Во втором квартале она выросла сразу на 3,8 процента» (*РБК Daily 2018*).

Как следствие, под влиянием культурологического фактора при переводе с английского языка русскоговорящие студенты прибегают к снижению стилевого регистра:

Предложение в англоязычном тексте	**Перевод на русский язык: без учета / с учетом стилистических отличий**
Mr. Colao, Vodafone chief executive, ***said***: "This transaction will create the first pan-European champion of competition"	Г-н Коллао, исполнительный директор компании Vodafon, ***сказал***: «Благодаря этой сделке возникнет первый пан-европейский лидер на конкурентном рынке» / ***По утверждению*** исполнительного директора компании Vodafon, г-на Коллао...
It's Vodafone's largest ***acquisition*** since 2000 when it ***acquired*** Mannesmann"	Это самая крупная ***покупка*** Водафона с 2000 года, когда он ***купил*** компанию «Mannesmann» / Это самое крупное ***поглощение*** Водафона с 2000 года, когда он ***приобрел*** компанию «Mannesmann»
German broadcasters ***are concerned*** that the combined business will have too much power	Немецкие телекоммуникационные компании ***волнуются***, что такой объединенный бизнес будет ***иметь слишком много силы*** / Немецкие телекоммуникационные компании ***обеспокоены*** тем, что такой объединенный бизнес будет обладать слишком ***большой степенью влияния***
The Mexican peso tumbled to record lows amid ***concerns of an economic slowdown*** in the country	Мексиканский песо обрушился до рекордно низких показателей на фоне ***забот о замедлении экономики*** страны. / Мексиканский песо обрушился до рекордно низких показателей на фоне ***обеспокоенности снижением темпов развития*** экономики страны

Предложение в англоязычном тексте	**Перевод на русский язык: без учета / с учетом стилистических отличий**
Headline of the article: A Billion ***Shades of Grey*** An ***ageing economy*** will be a slower and more unequal one (*The Economist, March 2017*)	Заголовок статьи: ***Миллиард оттенков серого*** Стареющая экономика будет более медленной и более неравной ***Миллиард пенсионеров*** Темпы экономики, в которой основную рабочую силу составляют пенсионеры, будут медленнее и в ней будет больше социального неравенства
Unfriendly skies for an airline merger (*The FT 2018*)	***Недружественные небеса*** для слияния авиакомпаний / ***Неблагоприятные условия*** для сделки по слиянию авиакомпаний

Как мы видим из примеров, при переводе обучаемые игнорируют стилистическую сему как лексических единиц, так и стилистическую составляющую целостного текста: подобранные эквиваленты в основном характеризуются принадлежностью к разговорному стилю. Коррекция со стороны преподавателя обычно вызывает недоумение, поскольку, с точки зрения студентов, отобранные ими единицы кажутся вполне адекватными.

Нами был проведен следующий тест экспериментального характера: 100 обучаемым было предъявлено 12 слов / словосочетаний, относящихся к разным функциональным стилям.

- информировать
- волнение
- рассказать
- сотрудники компании
- люди в компании
- сообщить
- по данным статистического агентства
- как сказал директор
- страх
- сказать
- озабоченность
- опасение

Эти лексические единицы необходимо было распределить в две колонки:

Официальный стиль	**Разговорный стиль**
информировать	рассказать
сотрудники компании	люди в компании
по данным статистического агентства	как сказал директор

Как показал анализ выполнения предложенной задачи, из общего количества участников только 6 человек абсолютно правильно распределили данные лексические единицы в соответствующие колонки, 29 человек сделали две ошибки, 41 человек – 3 ошибки, 12 – 4 и более ошибок.

Подобный результат дает нам возможность идентифицировать у обучаемых автоматический перенос своих представлений о стилистическом оформлении текстов экономической тематики на английский язык и, как следствие, коммуникативные сбои при переводе.

Каким образом можно качественно улучшить сложившуюся ситуацию в обучении экономическому переводу и поступательно развивать у студентов «стилистическую чувствительность»?

Для коррекции стилистической «глухоты» методически логично было бы начать процесс обучения с краткой вводной лекции по стилистике, где на ярких и, возможно, парадоксальных примерах из экономических текстов убедить студентов в если не в необходимости, то в целесообразности придавать большее значение стилистическому компоненту текста.

На начальном этапе также весьма полезными могут быть упражнения, направленные на определение стилистической принадлежности отдельных лексических единиц. К сожалению, подобного рода упражнения встречаются не слишком часто: их можно найти в учебниках для подготовки к международному экзамену IELTS, в ходе сдачи которого обучаемый должен продемонстрировать способность осуществлять как неформальную, так и формальную коммуникацию (см. *Exercise 5*, *Exercise 6*).

Exercise 5

Match an expression from column A with an expression from Column B.

A	**B**
1. get on with	a. belongings
2. quite a few	b. pay a small fee
3. allow in	c. several
4. stuff	d. a fee
5. pay extra	e. report
6. a (small) charge	f. continue with
7. tell	g. give access to
8. fall out with	h. have an argument

Exercise 6

Replace the informal words in bold with a more academic word from the box.

assist • distribute • install • investment • liaise • recruit • refurbish • salary

1. They are going **to do up** the hotel of they want to remain in business. The interior design is very old-fashioned.
2. Now that Mr. Conway has resigned, we're going to have **to find** a new driver as soon as possible.
3. Now you have **to talk to** the operations manager each morning to ensure that you know which orders need to be filled that day.
4. When I first started work, my **pay** was barely enough to cover my rent and food, but fortunately I am making more money now.
5. We are going **to put in** fire detection equipment before the plant is reopened.
6. Don't forget **to hand out** the rota to every member of the new shift when they start work.
7. Part of your role is **to help** marketing team to increase our market share in East Asia.
8. It is a large **amount of money** but I am confident that the company will see that it has been worthwhile in the long term [Rogers, Kenny 2016].

Мы также составили собственные упражнения, направленные на отработку способности к стилистической дифференциации, в

частности подбор соответствующей пары / синонима, отличающейся / отличающегося по стилистической принадлежности:

Formal	**Informal**
assist	help
cease	stop
consume	use
finish	end
enquire	ask
commence	begin
inform	tell
reside	live

На следующем этапе мы считаем целесообразным введение в процесс обучения бóльшего объема такого вида речевой деятельности, как аналитического чтение и сопоставление (хотя бы поверхностное) текстов на русском и на английском языках. При этом материал для чтения должен быть, по возможности, наиболее стилистически разнообразным: публицистические статьи в журналах, художественная литература, научные статьи, эссе и т. д.

Неоценимым, с методической точки зрения, в этом отношении может оказаться использование так называемого экстенсивного чтения (extensive reading) – чтение значительных объемов материала на иностранном языке в течение длительного перода времени для получения удовольствия или в силу интереса» [Hafiz 1989][1].

Таким образом, последовательно разъясняя отличия между функциональными стилями, должным образом иллюстрируя данную дифференциацию, стилистическая «глухота» может быть в значительной степени компенсирована. Это, в свою очередь, позволит обучающимся более полно дешифровывать информацию на иностранном языке, более точно ее интерпретировать и передавать ее на родном языке, и наоборот, что в перспективе будет способствовать качественному улучшению не только узкопрофессиональных навыков перевода текстов экономического характера, но и универсальных аналитических навыков.

[1] Перевод наш. – *Е. К., С. П.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисова Л. В. Ложные друзья переводчика. Общенаучная лексика. Английский язык. М. : НВИ-Тезаурус, 2005. 212 с.

Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 2016. 376 с.

Комиссаров В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский. Грамматические и жанрово-стилистически основы перевода. М. : Высшая школа, 1965. 286 с.

Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. под ред. В. Н. Комиссарова. М. : Международные отношения, 1978. С. 185–201.

Польская С. С. К вопросу об иноязычных «вкраплениях» в экономическом дискурсе русского языка / Стратегия развития высшего и среднего профессионального образования. Ч. 3 : материалы Ежегодной науч.-метод. конф. М., 2014. С. 81–89.

Hafiz F. M. & Tudor L. Extensive Reading and the development of language skills // ELT Journal. 1989. № 43 (1). P. 4–13.

Lewis D. M. Online news. A new genre? // Atchison J. & Lewis D. New Media Language. London and New York : Routledge, 2003. P. 95–104.

Rogers B., Kenny N. The Complete Guide to IELTS. 2016 Cengage Learning, 2016. 361 p.

Shapiro A. Promoting active learning: the role of system structure in learning from hypertext // Human-computer interaction. 1998. # 13. P. 1–35.

Widdowson H. G. Practical Stylistics. Oxford : Oxford University Press, 1992. 160 p.

Investopedia [Электронный ресурс]. URL : www. Investopedia.com

УДК 81'1

Г. В. Клименко

кандидат филологических наук, доцент
каф. русского языка как иностранного Института международных образовательных программ МГЛУ; e-mail: gal.klim2009@yandex.ru

СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛИЦО» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В работе исследуются языковые средства объективации концепта «Лицо» на примере лексем «лицо» и «face». Используется комплекс следующих методов: метод анализа словарных дефиниций, компонентный анализ, сопоставительный метод, когнитивная интепретация полученных результатов. Анализируется структура лексем «лицо» и «face» как ключевых слов концепта, их семантические, национально-культурные и когнитивные параметры. Дается анализ расширения ядерного значения лексем с помощью метонимии и метафоры, исследуются их сочетаемость. Работа позволяет выявить содержание концепта «Лицо», уточнить его структуру, а также определить универсальные и специфические черты. Анализ языкового материала показывает амбивалентность концепта в русском языке, что отражается в синонимических и ассоциативных рядах, а также в оценочных прилагательных. Кроме того, выявлена связь концептов «Душа», «Лицо», «Человек, личность». Концепт «Face» в английском языке является цельным с точки зрения структуры, но многослойным с точки зрения содержания. К его специфическим моментам относится большое количество пространственных значений, характеристики различных типов поверхностей: инструментов, геометрических тел, скал, туннелей и др. К области совпадений русской и английской картин мира можно отнести моменты, связанные с абстрактными понятиями или духовным миром (лицо судьбы, лицо закона и др.) В целом результаты исследования свидетельствуют о сложности и многокомпонентности концепта «Лицо» («Face»), имеющего ядерную, интерпретационную и образную части. Проведенное исследование имеет не только теоретическое, но и практическое значение : семантико-когнитивный подход позволяет выявить структуру и содержание концептов; результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике, применяться в спецкурсах по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, а также в учебной дисциплине «Межкультурная коммуникация».

Ключевые слова: лексемы «лицо»; « a face»; средства объективации; структура концепта.

G. V. Klimenko

PhD, Assoc. Prof. of the Department of Russian
as a Foreign Language, Institute of International Educational Programs,
Moscow State Linguistic University; e-mail: gal.klim2009@yandex.ru

OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT "FACE" IN RUSSIAN AND ENGLISH

In this paper the linguistic means of objectification of the concept "Face" are researched. The author uses a comprehensive methodology and analyzes the structure of the lexeme "face" as the key word of the concept, its semantic, cultural and cognitive parameters. The analysis of expansion of the nuclear value of lexemes by metonymy and metaphors is given, the compatibility of these lexemes is described. The semantic scope of the lexemes in modern Russian and English is specified. This study reveals the contents of the concept "Litso", to clarify its multicomponent structure and to determine its universal and specific features. The analysis of the language material shows the ambivalence of this concept, that is reflected in its synonyms, associates and estimated correlations. Also a relation between the concepts "Soul", "Face", "Person, personality" has been found out. The English concept "Face" is integral as to its structure but multilayered in terms of its content. Its specific moments include a large number of spatial value, characteristics of different types of surface: instruments, geometric bodies, rocks, tunnels and others. To the field of coincidences of the Russian and English world view one can relate the moments, connected with abstract concepts or spiritual world (the face of fate, the face of law). In general, the results of the study show the complexity and multicomponence of the concept "Litso" (Face) , having a nuclear, interpretative and figurative parts. This research has both a theoretical and practical value: semantic-cognitive approach allows to reveal the structure and content of concepts; the results can be used in lexicographical practice, applied in special courses in linguistics, linguoculturology, as well as in the discipline "Intercultural communication".

Key words: lexeme "a face"; "litso"; linguistic means of the objectification; structure of the concept.

В настоящее время в современной лингвистике прослеживается переход от изучения имманентных свойств языковой системы к исследованию глубинных закономерностей ее функционирования, связанных с ментальностью и культурой того или иного языкового сообщества. Возникшая в конце XX в. новая научная парадигма – когнитивная лингвистика – изучает структуры знания в языке. Ее предметом становятся концептуальная картина мира, концептуальные категории, концепты, фреймы, сценарии.

Актуальность исследований обусловлена новым подходом к триаде «язык – человек – национальная картина мира». Из широкого

спектра проблем, возникающих как в лингвистической науке, так и в практике перевода или преподавания, мы выделяем одну, а именно: интерпретация мира через семантическую структуру слова, через его лексическое значение. Эта проблема освещается такими известными лингвистами, как Ю. А. Апресян, Е. С. Кубрякова, З. Е. Попова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелев, А. Вежбицкая, Дж. Лакофф и др.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что семантико-когнитивный подход позволяет выявить структуру и содержание концептов, их универсальные и специфические черты. Практическая ценность заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике, а также в спецкурсах по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, в учебной дисциплине «Межкультурная коммуникация».

В настоящее время существуют различное понимание концепта. Е. С. Кубрякова приводит следующее определение: «Концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы мозга» [Кубрякова 1997, с. 90]. Интересным представляется определение, которое дает лингвокультуролог С. Г. Воркачев: «Это единица коллективного знания (отправляющая к высшим духовным сущностям), имеющая языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой» [цит. по: Антология концептов 2005, с. 11]. Ю. С. Степанов определяет концепт как ячейку культуры [Степанов 2004, с. 43]. Другими словами, концепт – это вербализованный культурный смысл или культурный код. Однако наиболее полным нам представляется понятие концепта, сформулированное в работах З. Д. Поповой и И. А. Стернина: «Мы определяем концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении …, и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007, с. 34]. Данное определение концепта не противоречит определениям,

которые дают культурологи, включающие в него этнокультурную специфику.

В работе мы предпринимаем попытку исследовать русский концепт «Лицо» и соответствующий английский концепт. Как и все концепты, вербализирующие части тела человека, эти концепты относятся к универсальным.

Цель исследования: проанализировать семантическую структуру ключевых лексем концептов, относящихся к нейтральной общеупотребительной лексике, выявить их семный состав (концептуальные признаки) и построить на базе полученных данных модель концепта. Следует отметить, что невербализованная часть концепта во внимание не принимается.

Для достижения цели использовался комплекс методов: метод анализа словарных дефиниций, компонентный анализ, сопоставительный метод, когнитивная интепретация полученных результатов. С нашей точки зрения, именно комплекс методов позволяет полнее выявить языковые средства объективации концептов.

Процедура анализа определяется основными принципами когнитивной лингвистики и состоит в следующем:

1. Установление этимологии ключевого слова концепта.
2. Семемный анализ лексем с использованием словарных статей.
3. Построение иерархии значений (прямых и переносных).
4. Исследование синонимических и ассоциативных рядов.
5. Сопоставление русских лексем с английскими лексемами.
6. Выявление универсальных и национально-специфических компонентов лексем.
7. Уточнение содержания концептов в русском и английском языках, построение модели концептов.

Материалом исследования послужили данные энциклопедических, толковых, фразеологических, этимологических и ассоциативных словарей, а также словарей синонимов русского и английского языков.

Сначала обратимся к обозначению лица в русском языке. Ключевым словом концепта является лексема «лицо», имеющая сложную иерархию значений. Так как обозначения частей тела человека в любом языке, в том числе и в русском, относятся к архетипической лексике, необходимо обратиться к этимологии. Смысловая структура лексемы

в период XI–XVIII вв. имела следующие лексико-семантические варианты: 1. Передняя часть головы человека. 2. Внутреннее состояние человека. 3. Наличие чего-либо. 4. Существо, человек. 5. Поверхность. 6. Персонаж пьесы. 7. Человеческое достоинство, честь [Звегинцев 1957, с. 247–249]. К XX в. утрачиваются значения «поверхность», «наличие», а значение «честь, достоинство» сохраняются лишь во фразеологизмах *не ударить в грязь лицом, (не)терять лицо*. Современные толковые словари [Словарь современного русского литературного языка, 1957; Большой академический словарь русского языка, 2007; Малый академический словарь, 1983 и др.] приводят от 4 до 6 значений: 1) передняя часть головы человека; 2) *перен*. индивидуальный облик, отличительные черты кого-л., чего-л.; 3) отдельный человек в обществе, член общества; 4) передняя сторона дома, строения, фасад; 5) обращенная наружу (лицевая) сторона чего-л. (*ткани*, *одежды*); 6) грамматическая категория, показывающая отнесенность к говорящему (1-е лицо), к собеседнику (2-е лицо), к тому, кто не является ни говорящим, ни собеседником (3-е лицо). Это последнее значение рассматриваться не будет, так как является калькой с греческого языка. На первый взгляд может показаться, что объем лексемы уменьшился. Однако более пристальный анализ современного употребления слова показывает, что значение «человек» распадается на два: первое – «человек как отдельный индивидуум», второе – «человек как член общества», т. е. определяется его место в социуме, например:

> На должность зам.руководителя структурного подразделения в Сочи назначается лицо, имеющее высшее профессиональное образование и стаж не менее 2 лет (*Инструкция. НКРЯ*).

> По версии следствия, неустановленное лицо тайно похитило картину, размещенную для всеобщего обозрения на одной из центральных улиц Владимира (*РБК Дейли 2014.06.23*).

Оба значения связаны с ядерным, реализуя корреляцию «часть – целое». Некоторые юридические термины (*физическое лицо, официальное лицо, доверенное лицо, частное лицо*) также развивают значение «член общества». В настоящее время можно утверждать, что оно стало самостоятельным компонентом лексемы в связи с широким распространением социально-правовых характеристик: официальных, должностных и пр. Употребление лексемы для обозначения человека

является спецификой русского языка с древних времен и до наших дней. В европейских языках используется другой языковой знак: *a person* (англ.), *le personne* (фр.). Ядром концепта и соответствующей лексемы является значение «физический орган, передняя часть головы человека». Это значение содержит родовую сему «наиболее заметный, важный для идентификации кого-либо, чего-либо». Как правило, передняя часть кого-либо, чего-либо и есть наиболее заметная, обладающая индивидуальными признаками часть. Отсюда развитие видовых сем (когнитивных признаков). Принципы их образования различны. Сочетания *лицо театра, города, страны* являются метафорами, возникшими на основе важности индивидуальных черт, например:

> Но это те, кто будет определять новое, деловое лицо интернет-бизнеса (*ЭкспертИнтернет. 2001.03.12*).

> Дореволюционный Саратов с его культурным и общественным лицом,вероятно, хорошо описан в смысле объективно-статистических данных (*В. Милашевский. Вчера, позавчера*).

> У него был план: изменить лицо русского Севера (*И. Эренбург. Не переводя дыхания*).

Сочетания *лицо строения*, *здания*, *лицо материи* относятся к метонимии, например:

> Меня всегда удивляло, почему наш дом отвернулся от деревни и обращен лицом на восток, к безлюдным пространствам (*М. Котцова. Дом с привидениями*).

> Для определения лица у бельевой, гладкокрашеной или стриженой ткани следует расположить ее на горизонтальной плоскости и посмотреть на нее против света (*Справочник портного*).

Метафоричность переносных значений подтверждается такими дериватами, как *безликий, обезличенный, обезличить*, которые содержат сему «не имеющий своего лица»: *безликий городишко, обезличенная масса.* Из множества фразеологизмов, содержащих лексему «лицо», можно упомянуть сочетания *иметь свое лицо, не иметь своего лица, лицом к лицу, от лица кого-либо, перед лицом чего-либо, показать товар лицом, лица нет на ком-то, невзирая на лица , смотреть* (*правде, смерти*) *в лицо* и др.

Переходя к анализу синонимического ряда с доминантой «лицо», следует отметить тот факт, что Словарь синонимов русского языка [Александрова 2006, с. 195] приводит 27 слов, из которых с положительной оценкой только *лик, личико, мордочка, мордашка*, остальные 23 – с негативной оценкой. Приведем некоторые примеры: *лик* (*трад. поэт.*), *личность* (*прост.*), *физиономия* (*фамил.*); *морда, мурло, рожа, ряшка, рыло*, *харя, физия, физиомордия* (*все – прост.*) и др.:

> Глаза у Котовасова красные, личность бледная, весь дрожит (*А. Чехов. В бане*).
>
> Ваша физиомордия мне понравилась (*А. Толстой. Мечтатель*).
>
> Никакому Рублеву и Нестерову
> Лик такой и присниться не мог (*А. Межиров. Потолок*).

Анализируя валентные свойства лексемы «лицо», можно видеть, что она легко сочетается с разными по семантике прилагательными. «Когнитивные классификаторы – прилагательные характеризуют лицо в его прямом значении с точки зрения: а) *формы:* асимметричное, круглое, опухшее, одутловатое, правильное, продолговатое, скуластое, узкое, широкое, широкоскулое; б) *размера:* крупное, мелкое, небольшое, крохотное; в) *цвета:* белое, бледное, загорелое, землистое, румяное, смуглое, черное, красное, синее, зеленое, желтое; г) *эмоций*: бесстрастное, выразительное, веселое, грустное, довольное, злое, задумчивое, недовольное, печальное, приветливое, радостное, растерянное, сердитое, строгое, угрюмое, удивленное; д) *интеллекта*: умное, глупое, глуповатое, интеллектуальное, тупое; е) *возраста*: юное, молодое, старое, старческое, пожилое; ж) *гендера*: мужское, женское; з) *черт характера*: властное, волевое, гордое, надменное, смелое, жесткое, кроткое, доброе; и) *социальной принадлежности*: аристократическое, царское, мужицкое, крестьянское; к) *религиозных представлений*: ангельское, божественное, библейское, демоническое, дьявольское» [Клименко 2017, с. 81–82].

На основании вышеприведенного языкового материала можно утверждать, что обозначение передней части головы человека имеет амбивалентную природу, семантическое поле которого построено по принципу антонимии: «В сфере эмоций, интеллекта, черт характера находим следующие корреляты: радостное, веселое – грустное, печальное; выразительное – заурядное, серое; умное – глупое,

мягкое – жесткое, открытое – непроницаемое; печальное; выразительное – заурядное, серое; умное – глупое, мягкое – жесткое, открытое – непроницаемое; простое, бесхитростное – загадочное; волевое – бесхарактерное, безвольное; интеллектуальное – примитивное:

> В лице ничего смелого, сильного, мужественного. Всё слабо, апатично, вяло (*А. Чехов. Драма на охоте*).

Внешние характеристики лица и его эстетическая оценка также выстроена по вышеуказанным принципам: красивое – уродливое, миловидное – противное, асимметричное – правильное, широкое – узкое, крупное – мелкое и др. Интересно также, что в русской ментальности прилагательные цвета определяют лицо не с этнических позиций, а по параметрам «здоровый / больной»: желтое или черное лицо у человека с больной печенью, с лихорадкой:

> В худом житье лицо чернеет; в хорошем белеет (*пословица*).

Синим или красным лицо человека становится в результате холода, жары, плохого самочувствия:

> С его красного лица лился пот ручьями, в глазах светилось страдание (*А. Чехов. Там же*).

> Розовое, румяное лицо – признак здоровья: «Все тело его дышит здоровьем и силой. Лицо розовое, руки велики, грудь широкая, мускулистая (*А. Чехов. Драма на охоте*).

В американском варианте английского языка *black-face*, *red-face, yellow-face* означают цвет кожи, этническую принадлежность. Таким образом, можно сказать, что в русском языке человеческое лицо оценивается по многочисленным параметрам, включающим не только духовные, нравственные, интеллектуальные, но и внешние и эстетические качества человека» [там же, с. 83–84].

В процессе исследования была выявлена также связь лексем «лицо» и «лик» с базовыми национальными концептами «Душа», «Человек, личность». Обращаясь к Словарю В. И. Даля, находим интересную информацию, связанную непосредственно с православными концептами: «Лицо человека – представитель высших духовных даров: лоб – небесная любовь, глаза – разуменье, разумное созерцанье, уши – пониманье и послушанье, нос – постиженье добра,

рот – мысль и ученье, губы – духовная хвала» [Даль 2011, с. 258]. Этот факт подтверждает и Русский ассоциативный словарь [Русский ассоциативный словарь 2002, с. 297], отмечая среди ассоциатов лексемы такие, как *человек, душа человека, зеркало, зеркало души.*

Таким образом, можно утверждать, что ключевое слово концепта – лексема «лицо» – имеет сложную иерархию значений, ее семантический объем шире, чем тот, который представлен в современных толковых словарях. Диахронический анализ лексемы позволяет сделать вывод об эволюции концепта, о его динамике с древних времен до наших дней: из первичного ядерного значения «физический орган, передняя часть головы» развивается значение «человек, личность, индивидуум», которое является специфическим национальным компонентом. Вербализируя концепт, слово фиксирует те или иные когнитивные признаки, отражает его связь с другими объектами концептосферы, в данном случае с концептами «Душа», «Совесть», «Человек», что также можно отнести к национально-культурным моментам. Анализ словарных дефиниций, синонимов, ассоциатов позволил выявить коннотаты оценочного характера, увидеть дополнительные смыслы, а также национально-культурные компоненты лексемы. Концепт «Лицо» является двухъядерным концептом: первое ядро – физический орган человека, второе ядро – человек как индивидуум. Оба ядра имеют свою ближнюю и дальнюю периферию. В ближнюю периферию первого ядра входят физические характеристики лица (форма, размер, гендер), в дальнюю – образные характеристики предмета или понятия (лицо дома, лицо литературы). В ближнюю периферию второго ядра входят интеллектуальные, эмоциональные, нравственные характеристики человека, в дальнюю периферию – его социальный статус. Между первым и вторым ядром существует естественная связь, так как внешность отражает внутренний мир (*лицо – зеркало души*). Семантико-когнитивный подход выявил сложное многокомпонентное содержание концепта. Средства его объективации – множество языковых единиц: ключевая лексема и ее дериваты, фразеологизмы, синонимы, ассоциаты, речевые клише (пословицы и поговорки). Концепт относится одновременно к духовной и телесной сфере, имеет как универсальные, так и специфические черты. В основе его лежит чувственный образ, он обладает такими параметрами, как социальность, духовность, ценностность.

Всё это позволяет считать его чрезвычайно значимым в русской языковой картине мира.

Далее обратимся к английской лексеме *a face*. Краткое происхождение слова приводится в Webster's Ninth New International Dictionary of English Language: Middle English, from Anglo-French, from Vulgar Latine *facia*, from latine *facies, form, face.* Date: 13th century [Webster 1993, c. 443].

По данным английских толковых словарей [Webster's New Collegiate Dictionary 1987; Webster's New Collegiate Dictionary 1993; Hornby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H. The Advanced Learners Dictionary of Current English 1958] можно выделить следующие значения:

1) The front part of the human head including the chin, mouth, nose, cheeks, eyes and the forehead
   - the face as a means of identification: countenance (would know that ~ anywhere). *She's got a long, thin face*
2) *archaic*: Presence, sight
3) A facial expression – ex. *a friendly face*
   - grimace – *I was pulling silly faces laugh to make the baby laugh*
4) Outward appearance – (put a good face on it)
   - disguise, pretense – *the hidden face of American politics*
   - assurance, confidence (maintaining a firm face in spite of adversity)
5) Surface A: a front, upper, or outer surface
   - the front of something having two or four sizes, façade – *the west face of the building*
   - an exposed surface of rock – *the north face of mountain*
   - any of the plane surfaces that bound a geometric solid – *a cube has six faces*.

   B: a surface specially prepared as
   - the principal dressed surface (as of a disk)
   - the right side (as a cloth or leather)
   - an inscribed, printed, or marked side

   C: the surface (as of type) the receives the ink and transfers it to the paper
   - a style of type
6) The front of a clock or watch – *a watch face with Roman numerals*

7) The end or wall of a mine tunnel, drift, or excavation at which work is progressing – *breakage face*, *face wall*.

8) Face value – *coins*, *paper money*, *investment documents*.

9) Dignity, honor, prestige – *afraid to lose face*, *to save face*

10) Boldness, impudence – *to have the face to do smth*.

Сопоставив словарные дефиниции двух лексем, мы видим, что объем английской лексемы намного больше: в русском языке пять значений, в английском – десять. Ядерные значения лексем (родовые семы) одинаковы: «передняя часть головы человека», хотя этот орган в английских словарях определяется намного подробнее, указываются все части лица (губы, лоб, щеки и др).Что же касается переносных значений (видовые семы), то они частично совпадают, например, «честь, репутация, престиж»: *потерять / спасти лицо – lose / save face.* В английской лексеме (значения 5–7) очень подробно представлены характеристики различных поверхностей, фасад или боковые стороны различных объектов – рабочая поверхность инструментов (молотка, наковальни), поверхность скалы, диска, границы геометрических тел, забой в шахте и др., например: *the face of a building, of a coin, of a card* (*the card was lying on its face*), *a cube has six faces, face wall, lateral faces, breakage face.* В русском же представлена только фронтальная поверхность здания (фасад) или лицевая поверхность материи. Подробная информация о различных поверхностях является спецификой английской картины мира. Также специфично употребление слова *a face* как обозначение циферблата (*a hand* – стрелки часов!) – метафора, связанная с восприятием поверхности: *a watch face with Roman numerals*. Анализируя далее образные составляющие, отметим что абсолютно совпадают выражения *лицо – зеркало души* в английском, русском и во французском языках: *The face is index of the mind//of the heart; Le visage est l'image de l'ame.* Одинаковы идиомы лицом к лицу – *face to face* (*At last the two men met face to face*). Но следует быть осторожным, сравнивая, казалось бы, одинаковые сочетания. Русское словосочетание *иметь лицо* означает «не быть безликим, быть индивидуальным», и это положительная характеристика. Однако в английском *to have face to do* означает «иметь наглость». Из совпадений отметим также , что всё, связанное с духовным миром

или с абстрактными понятиями, одинаково в обоих языках: *лицо* (*лик*) *ангела, лицо* (*лик*) *Бога – the face of Angel, the face of God, лицо судьбы, лицо закона, лицо опасности – the fate face, the face of the law, the face of danger.*

Форма, размер, цвет лица в целом в прямом значении имеет такие же характеристики, как и в русском (длинное, узкое, круглое и др.) [Боголепова 2011, с. 32–35], например: *long, little, large face; white, pale, pink face* (за искл. американизмов *red-face, black-face – индеец, негр*) и др.

Синонимический ряд в английском гораздо меньше. Словари синонимов английского языка дают 8 синонимов: *countenance* – mood, character, changing emotion; *visage* – more literary term than the face, countenance; *mug* – used in informal context; *puss* – a facile expression (anger or pouting) [Webster's New Dictionary of Synonyms 1973, c. 317]. В других словарях находим также *snout, phisionomy, phiz, muzzle*. Приведем несколько примеров:

The very visage of man in love.

He has the phisionomy of an ascetic.

Getting your mug in the paper is one of the shameful ways of making a living.

His countenance changed, when he heard the news.

В целом можно сказать, что английский концепт также является многоплановым ментальным образованием: имеется ядерная, интерпретационная и образная части; ближняя и дальняя периферия. Главное же отличие, на наш взгляд, это двойственное восприятие лица в русском сознании – одушевленное (человек) и предметное, а в английской картине мира – только предметное: *a face* – передняя часть головы, фасад, поверхность, граница и др.

На протяжении длительного времени объектом лингвистических исследований, а также объектом внимания в преподавании иностранных языков являются языковые единицы, представляющие культурно-маркированную лексику. Изучение культуронимов, идионимов и лакун, конечно, необходимо. Однако цель данного исследования – привлечь внимание к нейтральной общеупотребительной лексике, которая, казалось бы, давно понятна и освоена. Достижения лингвокультурологии и лингвокогнитивистики дают возможность

по-новому осмыслить функционирование лингвистических и культурологических универсалий и, в частности, выяснить, насколько они универсальны. Лингвокультурный компонент в структуре общеупотребительного слова – это национально-специфическое восприятие мира того или иного народа, его культурный код. В преподавании иностранных языков подобные моменты особенно важны, так как главная цель в методике – создание вторичной языковой личности, не только многоязычной, но и поликультурной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Русский язык. Медиа, 2006. 564 с.

Антология концептов. Ч. 1. Волгоград, «Парадигма», 2005. 347 с.

Боголепова С. В. Сравнительный анализ описания лица и его частей в русскоязычной и англоязычной картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 9. С. 32–35.

Большой академический словарь русского языка : в 30 т. Т. 9. М.–СПб. : Наука, 2007. 659 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М. : Дрофа ; Русский язык. Медиа, 2011. 780 с.

Звегинцев В. А. Семасиология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. 323 с.

Клименко Г. В. Вербализация концепта «Лицо» в русском языке и русской культуре // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. заоч. интернет-конф., посв. 100-летию КубТГУ, 23 октября 2017 г., Краснодар. 689 с.

Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 2006. 846 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ Восток-Запад, 2007. 315 с.

Русский ассоциативный словарь. Кн. 1 / Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. и др. М. : АСТ. Астрель, 2002. 784 с.

Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. М. : Русский язык, 1983. 736 с.

Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 6. М.–Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1957. 1460 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2004. 742 с.

Этимологический словарь русского языка. М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. Вып. 9. 240 с.

Hornby A. S., Gatenby E. V.,Wakefield H. The Advanced Learners Dictionary of Current English. London : Oxford University Press, 1958. 1527 p.

Oxford Dictionary of English Etymology. New York : Oxford University Press Inc, 1966. 1025 p.

Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield, Massachusettes : Merriam Company, 1973. 930 p.

Webster's Third New International Dictionary of the English Language unabridged. Vol. 1. Enciclopedia Britanica. Inc. Mirriam-Webster, 1987. 1016 p.

Webster's Ninth New Collegiate Dictionary of the English Language unabridged. Vol. 1. Enciclopedia Britanica. Inc. Mirriam-Webster, 1993. 1565 p.

УДК 81.255.4

Ло Мэн

преподаватель факультета русского языка Сычуаньского университета иностранных языков КНР, аспирант каф. китайского языка переводческого факультета МГЛУ, e-mail: luom999@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА КОМИЧЕСКОГО В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ РЕЛЕВАНТНОСТИ
(на примере переводов с русского языка на китайский)

В статье рассматриваются трудности перевода комического с русского языка на китайский язык. На примере переводов с русского языка на китайский в статье анализируется процесс понимания читателями комического эффекта, показано, как теория релевантности может помочь переводчику подобрать способ передачи комического эффекта и преодолеть барьер так называемой непереводимости комического.

Ключевые слова: комический эффект; перевод комического; теория релевантности; непереводимость.

Luo Meng

Lecturer at the Russian Department of Sichuan International Studies University, China; Post-Graduate Student, Chinese Language Department, MSLU; e-mail: luom999@mail.ru

PROBLEMS OF THE COMIC EFFECT TRANSLATION IN THE ASPECT OF THE RELEVANCE THEORY
(on the example of translations from the Russian language to Chinese)

The article is devoted to the difficulties of translating the comic from Russian into Chinese. On the example of translations from Russian into Chinese, the article analyzes the process of understanding the comic effect by readers and shows how the relevance theory can instruct translators on the choice of ways of conveying the comic effect and overcoming the so-called "untranslatability" of the comic.

Key words: comic effect; translation of the comic; relevance theory; untranslatability.

Комическое (от *др.-греч.* κωμῳδία, *лат.* comoedia) – философская категория, обозначающая культурно оформленное, социально и эстетически значимое смешное [Сычев 2003, с. 66]. Задачу исследования комического, как отметил французский философ Анри Бергсон, ставили перед собой многие величайшие мыслители, начиная с Аристотеля [Бергсон 2016]. Кроме того, следует отметить, что изучение

комического всегда стояло в центре внимания переводчиков и переводоведов, так как комический эффект не только довольно часто встречается в текстах различных литературных и графических форм, но и представляет собой немало трудностей в работе переводчиков.

С помощью какого языкового механизма появляется комический эффект? Ответ на этот вопрос дан многими европейскими исследователями. Большинство из них выделяют две группы подходов к изучению комического: теория превосходства и теория несоответствия. Согласно теории превосходства, комический эффект возникает, когда имеет место превосходство субъекта комического над объектом. Как пишет английский философ Томас Гоббс, которого обычно считают основателем этой теории, «внезапная слава есть страсть, производящая те гримасы, которые называются смехом. Она вызывается у людей или каким-нибудь их собственным неожиданным действием, которое им понравилось, или восприятием какого-либо недостатка или уродства у другого, по сравнению с чем они сами неожиданно возвышаются в собственных глазах» [Гоббс 2001, с. 75].

Сторонники теории несоответствия полагают, что комический эффект появляется в результате несоответствия ожидаемого реальному. Как отмечал И. Кант, «смех есть эффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто. Именно это превращение, которое для рассудка явно и радостно, все же косвенно вызывает на мгновение живую радость» [Рюмина 2003, с. 21]. Артур Шопенгауэр также добавлял, что «смех всегда возникает не из чего иного, как из неожиданного сознания несовпадения между известным понятием и реальными объектами, которые в каком-либо отношении мыслились в этом понятии, и сам он служит лишь выражением такого несовпадения» [там же, с. 40].

В качестве примера приведем такую шутку на русском языке:

> Как узнать, кто у вас на руках: кот или кошка? Бросьте животное на землю и посмотрите: если побежал, значит, кот, а если побежала, значит, кошка.

Исходя из вышесказанного, нам легко в этом примере в ответной реплике почувствовать комический эффект: либо через проявляющееся превосходство в результате сравнения себя с отвечающим, либо путем сознания несоответствия ожидаемого ответа реальному. Носители русского языка даже могут заметить, что эффект превосходства

и несоответствия в ответе создан с помощью грамматической категории рода и согласованной с ней словоформы глагола. Однако при переводе этого анекдота на китайский язык – язык без категории рода и словоизменения, переводчик окажется в затруднительном положении. В китайском языке есть слово 猫 мао – родовое обозначение кошек и котов без указания на пол, есть и существительные 公猫 гунмао *кот* и 母猫 мумао *кошка*, которые используются, как правило, лишь тогда, когда необходимо подчеркнуть пол животного. Глаголы в китайском языке также не имеют ни морфологических, ни грамматических показателей рода. Таким образом, передать значения русских глаголов «побежал» и «побежала» в китайском языке невозможно, не используя конкретные существительные, указывающие пол животного. Но в этом случае пропадает, собственно, суть анекдота на русском языке! В результате переводчик, скорее всего, сделает перевод с комментарием (см. табл. 1).

Таблица 1

Оригинал	Ответ: *Бросьте животное на землю и посмотрите: если* ***побежал****, значит, кот, а если* ***побежала****, значит, кошка.*
Перевод на китайский язык	答：把猫放地上，然后看，如果它跑（注：阳性形式）走了，那就是公猫，而如果它跑（注：阴性形式）走了，那就是母猫。 （译者注：俄语中动词有阳性、阴性和中性形式，一般雄性动物用阳性形式，雌性动物用阴性形式。这里的回答者做了没有意义的回答，还是没有说明怎么知道猫的性别，这很滑稽。）
Выполненный перевод дословно в обратном переводе на русский язык	Бросьте *мао* (*кот / кошка*) на землю, а затем посмотрите, если **побежать** (***имеется в виду мужской род***), тогда кот, а если **побежать** (***имеется в виду женский род***), тогда кошка. *Примечание переводчика*: В русском языке глаголы имеют мужской, женский и средний род, обычно для животного-самца употребляется глагол мужского рода, а для самки – глагол женского рода. Здесь отвечающий дал по сути бессмысленный ответ: он просто использовал русские глаголы в женском и мужском роде, но из ответа всё равно невозможно понять, как можно определить пол *мао* «кот / кошка», поэтому такой ответ вызывает смех.

Есть все основания полагать, что, прочитав текст такого перевода, китайские читатели не смогут почувствовать почти никакого комического эффекта несмотря на то, что в переводе прямо добавлена и причина, которая приведет к несоответствию и превосходству, и показан такой результат осознаваемого в контексте несоответствия и превосходства. Вот почему комическое в таких русских текстах, как пример 1, часто считается непереводимым на китайский язык. В подобном случае перевод возможен только с учетом творческого подхода к переводческим трансформациям.

В этой ситуации сама идея прямой передачи результатов осознанного превосходства и несоответствия оказывает мало помощи переводчикам, особенно тем, кто занимается переводом с русского языка на китайский, в котором вообще нет соответствующих грамматических категорий, словоизменения и другие языковых характеристик русского языка. Очевидно, что для чувства комического более важен не столько результат превосходства и несоответствия, сколько процесс, в ходе которого читатели сами находят превосходство и несоответствие. Каким же образом читатели понимают превосходство и несоответствие в контексте? Как переводчик может проявить так называемый творческий подход к переводу и в какой-то мере преодолеть непереводимость? Как нам кажется, на эти вопросы можно найти единый ответ с точки зрения теории релевантности, разработанной учеными-психологами Дирдре Уилсон и Дэном Спербером как теория когнитивной прагматики.

Согласно данной теории, релевантность определяется как характер вводимых данных в когнитивный процесс у индивида [Sperber 2012, с. 6]. В любой конкретный момент вводимые данные означают новую информацию и представляют собой множество новых допущений (assumptions), извлеченных из когнитивного контекста индивида. В них входят как внешние стимулы, которые могут быть осознаны, так и внутренние репрезентации, которые могут быть запасены, отозваны или использованы как посылки при умозаключении. По теории релевантности, вводимые данные являются релевантными для индивида только тогда, когда они имеют связь с годными контекстуальными допущениями (т. е. уже известной информацией). Сочетая вводимые данные (новую информацию) с контекстуальными допущениями (уже известной информацией), индивид может вывести ряд позитивных

когнитивных эффектов, в том числе, например, истинную контекстуальную импликацию, усиление или исправление допущений, уже имеющихся в создании индивида. Иными словами, именно такой эффект расширения и увеличения информации на основании обработки вводимых данных и есть релевантность.

В основе теории релевантности лежат два общих рассуждения, относящие к роли релевантности в когниции и коммуникации:

Когнитивный принцип релевантности: «Человеческое познание стремится приспособиться к максимизации релевантности».

Коммуникативный принцип релевантности: «Каждый остенсивный стимул передает презумпцию своей собственной оптимальной релевантности» [Sperber 1995, с. 260]. (Здесь слово *остенсивный* означает «нарочито, намеренно выставляемый напоказ».)

На основе этих принципов речевая коммуникация, по теории релевантности, рассматривается как остенсивно-инференционная коммуникация, которая означает две стороны коммуникативной деятельности.

Со стороны адресанта функционирует коммуникативный принцип релевантности, здесь коммуникация является остенсивной. Это объясняется тем, что в коммуникации говорящий своими высказываниями и другими сигналами производит остенсивный стимул, чтобы сообщить слушающему какую-либо информацию. Сообщая данную информацию, по теории релевантности, говорящий не только передает цель или намерение, для чего эта информация сообщается, но и намерение того, что он хочет сообщить слушающему какую-либо информацию с какой-либо конкретной или неясной целью.

Со стороны адресата функционирует когнитивный принцип релевантности и здесь коммуникация является инференционной. Причина в том, что, когда слушающий получает от говорящего высказывание и сигнал в качестве остенсивного стимула, он машинально декодирует данное высказывание и сразу начинает искать его релевантность с помощью инференции (умозаключения), считая данное высказывание обязательно релевантным для себя (в соответствии с автоматически переданной презумпцией оптимальной релевантности). Согласно теории релевантности, сначала, то есть сразу после декодирования высказывания говорящего, слушающий получает только семантически неполную логическую форму. Затем слушающий расширяет

логическую форму до семантически полной пропозиции с помощью умозаключения и релевантных допущений, извлеченных из когнитивного контекста в данный момент. Через семантически полную пропозициию слушающий получает буквальные или эксплицитно выраженные значения высказываний. Такое значение, по теории релевантности, называется **экспликатурой** и описывается следующим образом: пропозиция, переданная в высказывании, является экспликатурой только тогда, когда она является расширением логической формы, кодированной высказыванием [Sperber 1995, с. 182].

После понимания экспликатуры в сознании слушающего естественно продолжается поиск релевантности, и это приносит также другие релевантные допущения. Они не являются прямым расширением логической формы с буквальными кодами высказываний, но более или менее связаны с экспликатурами и также релевантны для слушающего в данный момент. Авторы теории релевантности их называют импликатурами и определяют так: **импликатура –** это пропозиция, которая не эксплицитно передана в высказывании [там же, с. 182].

Поэтому в свете теории релевантности комический смысл является своего рода импликатурой, которая возникает в сознании индивида в результате выведения релевантных допущений негармоничности в ожидании релевантности после инференции в когнитивном контексте.

Чтобы показать процесс сознания комического эффекта, продемонстрируем на примере 1, как это поэтапно происходит с точки зрения теории релевантности у читателя – носителя русского языка.

Прочитав оригинал в примере 1, носители русского языка сначала бы декодировали текст, расширили бы логические формы и получили бы такую экспликатуру: «А. задал Б. вопрос о том, как узнать, кто у Б. в руках: кот или кошка. Б. ответил, что можно бросить животное на землю и посмотреть: если побежал, значит, кот, а если побежала значит, это кошка». Затем на основе этой экспликатуры читатели извлекли бы из когнитивного контекста ряд других соответствующих допущений, в который могут быть внесены:

а. Словоформы «побежал» и «побежала» – это формы мужского рода и женского рода глагола «побежать» в прошедшем времени, которые согласованно указывают на уже известный пол животного (энциклопедическое знание в памяти).

b. Если словоформы только согласованно указывают на уже известный пол животного, то употребление этих обеих словоформ в отношении одного и того же животного его пол никак не указывается (энциклопедическое знание в памяти).

c. В ответе на вопрос, который задал А, Б употребил словоформы «побежал» и «побежала» (допущение из контекста).

d. Если отвечающий не указал пол животного в четком ответе на вопрос об уточнении пола животного, то он либо сказал неправду, либо произнес бессмыслицу, либо путает слова (энциклопедическое знание в памяти).

e. Если человек при ответе на вопрос произносит бессмысленные фразы или путает слова, то он, скорее всего не умен, и это действие не соответствует обычно ожидаемому реальному (энциклопедическое знание в памяти).

Мозг читателя – носителя русского языка в процессе обработки всех этих допущений объединяет их, и конечное умозаключение проходит следующие фазы (разумеется, мозг производит все эти операции мгновенно, хотя у кого-то быстрее, кого-то медленнее):

Фаза 1: b (большая посылка) + a (малая посылка) => f (вывод)

f. При одновременном употреблении словоформ «побежал» и «побежала» для одного животного невозможно узнать его пол.

Фаза 2: f (большая посылка) + c (малая посылка) => g (вывод)

g. Б не указал пол животного в ответе на вопрос об уточнении пола животного.

Фаза 3: d (большая посылка) + g (малая посылка) => h (вывод)

h. Б сказал неправду, бессмыслицу или перепутал слова в ответе на вопрос А.

Фаза 4: e (большая посылка) + h (малая посылка) => i (вывод)

i. Б, должно быть, глуп, и его действие не соответствует обычно ожидаемому реальному.

Таким образом, читатель в результате умозаключения почувствовал бы комическое, осознав несоответствие и свое превосходство над

«неумным» человеком Б. Следует подчеркнуть, комический эффект перед читателями здесь появился не через прямое высказывание окончательного релевантного допущения i или через непосредственный показ превосходства и несоответствия, а именно – через процесс умозаключения, к которому пришли сами читатели, иначе говоря, по теории релевантности, через этапы декодирования и инференции, через выстраивание релевантности.

Исходя из вышесказанного, при переводе комического эффекта переводчик должен не только передать окончательные релевантные допущения, но и, что более важно, создать ключевые допущения, максимально воспроизводящие процесс умозаключения читателей исходного языка. Надо отметить, что процесс умозаключения не только служит целью, но также подсказывает переводчику, какой способ перевода подходит в каждом конкретном случае. В проанализированном выше примере нетрудно заметить, что ключевое допущение, приводящее к данному конкретному умозаключению, связано именно со спецификой русского языка, точнее, с грамматической категорией рода и спряжением глагола, которые позволяют в русском языке отразить пол субъекта действия. Поэтому, чтобы передать такой комический эффект при переводе на китайский язык, в котором нет соответствующих грамматических категорий, переводчику нужно найти специфические для китайского языка языковые средства для отражения пола субъекта. Мы считаем, что именно такой ход мысли дает переводчику подходящее направление или инструкцию к выбору вариантов перевода, которые часто носят креативный характер и в какой-то мере могут преодолеть непереводимость в данной ситуации. К примеру 1 можно было бы добавить второй вариант перевода.

Пример 1

Оригинал	*Вопрос*: Как узнать, кто у вас на руках: кот или кошка? *Ответ*: Бросьте животное на землю и посмотрите: если ***побежал***, значит, кот, а если ***побежала***, значит, кошка.

Перевод 2 (на китайский язык)	答：把猫放地上，听它怎么叫：要是它叫“偪”，那就是公猫，而要是叫“媌”，那就是母猫。 *досл*. Бросьте животное на землю и послушайте, как кричит: если ***мяу***, значит, кот, а если ***мяу***, тогда кошка.

Для читателя – носителя русского языка в таком переводе тоже непонятна суть анекдота. Однако для читателя – носителя китайского языка всё станет понятным. Дело в том, что иероглифы, обозначающие звукоподражание кошачьему мяуканью, могут передавать значение мяуканья кошки и мяуканья кота. С помощью иероглифических элементов 亻 (мужской) и 女 (женский), которые указывают на местоимения 他 (он) и 她 (она), переводчик в примере 2 в определенной мере смог воспроизвести на китайском языке процесс выстраивания релевантности, как у читателей-носителей русского языка, и таким образом отчасти передал релевантный комический эффект оригинала. Такой способ перевода не относится к числу простых лексических трансформаций, таких, как лексическое добавление, опущение и др. Для перевода в языковой паре «русский – китайский» такой способ перевода можно назвать креативной трансформацией, которая может помочь решить проблемы с так называемыми непереводимыми языковыми факторами в оригинале.

Непереводимые языковые факторы возникают не только на уровне грамматики, как в примере 1. Рассмотрим с позиции теории релевантности непереводимые факторы на других уровнях языка и попробуем найти приемлемые варианты воспроизведения в переводе на китайский язык исходной релевантности.

Пример 2

Оригинал	И Полесов начал действовать. Он делал регулярные визиты всем членам тайного общества «***Меча и орала***», ...Следствием его недомолвок было то, что город наполнили слухи о приезде с ***Мечи и Урала*** подпольной организации [Ильф, Петров]
Перевод	波列索夫真就开始了行动。他按期走访“剑与犁”秘密联合会的全体成员。……他半吞半吐，欲言又止，结果闹得满城风雨，到处都在传说打外地来了一个什么“贱卖梨”的地下组织。[徐昌翰译，十二把椅子，

Перевод	[苏]伊·伊利夫、叶·彼得罗夫著，沈阳：春风文艺出版社, 1985, 274–275页] (*досл.*: везде пошли слухи о приезде откуда-то какой-то подпольной организации «Дешево продаём груши»).

В оригинале в примере 2 комический эффект появляется через релевантность на фонетическом уровне, поскольку произношение названия общества «Меча и орала» созвучно словосочетанию «Мечи и Урала». Это также ключевое релевантное допущение для завершения умозаключения, которое выявляет несоответствие ожидаемого реальному. Поэтому в переводе на китайский язык переводчик передал комический эффект аналогичным релевантным допущением, в котором словосочетания 剑与犁 *меч и орало* и 贱卖梨 *дешево продавать груши* звучат практически одинаково, но записываются разными иероглифами, обозначающими отличные друг от друга значения. Такие слова и словосочетания в китайском зыке называются омофонами-созвучиями, и они часто используются в различных каламбурах и анекдотах.

Непереводимые языковые факторы могут возникать и на уровне морфем и слов, как в примере 3.

Пример 3

Оригинал	***Петька*** и ***Анка***, надев для маскировки костюмы индейцев, пробираются в тыл к белым. Их останавливает патруль: – Ты кто? – спрашивают Анку. – ***Индианка***, – с достоинством отвечает та. Спрашивают Петьку: – А ты? Скрестив руки на груди, Петька отвечает: – А я – ***Индипетька*** [Петька и Василий Иванович]
Перевод на китайский язык	小彼和小安化装成印第安人混入白军后方。被巡逻叫住： “你什么人？”巡逻问小安。 “我是小印第安”，小安庄重地回答。 巡逻又问小彼： “你呢？” 小彼叉着胳膊答道： “而我，是小印第彼。”

В примере 3 носители русского языка легко заметят, что в словах «Индипетька» и «Индианка» морфемы «-петька» и «-анка» одинаковы по словоформе и произношению с именами персонажей – Петька, Анка. Слово «индианка» в русском языке существует, а вот слово «индипетька», конечно, нет, и это является ключевым релевантным допущением для умозаключения, в результате которого русские читатели ощущают комический эффект.

Прежде чем проанализировать способ перевода на китайский язык, к которому прибегнул переводчик, следует отметить, что в китайском языке в силу его типологических особенностей все многосложные иностранные имена собственные, как правило, преобразовываются в одно- или двусложные наименования, при этом убираются все невозможные в фонетике китайского языка стечения согласных (например, в китайском языке отсутствуют слоги *еть* или *ет*). Также в силу особенностей типологии в китайском языке отсутствуют морфологические способы передачи уменьшительного, уменьшительно-ласкательного и других субъективно-оценочных значений. Поэтому русские имена Петька и Анка по-китайски, в том числе и в данном примере, выглядят как 小彼 *Сяо Би* (*Маленький Петр*) и 小安 *Сяо Ань* (*Маленькая Анна*). Также следует указать, что *индеец* (*индианка*) по-китайски 印第安 *индиань*, при этом последний иероглиф 安 *ань* (*спокойствие*) является тем же иероглифом, который фигурирует и для записи иностранного имени *Анна.*

При переводе на китайский язык ответов Анки и Петьки в этом анекдоте переводчик взял подобные по структуре выражения 小印第安 *Сяо индиань* (*Маленькая индианка*, что одновременно может означать *Маленькая ИндиАнна*) и 小印第彼 *Сяо индиби* (*Маленький индиби* – такого слова нет, но по аналогии с *ИндиАнной*, это можно трактовать как *Маленький ИндиПетр*), чтобы читатели – носители китайского языка могли обнаружить связь с 小安 *Сяо Ань* и 小彼 *Сяо Би* и аналогичным образом приобрести релевантность. Таким образом, мы видим, что переводчик использовал остроумный способ перевода на слоговом и иероглифическом уровне, точно передав комический эффект, присутствующий в русском анекдоте.

Непереводимые языковые факторы в языковой паре «русский – китайский» могут встретиться и на уровне словосочетаний [Бархударов 1975, с. 180]. Например:

Пример 4

Оригинал	Нельзя было назвать его ***некурящим***: иногда он ***курил фимиам*** своему начальнику [Зощенко].
Перевод	不能说他是无烟人士：他有时给上司进香火。 *досл*. Нельзя было сказать, что у него ***не бывает дыма***: он иногда начальнику ***зажигал благовонные палочки***.

В примере 4 умозаключение читателей основывается главным образом на паре релевантности: 1) релевантность слова *некурящий* со словосочетанием *курить фимиам*; 2) релевантность словосочетания *курить фимиам* с его семантикой *неумеренное восхваление*. Чтобы сохранить комический эффект в переводе на китайский язык, переводчик создал аналогичную пару релевантности: 1) релевантность слова 烟 *дым* со словом 香火 *благовонные палочки*; 2) релевантность выражения 进香火 *зажигать благовонные палочки* с его прагматическим значением *делать подношения,* что семантически близко к значению *курить фимиам.*

Следует отметить, что по теории релевантности разные импликатуры в сознании разных людей отличаются друг от друга разной степенью релевантности. При понимании текстов читатели всегда поразному выбирают наиболее релевантную для себя информацию, которую, по их мнению, четко мотивирует контекст. Как говорят в Китае, «у тысячи читателей – тысяча Гамлетов». Поэтому переводчик в качестве читателя текста оригинала может столкнуться с трудностью, когда для потенциальных реципиентов «коммуникативно релевантными оказываются сразу несколько смысловых пластов, разнородных, но выраженных одновременно одними и теми же фрагментами оригинала» [Бузаджи, Ковальчук 2016, с. 64], или когда переводчик релевантной информации «не видит вообще, или вынужденно приходит к выводу, что коммуникативно-релевантным в тексте является абсолютно все: от значений отдельных слов, до их внутренней формы и звуковой оболочки» [там же, с. 69]. Если в этих ситуациях ограничена свобода переводчика в отборе контекстно релевантной информации, а передача всей нужной релевантной информации необходима, то языковая непереводимость может быть непреодолима. Например, при переводе

кроссворда с русского языка, языка буквенного, на китайский, письменность которого составляют иероглифы, переводчик может столкнуться с проблемой непереводимости, так как в тексте оригинала присутствует форма сетки, в клеточки которой необходимо вписывать буквы, составляющие искомые конкретные слова. Эта форма сетки и содержание конкретных слов одновременно имеют высокую мотивированную релевантность, поэтому в тексте перевода требуется воспроизведение обоих этих элементов, что для китайского языка совершенно невозможно ввиду его иероглифической письменности.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть: теория релевантности способна объяснить, как читатели получают в тексте комические эффекты. В рамках теории релевантности при переводе комического переводчик должен, в первую очередь, воспроизводить ключевые для умозаключения допущения и процесс выстраивания релевантности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бархударов Л. С. Язык и перевод. М. : Международные отношения, 1975. 180 с.

Бергсон А. Смех [Электронный ресурс]. Режим доступа : krotov.info/library/02_b/er/gson_smeh.htm (дата обращения: 20.12.2016).

Бузаджи Д. М., Ковальчук А. В. Сущность, причины и виды непереводимости // Мосты. 2016. № 1 (49). М. : Р.Валент, 2016. С. 62.

Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 75 с.

Зощенко М. Лимонад [Электронный ресурс]. Режим доступа : ostrovok.de/old/classics/zoshchenko/story011.htm (дата обращения: 20.12.2016).

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: thelib.ru/books/ilf_ilya/dvenadcat_stulev-read-19.html (дата обращения: 20.12.2016).

Кроткий Э. Отрывки из ненаписанного [Электронный ресурс]. Режим доступа : lib.ru/ANEKDOTY/KROTKIJ/nenapisannoe.txt (дата обращения: 20.12.2016).

Петька и Василий Иванович [Электронный ресурс]. Режим доступа : anekdot.1002.ru/content/1/36.html (дата обращения: 20.12.2016)

Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М. : Элиториал УРСС, 2003. 21 с.

Сычев А. А. Природа смеха или Философия комического. М. : Изд-во МГУ, 2003. 66 с.

Sperber. D & D. Wilson. Relevance: Communication and Cognition. Oxford : Blackwell, 1995. 182 p.

Sperber. D & D. Wilson. Meaning and relevance. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 6 p.
吕绍宗译, 左琴科幽默讽刺作品集/（俄罗斯）左琴科著, 南京：译林出版社，2004. 125页.
徐昌翰译，十二把椅子，[苏]伊·伊利夫、叶·彼得罗夫著，沈阳：春风文艺出版社, 1985. 274–275页.

УДК 81.25

К. К. Нечаева

кандидат филологических наук, и.о. зав. кафедрой португальского языка переводческого факультета ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: nechaeva.ksk@mail.ru

АЛЛЮЗИИ: ВИДЫ, ФУНКЦИИ, ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА (на примере португальских СМИ)

Статья посвящена особенностям функционирования и перевода аллюзивной информации в тексте и ее декодирования. Эти проблемы являются актуальными и дискуссионными, а сохранение в переводе интертекстуальных элементов – одна из самых трудных задач, которую приходится решать переводчику.

Ключевые слова: аллюзия; интертекстуальность; прецедентные тексты; перевод.

K. K. Nechaeva

PhD (Philology), Acting head of the Portuguese Language Department of the Translation and Interpreting Faculty, Moscow State Linguistic University;
e-mail: nechaeva.ksk@mail.ru

ALLUSION: TYPES, FUNCTIONS, PROBLEMS OF TRANSLATION (on the material of Portuguese mass media)

The article is devoted to some peculiarities of functioning and interpreting of inclusive information in the text and its decoding. These problems happen to be rather topical and debatable, and the preservation of intertextual elements in translation is one of the most difficult tasks that a translator has to solve.

Key words: allusion; intertextuality; precedent texts; translation.

Современная лингвистическая наука предлагает различные подходы и методы исследования интертекстуальных связей. Однако феномен прецедентных высказываний, способы их интеграции в новые тексты, особенности функционирования аллюзивной информации в тексте, а также пути ее декодирования, остаются малоизученными. Особенности функционирования и перевода аллюзивной информации в тексте являются актуальными и дискуссионными, а сохранение в переводе интертекстуальных элементов – одна из самых трудных задач, которую приходится решать переводчику.

Формы и приемы включения подобных элементов в публицистический и художественный контекст столь разнообразны, что не существует единого терминологического аппарата для описания этих

явлений. У разных исследователей «средства создания вертикального контекста» получили наименование текстовых реминисценций [Супрун 1995, с. 17], квазицитат [Земская 1996, с. 168], квазифразеологизмов [Кривенко 1993, с. 4], парафраз [Москвин 2002, с. 64] и др. В тех случаях, когда весь текст пронизывает аллюзивность, принято говорить о травестии (см., например, наблюдение В. П. Москвина: «Парафраз текста принято называть ... травестией»), или о гипертекстуальности.

Понятие аллюзии непосредственно связано с прецедентными текстами. Прецедентные тексты хорошо известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах. Как пишет Ю. Н. Караулов, «прецедентные тексты представляют собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образы, мерки для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из фактологического контекста мысли в «ментальный», а возможно, и обратно» [Караулов 1987, с. 216].

Согласно Ю. Н. Лотману, «текст в тексте – это специфическое риторическое построение, в котором закодированность разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. Переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже ... обостряет момент игры в тексте – с позиций другого способа кодирования текст приобретает игровой характер: иронический, пародийный, театрализированный смысл и т. д. Одновременно подчеркивается и роль границ текста, как внешних, отделяющих его от нетекста, так и внутренних...» [Лотман 2000, с. 66]. Аллюзия в строгом смысле не является тропом или фигурой. Она представляет собой прием текстообразования, заключающийся в соотнесении создаваемого текста с каким-либо прецедентным фактом – литературным или историческим. Аллюзия – это намек на известные обстоятельства или тексты. Содержащие аллюзию высказывания, помимо буквального смысла имеют второй план, заставляющий читателя обратиться к тем или иным воспоминаниям, ощущением, ассоциациям. Текст как бы приобретает второе измерение, «вставляется» в культуру, что и породило термин «вертикальный контекст»; Прецедентные тексты иногда так прочно «вплавляются» в текст,

что становятся его неотъемлемой частью. Аллюзия выступает в качестве общепризнанного средства повышения интертекстуальной плотности произведения, создания его смыслового, эмоционально-эстетического потенциала. Суть явления интертекстуальности состоит в том, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который является прецедентным по отношению к создаваемому тексту. В результате функционирования стилистического приема аллюзии у читателей создаются зрительно и чувственно ощутимые образы, которыми облекается предметно-логическое содержание». Характерно понимание этого явления как свободного употребления (замещения) одного слова взамен другого слова в устной или письменной речи. Подобная интерпретация чрезвычайно расширяет значение термина «аллюзия», фактически применяя его к многообразным видам иносказаний, недоговоренности, имплицитности и т. д. Пространство художественного текста, испытывающего на себе семантическое и стилистическое влияние аллюзии, делает ее важным смысловым и структурным элементом художественного целого. Интертекстуальность как внутренне присущее свойство художественного текста наиболее полно реализуется посредством стилистического приема аллюзии. «Аллюзия является одним из наиболее эффективных и часто используемых средств увеличения смыслового и эмоционально-эстетического содержания произведения вербального искусства. Существующие на данный момент теории аллюзии сходятся в том, что они определяют аллюзию как косвенную ссылку на тот или иной факт, деятеля или событие, которое считается общеизвестным» [Арнольд 1997 с. 37; Мамаева 1977, с. 66].

Наличие конкретного (предполагаемого) автора исходного текста – один из основных признаков аллюзии. «Аллюзия является средством соположения определенных контекстов, она привносит в новый текст смыслы из прецедентного текста, и очевидным представляется, что для правильного восприятия читателю, равно как и переводчику, необходимо понимать, какие именно контексты соединяются, поскольку от этого будет зависеть реализация авторской интенции» [Васильева 2011].

Абсолютно любой аллюзивный текст, вне всякого сомнения, имеет подтекст и, следовательно, характеризуется огромным числом

тайных смыслов. Однако не все скрытые смыслы становятся явными за счет текстовых включений. «Только небольшая часть подтекстовой информации может быть получена читателями за счет создания межтекстовых связей, которые получаются благодаря наличию в тексте различных интертекстуальных включений» [Масленникова 1999].

Диапазон аллюзий очень широк. Он включает стихотворные и прозаические цитаты, названия художественных произведений, кинофильмов, пословицы и поговорки, устойчивые выражения, политический лозунги разных эпох, библейские выражения. Выступают как свернутая метафора.

Существует подробная классификация. Но если говорить, например, о текстах СМИ, то по содержанию аллюзии в основном подразделяются на исторические и литературные. Первые строятся на упоминании исторического события или лица. Литературные аллюзии основаны на включении цитат из прецедентных текстов (часто в измененном виде), а также на упоминании названия, персонажа какого-либо литературного произведения либо эпизода из него:

1) литературные цитаты-реминисценции, имена персонажей, названия произведений и т. д.: словосочетание *мыслящий тростник* у Ерофеева «Москва-Петушки» (когда описывается контролер в поезде) принадлежит Паскалю *человек подобен тростнику, но мыслящему*;

2) видоизмененные высказывания ученых, политиков, деятелей культуры и т. д.: *Товарищи обменялись обвинениями* (цитата из СМИ);

3) библеизмы (факты, имена, фразы из Ветхого и Нового Завета);

4) цитаты, в том числе, трансформированные, из популярных песен и кинофильмов: *Есть такая профессия – Родину защищать* (о российских солдатах-миротворцах в Косово). Рассматриваемый заголовок является интертекстом, внутри которого наблюдаются ссылки на цитату из кинофильма «Офицеры». Другие примеры из заголовков СМИ: *Лондон: у природы нет плохой погоды, Шумел Камышин, деревья гнулись*). В переводе детской книги нам встретилась фраза «Он был такой странный, как Доктор Спок». Это имя незнакомо русскому читателю. Обнаружилось, что одно время на португальском телевидении шел фантастический сериал по типу звездных войн, и одного из героев звали Доктор Спок. Автор перевода принял решение заменить его имя на *Мастер Йода* (по внешнему сходству). Однако и эта

аллюзия является временной, так как пройдет время, и для другого поколения это имя окажется неизвестным.

5) измененные названия теле- и видеофильмов, фразы из популярных фильмов и телепрограмм, рекламы: *Президент тоже плачет* (*Um Presidente também chora*);

6) трансформированные крылатые выражения, чаще всего одно из слов в цитате меняется на ключевое для газетной статьи. При этом узуальный переносный смысл чаще всего сохраняется: *Дружба дружбой, а ядерные программы врозь* (*Amigos, amigos, nuclear à parte*);

7) названия живописных полотен, скульптур и других произведений искусства: *Таинственная улыбка Иванова*.

Названия художественных произведений часто модифицируются. Одним из наиболее распространенных приемов создания аллюзии является изменения знака оценки путем перемены эпитета. Трансформация может быть такой значительной, что остается лишь синтаксический «каркас» и одно из слов цитаты. При изменении звуковой формы исходного слова на близкое по звучанию, но далекое по семантике трансформация может получить характер каламбура.

Особый и очень распространенный в наше время вид преобразований касается прецедентных текстов, в которых используются широко распространенные выражения, высказывания политических деятелей.

Разумеется, здесь перечислены далеко не все разновидности литературной аллюзии. Но и по приведенным примерам видно, что вертикальный контекст, в основном в печати, нередко строится из компонентов так называемой массовой культуры. Это вполне естественно для данной сферы общения: пресса ориентирована на массового адресата. Последнее, несомненно, сказывается на качестве аллюзий: ведь для того, чтобы разгадать «аллюзийный ребус», нужно понять смысл аллюзии и хотя бы приблизительно знать ее источник.

Рассмотрим некоторые виды аллюзий более подробно. Довольно большую группу, например в английском языке, представляют библеизмы, имеющие эквиваленты в переводящем языке. Перевод таких библеизмов не вызывает трудностей, поскольку в большинстве случаев используется соответствующий эквивалент. Например: *forbidden fruit – запретный плод; fruto proibido* (порт. яз), *promised land – земля обетованная; Terra Prometida* (порт. яз); *daily bread – хлеб насущный; o pão nosso de cada dia* (порт. яз), *to worship the golden*

calf – поклоняться золотому тельцу и т. д. Однако часть библеизмов прижилась только в английском языке. Они составляют довольно большую и самую трудную для перевода группу. В этом случае при переводе библеизм английского языка заменяется аналогичным библеизмом другого языка, фразеологизмом, или применяется метод описательного перевода. Например, английский библеизм *land of milk and honey: land of milk and honey – страна процветания и изобилия, благодатная земля; milk and honey – процветание и изобилие* не имеет соответствия ни в русском, ни в португальском языках*: é um país de prosperidade e abundância, terra fértil.*

Тема аллюзий является очень многоплановой и чрезвычайно интересной для исследований на самых разных уровнях: можно рассматривать аллюзии в плане устойчивости / временности; типы преобразований (внутримодельные, внешнемодельные, межуровневые) и т. д.

Что касается исторических аллюзий, то этот вид аллюзии весьма распространен в португальской публицистике и не случайно. Исторические аллюзии несут в тексте множество функций: они создают необходимый контекст, придают статье колорит, дают читателю определенный сведения. Ведь любое историческое событие можно преподнести в любом ракурсе, уделив большее внимание тому или иному факту, в зависимости от целей, которые ставит перед собой журналист. Кроме того, в сознании людей уже существуют сложившиеся стереотипы, определенное отношение к различным историческим событиям и явлениям.

Статья из газеты «Диариу» «Дон Мануэл отпраздновал день рождения своего сына вместе с жителями Лиссабона» («D. Manuel partilhou com lisboetas a festa de nascimento do seu filho») освещает праздник, посвященный Дню замков, во время которого устраивают театрализованные представления на исторические темы. И вот в статье, наряду с современными жителями Лиссабона, появляются такие герои, как король Мануэл, принц Жуан Ш, дворяне Лопо де Алмейда и Саншо де Норонья, писатель Жил Висенте. И для многих русскоязычных читателей эти персонажи совсем неизвестны. А между тем для португальского читателя это имена, которые во многом определили ход истории страны и период ее расцвета. Король дон Мануэл (годы правления 1495–1521), наверное, самый прославленный король

Португалии. Именно в годы его правления Васко да Гама открыл морской путь в Индию, а Педро Кабрал достиг берегов Бразилии. Король Мануэл провел множество реформ, среди которых реформа образования. Без сомнения, это весьма яркая фигура в португальской истории, и ее упоминание в статье совершенно не случайно. То же касается и другой ключевой фигуры – Жила Висенте – основателя португальского театра, творившего во времена дона Мануэла. Да и рыцари Лопо де Алмейда и Саншо де Норонья – хозяева праздника – небезызвестные фигуры португальской истории, прославившиеся во времена правления короля Мануэла.

А вот статья совершенно другого характера – «Президент тоже плачет» Обратим внимание на то, какие исторические события упоминает автор. Здесь мы встречаем такие аллюзии, как «португальцы пробудились ото сна эфемерного процветания» – намек на значительный экономический подъем, который переживала Португалии в середине 1990-х гг., за которым последовал серьезный экономический кризис. Автор продолжает аллюзию, говоря про «одну темную февральскую ночь, когда подскочили цены на топливо». Топливный кризис разгорелся в Португалии в феврале 1993 г. Как видим, упоминаемые события носят совсем иной характер, и это тоже не случайно. В этой статье автор дает свою оценку действующему тогда президенту Жоржу Санпайо. И, упоминая эти исторические события, автор хочет подчеркнуть, что президенту удалось справиться даже с такими весьма непростыми моментами в жизни страны.

В статье «В конце концов доверие возвращается» мы встречаем аллюзию на «Теорию оазиса» – утопичную идею процветания, возникшую в 1990-е гг., и автор сразу расшифровывает эту аллюзию, напоминая читателю о периоде кавакизма. Каваку Силва был премьер-министром Португалии в период с 1985 по 1995гг., а в январе 2006 г. был избран президентом Республики. Ему удалось добиться значительного экономического роста в Португалии, в связи с чем и возникла «теория оазиса». Однако этот рост оказался непродолжительным. По словам самого автора, «намек на экономическое состояние страны периода кавакизма всего четыре дня спустя после вступления президента Каваку Силвы в должность отнюдь не невинен».

Подобные аллюзии понятны любому португальскому читателю, в той или иной мере знакомому с историей своей страны. Но как донести

всё это до читателя, принадлежащего другой культуре? Единственный способ – дать довольно обширную историографическую справку, объяснить те или иные явления в сноске или непосредственно в тексте.

Как правило, даже события недавние, с исторической точки зрения, освещаются в газетах определенным образом, приобретая позитивную или негативную окраску. Автор не только намекает на события, но и побуждает читателя вспомнить то, как эти события оценивались. Если аллюзия-сравнение проводится с историческим фактом, то читатель, в зависимости от мнения автора, формирует то или иное отношение и к современным событиям (правительственным реформам, международным соглашениям и т. п.). Одни аллюзии (статья «Дон Мануэл отпраздновал день рождения своего сына вместе с жителями Лиссабона») призваны испытать гордость за свою страну, напомнить о ярких страницах ее истории. А вот пример аллюзии на те же события, но сказанные совершенно в другом контексте (статья «Ainda continuamos na mediocridade»). Здесь автор также упоминает мужественные деяния Вириата – вождя иберийского племени лузитан, боровшегося против римских захватчиков, – и путешествия, которые «выпала честь» совершить португальцам (прямая аллюзия на Великие географические открытия). И именно так эти события известны. Но это – история, а современная картина сильно отличается от этой «славной истории». Как видим, здесь аллюзия является способом противопоставления.

В большинстве случаев газетные статьи касаются современных событий, а не исторических. Они отражают основные международные события, и автор, предоставляющий материал, должен быть объективен. Цитаты помогают ему в этом, аллюзии же, играя, с одной стороны, ту же роль, с другой – позволяют журналисту манипулировать сознанием лектората и выражать свое собственное мнение, давать оценки и суждения, хоть и в более скрытой форме.

В печати часто встречаются сложно построенные, эстетически привлекательные, наполненные глубоким смыслом аллюзии. Такие аллюзии чаще всего многофункциональны: они раздвигают временны́е рамки и расширяют культурное пространство текста; обогащают его смысловыми и эмоциональными оттенками. Кроме того создают предпосылки для возникновения у читателя разлтчных ассоциаций, служат средством выражения оценки и создания комического эффекта,

используются для усиления аргументации, наконец, способствуют формированию имиджа журналиста как человека высокой культуры.

Одной из основных функций аллюзий и цитат является активизация в сознании читателя определенных «затекстовых пластов» и представление авторского текста в «созвучных ему внешних контекстах», привлечение внимания к отдельным идейно-стилистическим решениям. Авторский текст оказывается вовлеченным в сложную систему культурных ассоциаций и сопоставлений.

Помимо аллюзий на политические реалии, авторы нередко обращаются к так называемым географическим аллюзиям. В статьях газеты «Диарио де Нотисиаш» мы часто сталкиваемся с названием *Белень*. Любой португалец знает, что в этом районе Лиссабона расположена президентская резиденция. Он же – розовый дворец. Эта аллюзия, прозрачная для любого представителя португальской культуры, тем не менее, может вызвать затруднение у иностранного читателя.

Другие подобные аллюзии: *Калсадо да Эштрела* – достопримечательность в Лиссабоне, *Кортес* – район в Португалии. Но статья, где эти реалии оказываются не просто фоном действия, они сами непосредственно превращаются в участников событий – исторические персонажи (так же, как и современные) действуют в определенной обстановке. Мы видим *башни св. Лоренса* в замке св. Георгия, улицу *Козиньяш, Фатиаш де Ка* (района Томар), *Колонный зал*. Все эти места знакомы любому жителю Лиссабона, именно они формируют исторический центр города. Но в этой статье эти исторические места сопоставляются с современностью, точнее, с современным обществом, и перед нами появляются девушка на каблуках-шпильках, парень с пирсингом. Это аллюзия на необходимость беречь историческое наследие, на его ценность.

Аллюзии на произведения искусства (в том числе на произведения кинематографа и современные музыкальные произведения) не очень популярны в португальской прессе. Однако в какой-то степени эти аллюзии являются наиболее яркими и узнаваемыми, поэтому в основном они используются в заголовках. Например, «президент тоже плачет» – аллюзия на известный мексиканский телесериал «Богатые тоже плачут» («Los Ricos tambien lloran»). В статье «Доверие начинает возвращаться» читатель «слышит» триумфальные звуки фильма «Гладиатор», в другой статье знакомится с музыкой Канту да

Терра. Намек на реалии: концертина – благородный танец, павана – африканская пляска.

Пример литературной аллюзии – упоминание книги «Унесенные ветром», образ Данте в «Божественной комедии». Или «Монолог коровника» Жила Висенте. Это очень важное произведение для португальской литературы. Но в то же время довольно ироничное.

В другой статье видим аллюзию на упоминание о Декларации о правах человека – своде законов, принятых Европейским сообществом. Португальская общественность хорошо знакома с этими свободами благодаря широкому освещению в прессе, поэтому разгадка аллюзия не вызывает проблем. В той же статье автор упоминает имя Педро Нунеша – математика XVI в., одного из крупнейших португальских ученых того времени, который внес значительный вклад в навигацию. И его исследования имели большое значение для *Великих географических открытий* (Descobrimentos). Как видим, его появление в статье опять же не случайно. Перед нами снова аллюзия-сравнение. Если тогда «мореплаватели не следовали тому, чему их учили» и благодаря этому совершались великие открытия, то теперь, когда все по-другому – и открытий тоже ждать не приходится.

Обратимся к другому виду аллюзий. Аллюзивная статья, которая может быть (статья «A má disposição») целиком построена на аллюзии. В тексте не упоминается ни одного имени, что делает его абсолютно «политкорректным», но смысл этой статьи очевиден читателю. Статья написана за несколько дней до президентских выборов в Португалии, и речь здесь идет об одном из кандидатов на президентский пост. Португальский читатель сразу определит, что речь идет о кандидате на президентский пост Марио Соареше. Танцевальные таланты... Социалистическая партия... Товарищ по партии... Теледебаты... Стукнуть кулаком по столу... Не мог вспомнить имени своего основного противника – это намеки на известные португальскому читателю события и явления. Для него не составит ни малейшего труда разгадать то, что хотел сказать автор. Читателю, незнакомому с политической ситуацией Португалии, необходимо будет объяснить, что 22 января – день, назначенный для выборов на президентский пост, что коварные голоса, предвещающие недоброе, – статистики и аналитики, а фраза: «Проснется в еще более дурном настроении» обозначает то, что автор статьи предрекает Соарешу неудачу на выборах.

В португальской прессе прием аллюзии широко используется в авторских и обзорных статьях – публицистических жанрах, наиболее насыщенных с эмоциональной точки зрения.

При переводе исторических аллюзий, а также аллюзий, относящихся к произведениям искусства, переводчик должен обращаться к различным источникам, в том числе энциклопедиям и справочникам. В случае с аллюзиями, которые указывают на высказывания известных политических деятелей, современных читателю и на относительно недавние события, эта задача усложняется, так как многие события современной жизни еще не зафиксированы в справочных изданиях, и оценка их в сознании людей часто еще не сформирована. При переводе таких аллюзий переводчик обязан опираться на внелингвистические знания, разбираться в современной жизни страны переводимого языка. В этом ему могут помочь, в основном, различные средства массовой информации. И сравнение информации, которую они предоставляют, может дать переводчику относительно целостную картину происходящих событий.

Аллюзии на общеизвестные события и факты не требуют дополнительных комментариев при переводе. Второй же тип аллюзий необходимо «расшифровывать», давать дополнительную информацию об упоминаемых событиях непосредственно в тексте на языке перевода или же выносить дополнительные комментарии в примечаниях переводчика. Если речь идет об аллюзиях, необходимо также указывать, какого эффекта пытался добиться автор, т. е. объяснить ассоциативные ряды, возникающие в сознании читателя при упоминании тех или иных событий.

В СМИ, в статьях аналитического плана большую роль играет авторская оценка. Эта оценка может не совпадать с официальными мнениями и с мнением редакции. Авторы прибегают к приему аллюзии, чтобы выразить свое мнение в более скрытой форме, при этом они обращаются к эрудиции читателя. Как правило автор не раскрывает этих аллюзий, предоставляя читателю самому найти разгадку. И для того чтобы понять иронию автора, авторскую оценку читатель должен обладать обширными знаниями.

Среди переводчиков нет единства относительно комментирования цитат и аллюзий в переводе. Особенно этот спор касается перевода аналитических статей, когда автор, используя сложные аллюзии, сам

не дает их расшифровки. Такого рода аллюзии иногда представляют трудности и читателю той культуры, на языке которой написана статья. Возникает спор, нужно ли в этих случаях давать комментарии для читателя, принадлежащего культуре переводящего языка. Некоторые переводчики помогают читателю воспринять объем культурно-эстетической информации рассказа: дают сведения об источнике, объясняют, из каких произведений заимствованы имена, тщательно комментируют реалии, дают объяснения географическим названия. Все эти сведения в определенной степени упрощают читателю процесс восприятия текста. Другие переводчики предпочитают ограничиваться лишь краткими комментариями. Однако при этом необходимо учитывать аудиторию, для которой делается перевод. Более подготовленная аудитория нуждается в более кратких комментариях. Когда же речь идет об аудитории, незнакомой с историей и культурой другой страны, комментарий должен быть более обширен.

«Чтобы избежать больших потерь смысла, переводчикам рекомендуется, к примеру, оснащать перевод отрезка текста, содержащего аллюзивную информацию, подробным переводческим комментарием.» [Ананьина 2014, с. 23]. Уместным и часто необходимым представляется использование переводческого комментария; энциклопедический характер заложенной в него информации способствует лучшему пониманию зашифрованных смыслов аудиторией переводного текста. Иногда аллюзии связаны не только с одной национальной культурой, как в случае с библейскими сюжетами, которые входят в фонд фоновых знаний, общих для более широкой читательской аудитории. В таких случаях декодировании информации через переводческий комментарий нерелевантно. Если же аллюзии относятся к ограниченной национальной культуре, от переводчика требуется использование определенных стратегий во избежание смысловых потерь.

Кроме того, существует множество ситуаций, когда аллюзия может оказаться непонятной для людей, читающих текст в переводе. В ряде случаев такую аллюзию можно заменить на другую, более приближенную к культурным и языковым реалиям и фоновым знаниям таких людей. Однако при этом необходимо помнить, что такой метод может быть уместен далеко не всегда.

В некоторых случаях переводчик прибегает к приему опущения при переводе аллюзии. «При переводе опущению подвергаются чаще

всего слова, являющиеся семантически избыточными, с точки зрения их смыслового содержания, однако иногда этот прием является необходимым и при передаче информации, заключающейся в тексте оригинала» [Бархударов 1975]. Происходит это в случае, когда аллюзия не может быть распознана читателем, воспринимающим текст на переводном языке в силу ее чрезвычайной специфичности и привязанности к определенной географической или культурной локации. Разумеется, при использовании приема опущения полностью пренебрегать аллюзией, содержащейся в оригинальном тексте, не следует: стоит также упомянуть о ее наличии в переводческом комментарии.

Таким образом, цитаты и аллюзии, непосредственно включенные в переводимый текст, передаются при переводе лишь в тех случаях, когда они заимствованы из источника, хорошо известного русскому читателю. Обычно же они либо заменяются общепринятыми образными выражениями, либо вообще передаются описательно.

Значительные трудности для переводчика могут представлять нелокализированные цитаты и аллюзии. Аллюзии, содержащие информацию, ограниченную для восприятия рамками лишь одной национальной культуры, несомненно, требуют применения определенных переводческих стратегий во избежание больших смысловых потерь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьина М. А., Ускова Б. А. Трудности передачи лингвокультурной информации при переводе аллюзий на русский язык // Lingua mobilis. 2014. № 2 (48). С. 21–25.

Арнольд И. В. Проблема диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста) Лекции к спецкурсу. СПб. : Прогресс, 1997. 243 с.

Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М. : Международные отношения, 1975. 240 с.

Васильева Е.А. Функциональная специфика аллюзивных текстов (на материале пьес Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» и «Травести») : дис. … канд. филол. наук. СПб., 2011. С. 24–27.

Дронова Е. М. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности : 10.02.04 (на материале языка англо-ирландской драмы первой половины XX века) : автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 25 с.

Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет. Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. 168 с.

Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. С. 216–236.

Кожина М. Н. О соотношении стилистики и прагматики. Стилистика и прагматика : тезисы докл. науч. конф. Пермь : Перм. ун-т, 1997. С. 3–7.

Кривенко Б. В. Фразеология и газетная речь // Русская речь. 1993. № 3. С. 44–49.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Семиосфера. СПб., 2000. С. 112–146.

Мамаева А. Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 24 с.

Масленникова А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 35 с.

Москвин В. П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. 2002. № 1. С. 63–70.

Соколова О. И. Использование прецедентных текстов в газетных заголовках. INTER-CULTUR@L-NET.Выпуск 04/2005

Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // ВЯ. 1995. № 6. С. 17–29.

Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М. : Агар, 2000. 280 с.

Burton Stevenson. A Hote Book of Proverbs, Maxims and Familiar Phrases. New York, 1948. 2957 p.

The Oxford Dictionary of Quotations. 2nd ed. London : Oxford University Press, 1956. 1003 p.

Smith W. G. & Janet E. Heseltine. The Oxford Dictionary of English Proverbs. 2nd ed. London : Oxford University Press, 1948. 740 p.

УДК 82.03

А. И. Полищук

кандидат исторических наук, доцент каф. восточных языков переводческого факультета МГЛУ; e-mail: polyshuk20@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПЕРСИДСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ

Статья посвящена особенностям перевода военной прозы на персидском языке, описывающей события ирано-иракской войны 1980–1988 гг. В работе рассматриваются подходы к переводу военных терминов, географических названий, имен собственных и особенностей религиозных норм мусульман-шиитов.

Ключевые слова: перевод; военная проза; терминология; имена; географические названия.

A. I. Polishchuk

PhD (History), Assistant professor, Department of Oriental languages, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU; e-mail: polyshuk20@mail.ru

SPECIAL APPROACHES TO THE TRANSLATION OF MILITARY PROSE IN FARSI

The article shows some approaches to the translation of military prose in Persian dedicated to the Iran Iraqi war of 1980–1988.The focus is on methods of translating military terminology, geographical names and Islamic norms.

Key words: translation; military prose; terminology; names; geographical names.

Выбор перевода военной прозы на фарси как темы и направления переводческой и учебной деятельности преподавателей и студентов МГЛУ отнюдь не случаен и определяется рядом обстоятельств. Самое важное из них – это программное требование специализации обучения, а именно – лингвистическое обеспечение военной деятельности. При написании ВКР тематика дипломов определяется прежде всего специализацией. Для реализации этого требования было принято решение сосредоточиться на переводе военной прозы на фарси, что позволяет, по образному персидскому выражению, «поразить две цели одной стрелой» (убить двух зайцев). Студенты получают навыки перевода прозаических художественно-публицистических произведений и глубже узнают историю страны изучаемого языка на примерах героической обороны иранцев во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Последнее обстоятельство способствует воспитанию в них чувства патриотизма и любви к своей Родине.

В ходе работы по переводу военной прозы переводчик сталкивается с широким спектром переводческих задач, вытекающих из специфики темы. В этой связи знание в целом военной тематики является непременным условием адекватного перевода. Прежде всего, переводчик должен владеть военной терминологией. Усвоение военной терминологии происходит на занятиях по общему и специальному военному переводу. Однако специфика текстов конкретного исторического периода требует более глубокого знания темы, прежде всего военной терминологии. Здесь переводчик должен решить как минимум две задачи: 1) правильно перевести уже известные термины в рамках контекста; 2) найти эквивалент для перевода совершенно незнакомой для него лексики (чаще всего термина или реалии). Студенты порой забывают некоторые простые термины и вместо *старшины* вдруг в переводе появляется *бригадир*, а вместо *траншеи* или *рва – канава.* Или же *бруствер* (насыпь впереди окопа для укрытия от наблюдения противника и удобства стрельбы) переводится как *окоп.* Иногда для правильного перевода необходимо использовать прием конкретизации понятия. Например, если в исходном тексте мы читаем *фронт Аль-Данар*, то переводить это сочетание надо как *участок фронта в районе Аль-Данар*», так как в сознании русскоязычного читателя *фронт* – это высшее оперативное объединение вооруженных сил на континентальном театре военных действий, т. е. нечто гораздо большее, чем небольшой участок в районе *Аль-Данар.*

Первая задача осложняется многозначностью персидской военной лексики и «неполнотой» употребляемых в контексте терминов, когда к ним нет уточняющих определений или пояснений. Например, персидское *sangar* может означать *окоп, траншею, укрытие* и т. д. Простое слово *kolah* (*шапка*) в контексте может быть переведено как *кепка, фуражка, каска* и собственно как *шапка.* Персидское *khakriz* (*земляная насыпь*) может означать и *насыпь*, и *бруствер*, и *вал*. Одно и то же персидское слово *morakhkhasi* может переводиться как *увольнение* и как *длительный отпуск* в зависимости от контекста, который играет ключевую роль в выборе варианта перевода.

Вторая переводческая задача заключается в том, чтобы определить, о какой военной технике идет речь, так как в тексте может использоваться неофициальное принятое в военной среде слово.

Например, герой говорит о четырехствольной пулеметной установке (*chehar mile*). Это может быть стационарная либо транспортируемая зенитно-пулеметная установка, либо ЗПУ-4 на базе БТР, т. е. наша «Шилка». Возникают трудности и в нахождении терминов (как правило методом калькирования) для незнакомого в персидской графике слова (имена собственные в персидском языке пишутся со строчной буквы и их можно перепутать при первом прочтении с другими словами). Аналогичные трудности приходится преодолевать при переводе имен, географических названий (в том числе на территории Ирака), названий зарубежных образцов техники и вооружений (грузовики из ГДР или японские «Ландкрузеры» – не грузовики, а пикапы – или грузовички) и наименований военных операций «Кербела», «Фаджр» и др. При переводе часто возникает необходимость давать переводческий комментарий к специфически исламским, шиитским и собственно иранским реалиям. Это касается особенностей соблюдения поста, совершения молитвы, поминания умерших, траурных дней, традиций поведения в повседневной жизни.

Например, дословный перевод фразы: «Ты говоришь, что не держишь пост, а сам по ночам наедаешься», – будет для русского читателя непонятен. Для православных что день, что ночь во время поста не имеют значения, но мусульмане во время поста не едят только в светлое время суток, а в темное время с заката до рассвета («пока белую нитку нельзя отличить от черной») наедаются. То есть описываемый персонаж, по исламским понятиям, пост-то держит, хотя утверждает, что не держит. С учетом этого обстоятельства перевод должен выглядеть так: «Ты говоришь, что не держишь пост, как и мы, но по ночам разговляешься, а днем не ешь, и выходит, пост-то мусульманский соблюдаешь». В данном случае при переводе мы несколько выходим за рамки исходного текста и поясняем ситуацию для русскоязычного читателя.

Также важно знание иранского военного законодательства, без чего некоторые высказывания персонажей вообще будут непонятны. Например, один юноша говорит другому: «Тебе-то что бояться, твой брат уже служит». Здесь необходим комментарий переводчика. Смысл высказывания заключается в том, что юноша, к которому обращены эти слова, последний (младший) сын в семье и его по иранским законам в армию не призовут, так как он должен ухаживать за

престарелыми родителями. Фраза, приведенная выше, может быть дополнена, чтобы быть понятной русскому реципиенту: «Тебе нечего бояться, тебя не призовут, брат твой уже служит, по закону ты можешь не служить, иначе, кто будет заботиться о твоих родителях». В этом случае мы как бы «вплетаем» комментарий в перевод, и необходимость в нем отпадает.

В военной прозе порой встречаются не только отдельные разговорные фразы на арабском языке, но и цитаты из Корана на арабском, что требует от переводчика значительных усилий по переводу оригинала на русский язык с привлечением специалистов по арабскому языку и с опорой на известные и авторитетные переводы Корана.

Одной из особенностей военной прозы является употребление персонажами ненормативной лексики, которой переводчик чаще всего не владеет и после нахождения « оригинального выражения» должен ломать голову как же это выражение перевести. Например, вместо грубого *засранец* (а по тексту еще более грубого слова на «г») переводчик употребил русское *урод*. В этом случае можно спорить об адекватности или неадекватности перевода, но в целом для персидского языка нехарактерно употребление бранных слов, за исключением военной среды. Выбор за переводчиком, и, как было замечено нами на практике, при переводе ненормативной лексики гендерный фактор тоже проявляет себя – женщины-переводчики интуитивно стараются снизить уровень ненормативной лексики.

При переводе текстов военной прозы переводчику приходится употреблять богатый арсенал переводческих трансформаций: транскрипция и транслитерация, конкретизация, генерализация, модуляция, синтаксическое уподобление, членение предложений, объединение предложений, грамматические замены, антонимический перевод, экспликация, компенсация, прием опущения. Использование всех названных приемов позволяет выработать у студентов устойчивые навыки перевода литературных текстов.

В целом перевод военной прозы не только знакомит русскоязычного читателя с событиями «священной обороны» – *defaie mogaddas* (ирано-иракской войны 1980–1988 гг.), но и в рамках учебного перевода при обучении студентов позволяет закрепить знания по теории перевода и выработать устойчивые навыки перевода художественной литературы на военную тему.

По инициативе проректора по научной работе МГЛУ д. филол. наук И. А. Гусейновой и при поддержке заведующего кафедрой литературы А. П. Бондарева в 2016 г. в качестве опыта перевода студентов МГЛУ был издан сборник рассказов иранского писателя и сценариста Хабиба Ахмад-заде «Хроники сражающегося города». Работа по переводу военных рассказов иранских писателей студентами МГЛУ продолжается, и мы планируем выпустить сборники других иранских авторов на военную тему.

А. И. Полищук перевел повесть Бехназ Зарабизаде «Жена героя» (персидское название «*Dokhtare shina*» («Дочь Шины») было заменено из-за его неблагозвучности и возможного неправильного восприятия русскоязычным читателем), которая была отпечатана совместно издательствами «Садра» и «Вече», и презентация которой состоялась 1 декабря 2017 г. в рамках Международного книжного форума *non* / *fiction* № 19 в Москве.

В последние годы в РФ были переведены и изданы такие произведения иранских писателей на военную тему как: «Путешествие на высоту 270» Ахмада Дехкана, «Шахматы с машиной Страшного суда» Хабиба Ахмад-заде и другие.

Можно надеяться, что работа по переводу произведений на военную тематику продолжится и сыграет важную роль в сближении народов России, стран СНГ и ИРИ, как кандидата на вступление в ШОС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Хитрик К. Н. Теория перевода. Персидский язык. Когнитивный аспект : учебник / К. Н. Хитрик, А. И. Полищук ; под ред. Дж. Дорри, С. Э. Талыбовой. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. 222 с.

Ахмад-заде, Хабиб. Хроники сражающегося города. Опыт перевода. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. 90 с.

Зарабизаде Б. Жена героя / пер. с перс. А. И. Полищука. М. : «Вече», ООО «Садра», 2017. 224 с.

УДК 811.111:81

М. Ю. Романович

кандидат филологических наук, доцент;
доцент каф. английского языка как второго переводческого
факультета МГЛУ; e-mail: margarita-romanovich@rambler.ru

МЕТАФОРА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ВОЕННОМ ЖАРГОНЕ

В данной статье исследуются и сопоставляются разноструктурные англоязычные и русскоязычные военные жаргонизмы метафорического характера, выявляются их общие черты наряду с их национальной специфичностью.

Ключевые слова: военный жаргон; метафора.

M. Yu. Romanovich

PhD (Philology), Associate Professor;
Associate Professor of English as a Second Foreign Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: margarita-romanovich@rambler.ru

METAPHOR IN ENGLISH AND RUSSIAN MILITARY SLANG

The article is devoted to the study of English and Russian military slang words and expressions of metaphoric nature. The research reveals their common and national specific features.

Key words: military slang; metaphor.

Изучение взаимодействия языка и общества не может быть полным без исследования вокабулярной специфики в различных профессиональных сферах. Широкий разброс областей человеческой деятельности предполагает наличие профессиональных жаргонов. Военный жаргон – один из таких лексических пластов. Он отражает различные аспекты службы и быта военнослужащих.

Военный жаргон до сих пор остается малоизученной областью лингвистики. Очевидно это связано с высоким уровнем секретности военной профессиональной деятельности. В XX в. активно издавались словари различных видов жаргона и сленга, однако словарь русскоязычного военного жаргона до 2000 г. не издавался, несмотря на то, что армия у всех государств существует на протяжении всей истории этих государств. В отечественной лингвистике можно упомянуть заметную исследовательскую работу на тему армейского жаргона под

названием «Словарь русского военного жаргона» [Коровушкин 2000]. Также малочисленны работы по исследованию английского военного жаргона [Коровушкин 2000; Судзиловский 1954; Horward 1956; Gutzman 1990]. В последние годы в связи со скачком в развитии современных медийных технологий расширился доступ к фактическому языковому материалу военной тематики [Civillians Guess Military Phrases 2019; Decode military jargon 2019; Glossary of military terms and slang 2019]. Однако систематизация данного лингвистического материала еще ждет своего исследователя.

В настоящей работе мы обратимся к специфическому лексикологическому аспекту – метафоричности военного профессионального жаргона в русском и английском языках. При метафорическом переносе используется существующая в языке звуковая и орфографическая оболочка. Уже имеющаяся в языке однокомпонентная или многокомпонентная единица переосмысливается, получает вторичное значение, которое является образным, ярким, запоминающимся.

Рассмотрим примеры русскоязычных и англоязычных метафор, опираясь на принцип тематической классификации английского и русского военного жаргона.

1. Обозначение самих военнослужащих, их звания и положение в официальной и неофициальной иерархии: «Daddy» (в первоначальном значении «папочка») – командир, общий семантический признак – «охраняет, руководит». Метафорический перенос осуществляется по значению выполняемой функции.

В английском военном жаргоне также присутствуют языковые единицы, получившие вторичное значение на основе семантических признаков, связанных с определенными историческими событиями. Например, лексема *shavetale* (*букв.* подрезанный хвост), обозначает молодого лейтенанта, которому звание было присвоено недавно. Это слово пришло из сленга американских ковбоев, у которых существовал обычай подрезать хвост у молодых мулов. Метафора является образной, но случайной для семантической структуры итогового слова со значением «молодой лейтенант». Среди русскоязычных метафорических образований также имеются примеры отсыла к историческим реалиям. К примеру, обозначение офицера спецназа неофициальным термином «сомосовец», что является отсылкой к солдатам гвардии никарагуанского диктатора Сомосы.

На жаргонном значении лексической единицы “crunchers” (ноги), был построен профессиональный военный жаргонизм “crunchie”, в переводе *пехотинец*. Данные слова объединяет общий семантический признак *ходить*, таким образом, в формировании метафорического значения данного жаргонизма участвовал перенос по функции.

Отметим, что русскоязычные военные жаргонизмы звучат намного красочнее и креативнее. Например, «бандерлог», под которым подразумевается военнослужащий частей и соединений спецназа ГРУ. Данное неофициальное название берет начало из будней специальной разведки РВВДКУ, готовившей офицеров для частей специального назначения. Курсантов и молодых офицеров обучали начальным основам акробатики и углубленному знанию иностранных языков, отсюда и ассоциация с вымышленным «обезьяньим народом» бандерлогов.

Достаточно забавно звучат и неофициальные обозначения призывников и солдат срочной службы. При фольклорном именовании призывников до присяги, проходящих курс молодого бойца, отметим наряду с незамысловатыми метонимическими образованиями «карантины» и «анализы» также более образные метафорические обороты «духи бесплотные» или «чижи» (аббревиатура: Человек, Исполняющий Желания). Последняя метафора отсылает нас к реалиям дедовщины и неуставных отношений среди солдат, когда призывники с меньшим «стажем» срочной службы находятся в подчинении у «дедов», «стариков» и «дембелей», т. е. у солдат непосредственно перед увольнением. Не менее выразительно и творчески выглядят и другие метафоры, обозначающие солдат начального этапа срочной службы: «гуси» (железнодорожные войска), «бобры» (стройбат), «щеглы» (пограничники), «караси» (ВМФ) и опять те же «чижи» в разных родах войск. Метафорическое сравнение с животными не случайно, так как в нем реализуется насмешливый отсыл к братьям нашим меньшим.

2. Объекты военной службы: военная техника, оружие, боевые припасы, обмундирование и т. д.

Рассмотрим англоязычную метафору “baby-sitter”, которая переводится как «приходящая няня, остающаяся с детьми за плату». На военном жаргоне данное сложное слово употребляется в значении «эсминец охранения». Это метафора по сходству функций, так как в смысл и первичного, и вторичного значения этого слова входит семантический признак «охранять, оберегать».

Метафора *roller skate* (первоначальный смысл – конек на роликах) – танк или любое средство передвижения, оборудованное оружием. В буквальном и переносном значении находит отражение общий семантический признак «опорные катки», это метафора по функции. Аналогично: *bus* (основное значение – автобус) – танк. Данный жаргонизм также является метафорой по функции, общий семантический признак – «средство передвижения».

Еще один жаргонизм с семантическим признаком «круглый»и для первичной, и для вторичной номинации – *egg* (*букв*. яйцо), в военном жаргоне имеет значение «мина». Это метафора по форме.

Существуют в английском военном жаргоне и более сложные метафоры по внешнему сходству, которые базируются на комплексе семантических признаков. Чаще всего это двухкомпонентные (намного реже – однокомпонентные) сочетания, например:

- «tiger box» (*букв.* – тигриная клетка) – будка часового (в полоску);
- «cloth line» (в первичной номинации – бельевая веревка) – антенна;
- «beer stick» (в первоначальном значении – ручка насоса для накачивания пива) – ручка управления самолетом;
- «crow tracks» (в первом лексико-семантическом варианте – следы от вороньих лапок) – нашивные нарукавные знаки отличия;
- «chest hardware» (*букв.* – нагрудные жестянки) – военные медали;
- «mice» (первичная номинация – мыши) – бомбы маленького калибра (метафора по размеру);
- «magpie» (в первоначальном значении – сорока) – пулемет, общий признак – *трещать*.

Следует отметить, что русскоязычные неофициальные обозначения военной техники метафорического характера чаще являются однокомпонентными семантическими образованиями, так как русский язык обладает потенциалом компактной образности:

- «балалайка» – истребитель МиГ-21, назван так за характерный силуэт, образованный треугольными крыльями и фюзеляжем (метафора по форме);
- «весло» – в ВДВ и погранвойсках обозначение автомата АК и АК-74, название связано с неудобным прикладом (метафора по форме);

- «брови», или «танк с бровями», – дополнительные броневые плиты на передней части башни танка (метафора по форме);
- «коробочка» – обозначение в радиоэфире БМП или БТР (метафора по форме);
- «крокодил» – неофициальное название транспортно-боевого вертолета Ми-24, связано с формой фюзеляжа (метафора по форме).

Нетрудно заметить, что приведенные примеры являются однословными метафорами по форме, что, в принципе, характерно для русскоязычных метафор для обозначения военной техники, оружия и т. п.

3. Деятельность военнослужащих (место службы и отдыха, повседневная деятельность, еда, деятельность во время учений или боевых действий и т. д.).

Для англоязычных неофициальных терминов можно выделить преобладающую метафору по внешнему сходству, которая включает сходство действий или движений:

- «chew out» (*букв*. жевать, кусать) – делать выговор, общий семантический признак – *делать больно*;
- «lice» (первичная номинация – вши) – десантно-высадочные средства, метафорическое сходство – *располазаются*.

Следует также отметить наличие метафор, наделяющих людей качествами животных, как в русском, так и английском военном жаргоне. В качестве примера можно привести обозначения в английском языке военных самолетов: истребитель МиГ-31 имеет неофициальное англоязычное обозначение в среде американских летчиков – «Foxhound» (Лисья гончая), стратегический бомбардировщик Ту-95 называется – «Bear» (Медведь).

Не менее колоритны следующие примеры:

- «bin rat» (*букв*. мусорщик, мусорная крыса) – снабженец или техник (метафора основана на презрительном отношении боевых офицеров к вспомогательным службам);
- «mole» (первичное значение – крот) – агент глубокого внедрения (метафора основана на сходстве деятельности);
- «mole-hole» (первый лексико-семантический вариант – кротовая нора) – пусковая шахта ракеты (метафора по форме);

- «air bear» (*букв.* летающий медведь) – десантник из военной полиции или сил внутренней безопасности; подразумевается, что такие военнослужащие в воздухе похожи на неуклюжих медведей (метафора по сходству движений).

Можно с уверенностью утверждать, что англоязычные метафорические образования со значением отнесенности к животному миру в большинстве случаев обладают резко негативной коннотацией.

Русский язык не уступает английскому в метафорической красочности военных жаргонизмов:

- «земноводные» – военнослужащие морской пехоты (метафора по сходству среды обитания и деятельности);
- «ласты», «тюлени» – прозвище матросов (по отношению к военнослужащим сухопутных войск);
- «слонятник» – батальон почетного караула (метафора основана на презрительном отношении боевых офицеров к небоевым «собратьям по оружию»);
- «корова» – многоцелевой транспортный вертолет Ми-26, названный так за широкий объемный фюзеляж (метафора по сходству).

Отметим тяготение русскоязычного военного жаргона к однокомпонентным структурным образованиям.

Следует также отметить и в английском, и русском военном жаргоне наличие большого количества метафор, связанных с питанием и бытом военнослужащих. Данные метафоры носят чаще всего характер критики:

- «ink» (*букв.* чернила), «battery acid» (*букв.* аккумуляторная кислота) или «mud» (*букв.* грязь) – кофе (стилистически окрашенная метафора по вещественному и вкусовому сходству);
- «dog-food» (*букв.* собачья еда) – блюдо из солонины (стилистически окрашенная метафора по внешнему сходству);
- «cat beer» (*букв.* кошачье пиво) – молоко (стилистически окрашенная метафора по вкусовым качествам с резко отрицательной коннотацией);
- «hand grenade» (*букв.* ручная граната) – гамбургер (метафора по форме);
- «болт», «шайба» – порция сливочного масла в солдатской столовой (стилистически нейтральная метафора по форме);

- «дробь шестнадцать» – перловая каша (метафора по форме);
- «дискотека» – посудомоечное отделение в солдатской столовой, при этом под дисками понимаются тарелки (метафора по форме и значению шумной коллективной деятельности);
- «забакланить» – съесть чужую или лишнюю порцию (метафора по сходству поведения);
- «мазь» – майонез (метафора по вещественному сходству).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что метафорические производные в обоих языках формируются по наиболее регулярным моделям семантических переносов, в результате чего и в русском, и в английском языках прослеживается стремление к использованию однохарактерных метафор. Вместе с тем в метафорических образованиях очевидна и национальная специфика военных жаргонизмов, позволяющая выявить национальные особенности языков даже в узкоспециальной военной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооружённых сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX вв. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 372 с.

Коровушкин В. П. Основные типы иноязычных заимствований в русском военном социолекте XVII–XX веков // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных языков в вузе. СПб. : БИТУ, 2000. С. 31–50.

Судзиловский Г. А. К вопросу о «сленге» в английской военной лексике : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 24 с.

Gutzman P. C. Dictionary of military, defense contractor and troop slang acronyms. Oxford, 1990. 640 p.

Horward D. United States Marine Corps Slang (DMCS) // American Speech. 1965. № 3. P. 187–189.

Civillians Guess Military Phrases [Электронный ресурс]. Режим доступа : www.youtube.com/watch?v=SS7StVvbFOU&feature=youtu.be (дата обращения: 08.01.2019).

Decode military jargon. [Электронный ресурс]. Режим доступа : www.youtube.com/watch?v=j9AgxLRANPc&feature=share (дата обращения: 08.01.2019).

Glossary of military terms and slang [Электронный ресурс]. Режим доступа : www.military.com/join-armed-forces/military-terms-and-jargon.html (дата обращения: 08.01.2019).

УДК 81.243

Л. С. Тюрева

старший преподаватель арабского языка каф. восточных языков переводческого факультета МГЛУ; e-mail: tyurewa@yandex.ru

МЕТОДИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ АРАБСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье анализируется проблема интерференции русского языка при изучении арабского языка. Посредством анализа типичных ошибок, характерных для речи обучаемых, рассматриваются явления грамматики и лексики арабского языка, подверженные интерференции и переносу из русского языка. Предлагаются эффективные методические приемы, позволяющие предотвратить различные виды ошибок, причиной которых является интерференция родного языка.

Ключевые слова: интерференция; билингвизм; методический аспект проблемы; грамматический уровень; лексический уровень; несовпадение объема семантики; нарушение лексической сочетаемости.

L. S. Tyureva

Senior lecturer of the Arabic language, Department of Oriental languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: tyurewa@yandex.ru

HOW TO OVERCOME THE RUSSIAN LANGUAGE INTERFERENCE WHILE STUDYING THE ARABIC LANGUAGE

The article describes the problem of the Russian language interference while studying the Arabic language. It analyzes typically occurring common errors, reveals grammar and vocabulary phenomena subject to the Russian language interference and influence. It suggests efficient methods to prevent different kinds of errors that happen due to the mother tongue interference.

Key words: interference; bilingualism; methotodological aspect of the problem; grammar level; vocabulary level; inconsistency of semantics volume; co-occurrence range deviance.

Понятие интерференции вызывает интерес исследователей уже долгое время. Так, в середине прошлого века известный американский лингвист Вайнрайх в своей работе «Языковые контакты» подробно и обстоятельно изучал аспект двуязычия. В этой работе он пишет, что местом контакта языков является сам индивид, попеременно пользующийся двумя языками. «Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате

того, что они их знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта, мы будем называть явлениями интерференции» [Вайнрах 1979, с. 22]. Причиной языковых девиаций или отклонений является семантическое, структурное и функциональное отождествление элементов родного и иностранного языков, а также влияние таких факторов, как переосмысление на почве недопонимания, возникновение неправильных ассоциаций. Когда человек начинает изучать второй язык, навыки родного языка уже укоренились. Таким образом, родной язык воздействует на недостаточно твердые знания второго языка.

Л. С. Бархударов в этой связи писал, что «нормативный аспект методики преподавания иностранного языка направлен на устранение ошибок и отклонений от языковой нормы в речи обучаемых, причиной которых является объективно существующее явление межъязыковой интерференции или влияния норм родного языка на речь обучаемых на иностранном языке» [Бархударов 1975, с.41] .

Нашей целью является рассмотрение феномена интерференции в его методическом аспекте. Она проявляется в отклонениях от ***нормы*** и ***системы*** второго языка под влиянием родного. Главный источник интерференции – расхождения в системах взаимодействующих языков, в том числе различный состав грамматических категорий и / или различные способы их выражения и др., так как ошибки при изучении иностранного языка возникают на стыке двух языков, где структуры данных языков не совпадают. В статье выделяются грамматические системы, поскольку в первую очередь на грамматическом уровне, а затем и на лексическом мы будем рассматривать интерферирующее влияние русского языка при овладении арабским языком. Учет фактора интерференции позволяет предупредить возможные ошибки или сократить их количество.

Из двух языковых систем, взаимодействующих в речи человека, одна, как правило, является первичной по отношению к другой, изученной или изучаемой им позднее. Первичная система рассматривается как источник интерференции, вторичная – как объект интерференции.

Академик Л. В. Щерба писал: «Нельзя не признать, что родной язык является все же нашим врагом при изучении иностранного языка, так это он заставляет нас делать бесчисленные ошибки» [Щерба 1974,

с. 343]. И далее автор говорит: «Мы должны признать раз навсегда, что родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка, как бы мы ни хотели его изгнать. А потому мы должны из врага превратить его в друга. И это очень легко сделать: надо только осознать все те случаи, когда он вводит нас в искушение, и создать правила не только английские, французские, немецкие и т. п., но и русско-английские, русско-французские, русско-немецкие и т. п. [там же, с. 343]. Л. В. Щерба, рассматривая проблему искажения иностранного языка под влиянием родного, говорит о необходимости систематического сравнительного изучения двух языков на разных уровнях [там же, с. 317, 318]. В. Ю. Розенцвейг считает, что «интерференция – это нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [Розенцвейг 1972, с. 9–10].

В этой связи наша задача заключается в том, чтобы предупредить нежелательные искажения в изучаемом языке, а также определить способ ее выполнения – выявить области изучаемого языка, подверженные интерференции, и путем сопоставительного анализа выработать правила ее предотвращения.

Таким образом, методический аспект изучения интерференции предполагает исследование причин ее возникновения в условиях учебного двуязычия, а затем выработку рекомендаций по ее устранению.

Решение поставленной задачи и достижение цели требует рассмотрения основных грамматических и лексических особенностей обоих языков, их сравнение и выявление возможных причин интерференции. Это предполагает выявление грамматических и лексических явлений арабского языка, которые чаще всего являются причиной возникновения интерференции и переноса навыков родного языка, предугадывание наиболее вероятных проявлений интерференции на грамматическом и лексическом уровнях с целью выработки методических рекомендаций по предотвращению интерференции. При этом мы используем метод анализа типичных ошибок в речевой деятельности обучаемых в сочетании с сопоставительным или контрастивным анализом двух языковых систем.

В методическом плане мы будем рассматривать следующие типы интерференции: грамматическую (морфологическую и синтаксическую); лексико-семантическую.

Типичные ошибки интерференции на грамматическом уровне и способы их предотвращения

Ю. А. Жлуктенко в работе «Лингвистические аспекты двуязычия» причиной грамматической интерференции называет «отождествление слов, морфем и грамматических моделей обоих языков» [Жлуктенко 1974, с. 105]. Он говорит об изменении грамматических отношений в одном языке по аналогии с теми отношениями, которые существуют в другом. В нашем случае это означает перенесение грамматических отношений из русского языка в арабский, устранение грамматических отношений, существующих в одном языке, ввиду их отсутствия в другом, изменение грамматической функции слова или морфемы одного языка по образцу другого.

Среди типичных ошибок, характерных для устной речи обучаемых, мы выделили следующие:

1. «Разбивка» с помощью предлога идафы, несущей идею принадлежности, части целого и передающей другие логические связи между первым и вторым членами идафы (прежде всего, предлог ل и др.). Таким образом, идафа подменяется предложными оборотами.

Русское словосочетание	Правильный перевод	Ошибочный перевод
Правительство этой страны	حكومة هذا البلد	حكومة لهذا البلد
Позиция России	موقف روسيا	موقف لدى روسيا
Достижение наилучшего возможного результата	تحقيق أفضل نتيجة ممكنة	تحقيق لأفضل نتيجة ممكنة
Цель этого проекта	هدف هذا المشروع	هدف لهذا المشروع
Причины его (самолета) падения	أسباب سقوطها	أسباب لسقوطها
Помощь этому государству	مساعدة هذه الدولة	مساعدة لهذه الدولة

Здесь проявляется как интерференция английского языка (the Government of this country), так и интерференция русского языка и даже внутриязыковая интерференция. Интерференция второго иностранного языка (английского) характерна для обучаемых, которые

уже приобрели достаточный опыт в его изучении. Она проявляется в том, что ранее сформированные и более прочные навыки взаимодействуют с новыми, приобретаемыми при изучении арабского языка. В словосочетании «правительство этой страны» по-английски использован предлог *of*.

Причиной ошибок такого рода является также попытка перенести категорию падежа (например, дательного) из русского языка в арабский с помощью предлога ل (مساعدة لهذه الدولة «помощь этому государству», ...رفضت السلطات منح للمحتجين «власти отказались предоставить протестующим …»), а также попытка передать идеи цели, причины с помощью предлога ل (برنامج للتنمية вместо برنامج التنمية «программа развития»). Обучаемые при этом упускают из виду тот факт, что такого рода отношения заложены в самой идафе.

Внутриязыковая интерференция в приведенных выше примерах проявляется в том, что известные обучаемым предлоги عند ل لدى которые используются в оборотах принадлежности (у него есть …), они переносят в конструкцию несогласованного определения (идфы), ошибочно полагая уместным присутствие данных предлогов в вышеприведенных словосочетаниях.

Еще одной причиной ошибок такого рода является отсутствие в русском языке морфологических средств выражения определенности / неопределенности имени. Для носителей «безартиклевого» языка правильное употребление средств достижения определенности / неопределенности имени представляет определенную сложность. В арабском языке основным морфологическим средством выражения определенности имени является определенный артикль. Другим средством придания имени грамматической категории определенности является несогласованное определение (второй член идафы). Если первый член идафы мыслится как неопределенный, необходимо «разбить» идафу с помощью предлога. Обучаемые могут неправильно воспринимать предложные словосочетания, в которых предлог является лишь способом «разбить» идафу, чтобы 1-й член словосочетания обладал категорией неопределенности. Примеры с «разбитой» идафой:

زيارة لروسيا	Визит в Россию (о котором впервые говорят)
محاولة من النظام	Попытка режима (одна из попыток)

الوصول إلى إجتماع لوزراء الخارجية	Прибытие на встречу (впервые упоминаемую) министров иностранных дел
أداة لتحقيق أهداف سياسية	Инструмент (один из инструментов) достижения политических целей
غارات على مواقع لـ «داعش»	Налеты на (какие-то) позиции ИГИЛ

В данных примерах обучаемые могут ошибочно воспринимать предлоги: в первом примере ل как предлог направления движения «в»; во втором примере من как предлог, передающий идею «со стороны»; в третьем примере ل как предлог принадлежности «чья встреча»; в четвертом примере ل как предлог, несущий идею цели; в пятом примере ل как предлог принадлежности. Необходимо показывать обучаемым, какими средствами достигается «индивидуализация», т. е. «определяется» существительное и, наоборот, достигается неопределенность имени.

Кроме приведенных примеров, в которых идафа «разбивается» с помощью предлога ل в случае, когда речь идет о чем-то впервые упоминаемом (т. е. соответствующее имя обладает категорией неопределенности), этот же прием применяется в случае с именем исчисляемым при количественных числительных (это словосочетание чаще всего обладает категорией неопределенности), а также в случае модели относительной превосходной степени. Например:

إقامة أربع مناطق «لتخفيف التوتر»	создание четырех зон деэскалации
وتشمل أكبر منطقة لخفض التوتر	включает в себя крупнейшую зону деэскалации

При анализе таких примеров необходимо разъяснять обучаемым, что предлог ل в данном контексте не несет в себе идею «для», а служит грамматическим средством, не позволяющим второму члену идафы (в данных примерах – второму и третьему) придать определенность первому ее члену.

Анализируя функции предлога ل, целесообразно привести примеры использования этого предлога в значении «для»:

وتلتزم الدول الضامنة اتخاذ التدابير اللازمة كافة لمواصلة قتال تنظيم «الدولة الإسلامية».	Страны-гаранты обязуются принять все необходимые меры для продолжения борьбы с ИГИЛ.

بذلت موسكو أمس جهوداً دبيلوماسية وعسكرية لإقناع واشنطن بأن....	Москва прилагала вчера дипломатические и военные усилия для того, чтобы убедить Вашингтон в том, что…

Ошибочное использование предлогов между членами идафы, в которые обучаемые вкладывают смысл местонахождения (где), цели (для) и т. д., приводит к искажению смысла высказывания:

Правильный вариант	**Перевод**	**Ошибочный вариант**	**Перевод**
دول حوض النيل	Государства бассейна реки Нил	دول في حوض النيل	Некие государства (какие-то государства) в бассейне реки Нил
تعاني دول المنطقة من الإرهاب	Государства этого региона страдают от терроризма	تعاني دول في المنطقة من الإرهاب	Какие-то (некоторые) государства этого региона страдают от терроризма

Выявив таким образом причины ошибочного переноса норм русского (и не только русского) языка на арабский и предвидя возможность интерференции, следует уделить особое внимание разъяснению обучаемым правил построения идафы, акцентируя внимание обучаемых на том, что круг отношений, которыми связаны между собой первый и второй члены идафы, очень широк. Он охватывает отношения принадлежности, собственности (بيت الفلاح), назначение предмета (غرفة التدريس), отношение причины к следствию (مصدر قلق) и следствия к причине (ضَجة الاصوات), отношение части к целому (قمة الجبل) и многие другие. Все эти отношения заложены в самой идафе и не требуют использования предлогов в качестве дополнительных средств их передачи. А использование предлога, «разбивающего» идафу, может иметь только одну цель – показать неопределенность имени, которое при отсутствии предлога приобретает категорию определенности.

При любом виде работы с текстом преодолению данного вида интерференции в значительной степени способствует постановка

перед студентом задачи проанализировать причину использования предлога ل (а также и других предлогов, «разбивающих» идафу). Например:

الحقوق المشروعة للشعب الفلسطيني Законные права палестинского народа

Предлог ل не передает здесь идею принадлежности, которая и так присутствует в идафе حقوق الشعب, а является средством для того, чтобы «разбить» идафу.

Если студент хорошо справляется с такой задачей, значит, интерференция такого рода не произойдет.

2. Предлоги также подвергаются интерференции. В первую очередь речь идет о предложном управлении глаголов.

Глагол с предлогом	**Русский эквивалент**	**Ошибочный перенос из русского языка**
إقترح على	Предлагать кому-л.	إقترح ل
إتصل ب	Устанавливать контакт с кем, чем, иметь связь с кем, чем	إتصل مع
إرتبط ب	Быть связанным, соединенным с чем	إرتبط مع
حصل على	Получать что-л.	حصل (شيئا)
حرص على	Стремиться к чему-л.	حرص إلى
رفض (شيئا)	Отклонять, отвергать, отказываться от чего-л.	رفض عن
إقتصر على	Ограничиваться чем-л.	إقتصر ب
عبّر عن	Выражать что-л.	عبّر (شيئا)
دافع عن	Защищать, оборонять что-л.	دافع (شيئا)
إحتاج إلى، ل	Нуждаться в чем-л.	إحتاج في

Как видно из приведенных примеров, типичными являются случаи использования обучаемыми предлога مع (с) после глаголов إرتبط и إتصل вместо предлога ب в результате калькирования русского

предлога «с». Предлог ل используется вместо предлога على после глагола إقترح, чтобы показать дательный падеж русского языка (предлагать кому-л.). Опускается предлог على после глагола حصل в значении «получать что-л.», поскольку русский глагол управляет прямым дополнением. Предлог ب с глаголом إقتصر (ограничиваться чем-л.) используется в качестве средства передачи творительного падежа русского языка. Список глаголов, предложное управление которых различается в двух рассматриваемых языках, очень большой. Совпадение глагольного управления, скорее, исключение, нежели правило. Типичные ошибки возникают в результате прямого переноса норм русского языка, они достаточно предсказуемы и требуют выполнения упражнений для выработки устойчивого навыка соблюдения правил глагольного управления.

Особого внимания требует предлог مع ввиду его полисемичности и того, что обучаемые ошибочно воспринимают его как эквивалент русского предлога «с». Без обстоятельного разъяснения того факта, что русский предлог «с» и арабский предлог «مع» совпадают только в узком поле пересечения их значений, обучаемые будут использовать этот предлог в различных словосочетаниях, где он неуместен. Например, в сочетаниях типа «человек с книгой в руках», «космический корабль с космонавтами на борту», «духи с запахом цветов». Это является грубой ошибкой.

Русское словосочетание	**Правильный перевод**	**Ошибочный перенос из русского языка**
Человек с книгой в руках	رجل يحمل كتابا	رجل مع كتاب في يديه
Космический корабль с космонавтами на борту	سفينة فضاء على متنها رجال فصاء	سفينة فضاء مع رجال فضاء على متنها
Духи с запахом розы	عِطْر ذو رائحة الورد или عطر تفوح منه رائحة الورد	عِطْر مع رائحة الورد

Разъясняем обучаемым, что наряду с другими значениями, предлог مع имеет значение «совместности нахождения или движения» [Гранде 1963, с. 408], но речь идет, главным образом, о равнозначных субъектах действия, каковыми не являются «человек и книга», «космический корабль и космонавты».

Попутно объясняем, что широкой сферой использования предлога مع в значении «с» является предложное управление глаголов VI породы. Например, توافق مع «совпадать с чем»; تنافس مع конкурировать, соперничать с кем, чем»; تعامل مع «взаимодействовать с кем; تعاون مع «сотрудничать с кем».

Преодолевать интерференцию, связанную с управлением глаголов, помогает также «чувство породы», если оно сформировано у обучаемых. Оно подсказывает студенту, что II и IV породы, как правило, придают прямую переходность непереходным глаголам и двойную переходность прямопереходным глаголам. Некоторые глаголы обладают двойной переходностью и в I породе. Таких глаголов немного, их несложно запомнить.

Глагол, порода	**Перевод**	**Управление двумя прямыми дополнениями**	**Перевод**
IV أعطى	давать	أعطاه إياه	Он дал его ему
I منح	даровать, жаловать	منحه إياه	Он пожаловал его ему
II علّم	обучать	علّمه إياه	Он обучал его ему

Особого внимания заслуживает в этой связи III порода глагола, которая представляет собой одну из областей, подверженных интерференции в большой степени. Действие субъекта глаголов этой породы, как правило, направлено на другое лицо или объект, либо передает совместное действие. Многие глаголы III породы являются прямопереходными. Долгий гласный [a:] после первого корневого согласного для большой группы глаголов III породы как бы является эквивалентом русских предлогов «с, против» и др.

Глагол с дополнением	**Перевод**	**Ошибочный перенос из русского языка**
Воевать с ним, против него	حاربه	حارب ضده
Выступать против него, быть в оппозиции к нему	عارضه	عارض ضده

Глагол с дополнением	Перевод	Ошибочный перенос из русского языка
Бороться с ним	كافحه	كافح معه
Разделять с ним его радость	شاركه سروره	شارك معه سروره
Требовать от него	طالبه	طالب منه
Обращаться с ним	عامله	عامل معه

Суждение, гласящее, что соответствующий предлог заложен в самой форме глагола в виде долгого гласного [a:], помогает обучаемым преодолеть интерференцию, связанную с предложным управлением соответствующих русских глаголов.

3. Среди прочих грамматических явлений, которые довольно часто становятся причиной возникновения интерференции, можно указать форму страдательного залога глагола, использование формы множественного числа глагола.

Русское предложение	Перевод	Ошибочный перенос из русского языка
Он был написан	كُتِبَ	كان كُتِب
Студенты ушли	ذهب الطلاب	ذهبوا الطلاب

В первом случае полезно подчеркнуть, что конструкция كان كُتِب представляет собой форму давнопрошедшего времени, которая не соответствует данному контексту.

При использовании глагола страдательного залога проявляется еще один вид интерференции.

Русское предложение	Перевод	Ошибочный перенос
Письмо написано другом	كُتبت الرسالة من قبل الصديق	كُتبت الرسالة بالصديق

Обучаемые используют «инструментальный» предлог ب, передающий форму творительного падежа русского языка.

Интерференции подвергается также модель относительной превосходной степени имени прилагательного.

Русское предложение	Перевод	Ошибочный перенос из русского языка
Он самый лучший из друзей	هو أحسن الأصدقاء	هو أحسن من الأصدقاء

Предлог «из» в русском словосочетании, передающем превосходную степень, не должен иметь эквивалента в арабском словосочетании. Употребление же предлога «من» в качестве эквивалента русского предлога «из» превращает превосходную степень в сравнительную. В нашем примере: «Он лучше друзей» или «Он лучше, чем друзья».

Характерные грамматические ошибки обучаемых связаны также с использованием формы имени исчисляемого после числительных в силу расхождения норм русского и арабского языков. В русском языке после числительных от пяти и больше имя исчисляемое имеет форму множественного числа. В арабском языке после групп числительных от 11 до 99, а также числительных с двумя и более нулями в конце требуется использование формы единственного числа имени исчисляемого.

Этот вид интерференции, а также другие ее виды, указанные в пункте 3, преодолеваются в процессе развития речевых навыков, развития самоконтроля. Очень важна при этом работа преподавателя по коррекции ошибок.

Явления грамматики арабского языка, подверженные интерференции, конечно, не ограничиваются указанными выше. Заслуживает, например, отдельного внимания преподавателя использование арабского причастия в функции русского деепричастия.

Я выхожу из дома, ***направляясь*** в университет	أخرج من البيت **ذاهبا** إلى الجامعة
Мы выходим из дома, ***направляясь*** в университет	نخرج من البيت **ذاهبين** إلى الجامعة

В отличие от русского деепричастия арабское причастие меняет форму в зависимости от рода и числа субъекта.

Довольно сложным для восприятия является грамматическое явление, которое отсутствует в русском языке и является областью, подверженной интерференции. Речь идет об использовании формы страдательного залога от глаголов, управляющих с помощью предлогов. В этом случае объект действия в арабском предложении при глаголе действительного залога не превращается в субъект действия при глаголе страдательного залога, как это происходит в русском предложении. При этом арабский глагол страдательного залога во всех случаях имеет форму единственного числа мужского рода, а имя или местоимение, бывшее объектом действия при глаголе действительного залога, сохраняет свою позицию после предлога.

Глагол действительного залога	**Глагол страдательного залога**
Полиция арестовала его قبضت الشرطة عليه	Он был арестован قُبض عليه
Полиция арестовала протестующих قبضت الشرطة على المحتجّين	Протестующие были арестованы قُبض على المحتجّين
Полиция арестовала ее قبضت الشرطة عليها	Она была арестована قُبض عليها

Этому же правилу подчиняются и причастия страдательного залога, оставаясь в неизменной форме единственного числа мужского рода. В современной публицистике часто используются такие причастия, как «признанный» معترف به, «заслуживающий доверия» موثوق به и т. п.

Глагол, управляющий с помощью предлога	**Причастие страдательного залога**	**Пример**
إعترف ب признавать (кого-л., что-л.)	مُعْتَرَفٌ ب признанный	الدولة المعترَف بها признанное государство
وَثِقَ ب верить, доверять (кому-л.)	موثوق ب заслуживающий доверия, достоверный	المصادر الموثوق بها достоверные источники
إشتبه ب подозревать (кого-л.)	مشتبه ب подозреваемый	رجال مشتبه بهم في الإعتداء الإرهابي люди, подозреваемые в террористической атаке

Выполнение специальных упражнений, включающих данное грамматическое явление, позволит предотвратить интерференцию.

На уровне синтаксиса одной из распространенных ошибок обучаемых является отождествление конструкции придаточного определительного предложения в арабском языке с той же конструкцией в русском языке. Ошибочным является тезис о сходстве конструкции придаточного определительного предложения в русском и арабском языках, на котором основано объяснение данного явления в некоторых учебниках, в частности, в Учебнике арабского языка А. А. Ковалева и Г. Ш. Шарбатова [Ковалев, Шарбатов 1969, с. 259]. Конструкция сложноподчиненного предложения с придаточным определительным в арабском языке существенным образом отличается от подобной конструкции в русском языке. Отличие заключается в том, что союзное слово «который» в русском предложении является членом придаточного предложения. Соответственно оно изменяется по падежам: *который* – подлежащее или прямое дополнение, *которого* – прямое дополнение и различные комбинации слова *который* с предлогами – *у которого*, *с которым*, *в котором* и т. п., выступающие в предложении в роли дополнений и обстоятельств. В арабском языке относительное местоимение ٱلَّذِي (и его варианты) не является членом придаточного определительного предложения. Оно как бы располагается между главным и придаточным предложениями, функционально не входя в них, хотя грамматически связано с определяемым именем главного предложения, так как его род, число и падежная форма зависят от имени определяемого (падеж проявляется в форме двойственного числа). Его функция соответствует функции определенного артикля к придаточному предложению (как расширенному до рамок предложения определению), поскольку оно относится к имени определенного состояния. Соответственно, если имя определяемое обладает категорией неопределенности, относительное местоимение ٱلَّذِي опускается (артикль не требуется). Характерной ошибкой обучаемых является перевод ٱلَّذِي словом *который*, что приводит к непониманию текста. А в случае отсутствия союзного слова, если определяемое слово неопределенно, обучаемые испытывают трудности в распознавании этой синтаксической структуры.

Эффективный методический прием, позволяющий преодолеть трудности такого рода, заключается в следующем. Мы предлагаем

студентам найти эквивалент союза «который» в арабском предложении, вводимом относительным местоимением ٱلَّذِي. Например:

هذا البيت الذي يسكن فيه أحمد …этот дом, в котором живет Ахмад

هذا الطالب الذي يسكن ... …этот студент, который живет …

На первых порах обучаемые, не задумываясь, отвечают "الذي"", но при постоянном внимании преподавателя они начинают быстро находить этот эквивалент (слитное местоимение ه в первом случае, и местоимение هو, входящее в состав глагола يسكن, во втором). Что касается бессоюзного придаточного определительного предложения, то эту структуру обучаемым помогает выявить в предложении следующее разъяснение: если после предложения, имеющего грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое и в котором присутствует имя неопределенного состояния, имеется глагол или другой синтаксический предикат, не вводимый никаким союзом, то с этого глагола довольно часто начинается придаточное определительное бессоюзное предложение. Проиллюстрируем это на примере:

ذهب إلى مدينة لم يكن فيها أبدا

Он отправился в город, в котором никогда не был.

Типичные ошибки интерференции на лексико-семантическом уровне и способы их предотвращения

Отождествление языковых единиц двух языков является причиной семантической интерференции, которая приводит к нарушению лексической сочетаемости.

Лексическая сочетаемость – это способность слова сочетаться с определенным кругом других слов. Другими словами, сочетаемость слов – это способность или неспособность слов соединяться друг с другом по лексическому значению, грамматической характеристике и семантической структуре. Изучение сочетаемости с точки зрения межъязыковой интерференции является важной задачей, так как помогает предвидеть возникновение ошибок.

Л. С. Бархударов в работе «К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий» сводил семантические соответствия между лексическими единицами двух языков к трем основным типам:

1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) отсутствие соответствия. Особый интерес и трудность представляют собой два последних случая [Бархударов 1975, с. 73, 74]. Именно эти случаи и указывают на причины лексико-семантической интерференции. Предупредить ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости, позволяет раскрытие семантики слова. При семантизации слова следует обращать внимание на синонимы, антонимы, уделять достаточное внимание работе над фразеологией. Соответственно упражнения лексико-семантического характера должны включать подбор синонимов и антонимов.

1. Рассматривая типичные ошибки обучаемых, мы выделили ошибки, связанные с несовпадением объема семантики русского и арабского слова. Например, слова قرار и حلّ имеют одно и то же словарное значение «решение», хотя семантически они не совпадают. Таких примеров очень много.

Русское слово	**1 вариант перевода**	**2 вариант перевода**
Решение	قرار (резолюция)	حلّ (решение проблемы)
Отказываться от	رفض (отвергать)	تخلى عن (переставать делать что-л.)
Одобрять	وافق على (утверждать, принимать)	إستحسن (считать хорошим)
Ликвидировать	قضى على (уничтожать, в том числе физически)	أزال (устранять, удалять, напр., последствия)

Данные примеры показывают, что русское слово полисемично, а арабское обладает большей семантической дифференцированностью. В случае с полисемичным глаголом حل отмечаем, что он только частично совпадает с русским «решать проблему». Использование одной лексической единицы вместо другой в данных примерах приводит к грубому нарушению лексической сочетаемости.

Большое расхождение в объеме семантики русского и арабского слова можно заметить в следующих примерах:

Русское слово	**1 вариант перевода**	**2 вариант перевода**	**3 вариант перевода**	**4 вариант перевода**
Поддерживать	أيد (как правило политически)	دعم (экономически, морально)	حافظ على (или сохранять баланс, порядок, стабильность и т. п., т. е. нечто устоявшееся)	أقام (отношения)
Нарушать	خرق، إخترق (границы, воздушное пространство)	إنتهك (попирать, не соблюдать)	أخلّ ب (порядок, баланс, спокойствие и т. п.)	خالف (не исполнять, поступать вопреки)

Примечание: в некоторых случаях грани между арабскими словами в силу семантических сдвигов начинают стираться, например, خرق، إخترق и إنتهك в современном языке могут заменять друг друга.

Предупредить ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости, помогает использование всего арсенала средств и способов семантизации, в том числе использования иллюстративной наглядности.

Например, при работе с глаголом رَفَع мы берем со стола какой-либо предмет и отводим его слегка в сторону. «Образ» этого действия расширяет в сознании обучаемых спектр значений арабского слова, которое они уже встречали в значении «поднять что-л.». Действие преподавателя подсказывает еще одно довольно общее значение «снять, убрать что-л.». Имея такой зрительный образ, обучаемые довольно легко находят русские эквиваленты данного глагола в различных словосочетаниях:

رفع عقوبات – снять санкции
رفع الحظر – снять запрет

رفع قيوداً – снять ограничения
رفع حصانة دبلوماسية – лишить дипломатического иммунитета
رفع معدات قديمة– убрать устаревшее оборудование

Заметим, что в первых трех примерах глагол رَفَع соотносится (а, точнее, является антонимом) с глаголом فرض, который означает «наложить (санкции), ввести (запрет, ограничения), наложить (налоги)». Действие, обозначаемое глаголом فرض, ассоциируется с навязыванием, введением сверху чего-либо, часто нежелательного. Логика языка понятна: то, что вводилось «сверху», надо поднять (т. е. снять). В последнем примере антонимом глагола رفع является глагол وضع.

Глагол سَحَبَ, возможно, известен студентам в наиболее частотном его значении «выводить (войска)». «Образ» этого глагола можно создать, протащив по столу лист бумаги, пока он не выйдет за пределы стола. Этот «образ» позволяет найти русские эквиваленты в словосочетаниях:

سحب ترشيحه – снять свою кандидатуру;
سحب اقتراحه – снять свое предложение;
سحب الثقة – объявить импичмент (выразить вотум недоверия, *букв.* отобрать доверие);
سحب مشروع قانون العمل الجديد – отозвать новый законопроект о труде.

«Зрительные образы» глагола رفع и глагола سحب помогают логически объяснить, почему **снятие** санкций, ограничений, запрета, налогов и т. п. (т. е. всего, что как бы налагается «сверху» – глагол فرض) переводится словом رفع, а **снятие** предложения, кандидатуры, отзыв законопроекта и т. п. (т. е. всего, что предлагается, выдвигается – глагол قدّم) переводится словом سحب. Проиллюстрируем эту закономерность следующими примерами:

رفع عقوبات	снять санкции	سحب اقتراحا	снять предложение
رفع قيودا	снять ограничения	سحب ترشيحا	снять (отозвать) кандидатуру
رفع حظرا	снять запрет	سحب مشروع القانون	снять (отозвать) законопроект

Для полноты картины заметим, что идея «отозвать», если речь идет о людях, например, «отозвать посла», передается глаголом إستدعى.

Таким образом, использование адекватных приемов раскрытия семантики лексических единиц помогает предотвратить ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости.

В приведенных примерах мы выбрали для русского слова широкой семантики «снять» два эквивалента в арабском языке, каждый из которых обладает своей лексической сочетаемостью.

2. Говоря о частичных межъязыковых лексических соответствиях, Л. С. Бархударов отмечает неодинаковую семантическую дифференцированность слов в двух языках. При этом «один язык дает возможность не выражать разницу между определенными понятиями, в то время, как другой язык вынуждает пользующегося обязательно выразить эту разницу» [Бархударов 1975, с. 83]. В отношении пары языков – русский и арабский – наглядной иллюстрацией этого явления служат масдары II и V пород глагола, перевод которых на русский язык часто совпадает. Например, русское слово «развитие» от корня طور имеет два варианта перевода на арабский язык: تطوير и تطور. В этой связи необходимо иметь в виду двухслойную семантику арабского слова. Семантическая мотивированность арабского слова, как известно, складывается из семантики исходного корня и значений словообразовательных моделей.

Поэтому важным направлением при работе с глаголами и отглагольными именами является, если так можно сказать, «выработка чувства породы». Очень часто русские отглагольные имена не передают такие оттенки значений, которые заложены в арабских словах. Упомянутое слово «развитие» от корня طور имеет два различных эквивалента (масдары, т. е. имена действия, от переходного глагола طَوَّرَ «развивать» – تَطْوِيرٌ «развитие» и возвратного глагола تَطَوَّر «развиваться» – تَطَوُّرٌ «развитие»). Без целенаправленной работы над породами студенты не чувствуют разницы между этими двумя масдарами.

Исходя из того, что в породах арабского глагола заложена строгая логика, мы считаем важнейшей задачей при обучении студентов помочь им овладеть этой логикой. Систематическая тренировка с помощью решения логических задач разного рода способствует выработке «чувства породы», способности самостоятельно анализиро-

вать лексические единицы по двум параметрам, правильно определять их значения. Логические задачи, предлагаемые обучаемым, постепенно усложняются. Ниже приводятся примеры некоторых видов задач.

Наиболее простыми являются задачи по определению значения II породы глагола, образованного от глагола «состояния» I породы, т. е. глаголов, показывающих наличие того или другого свойства (качества) у предметов, и других глаголов II породы, приобретающих каузативное значение.

Глагол I породы	**Значение**	**Глагол II породы**	**Значение**
حَسُنَ	быть хорошим	حَسَّنَ	? (улучшать)
كَبُرَ	быть большим	كَبَّرَ	? (увеличивать)
صَغُرَ	быть маленьким	صَغَّرَ	? (уменьшать)
عَلِمَ	знать	علّم	? (обучать)

Решение этой задачи не вызывает затруднений, тем более что значение прилагательных حسن (хороший), كبير (большой), صغير (маленький) и др., связанных с приводимыми глаголами I породы, хорошо известны студентам.

Легко справляются обучающиеся и с определением значения глаголов II породы, несущих в себе значение усиленного действия.

Глагол I породы	**Значение**	**Глагол II породы**	**Значение**
ضرب	бить	ضرَّب	? (сильно бить)
كسر	разбивать	كسّر	? (разбивать вдребезги)

Несколько усложняется задача в случае деноминативного образования глагола II породы. И в этом случае обучаемые должны найти русский переходный глагол, несущий идею каузативности. Например:

Имя	Значение	Глагол II породы	Значение
نَوْعٌ	вид, разновидность	نوّع	? (разнообразить, диверсифицировать)
صورة	образ	صوّر	? (изображать)
طبيعي	природный, естественный, нормальный	طبّع	? (нормализовать)

«Чувство породы» развивает у обучаемых языковую догадку, позволяет им определять значения неологизмов, которые регулярно рождаются в языке. Так, появившийся в последнее время глагол همّش обучаемые свяжут с известным словом هامش «поля» и, анализируя слово по двум параметрам, придут к значению «вытеснять на край, периферию», а также «маргинализировать» в зависимости от контекста.

При работе с глаголами V породы напоминаем, что эти глаголы часто получают признак возвратности, а в ряде случаев это не возвратные, но и не переходные глаголы. По терминологии Б. М. Гранде, это «медиальные» (средние) глаголы, которые противопоставляются глаголам, имеющим значение активного действия, и совпадают по значению с глаголами страдательного залога [Гранде 1963, с. 127]. Предлагаем решить следующие задачи:

Глагол II породы	Значение	Глагол V породы	Значение
ألف	составлять	تألف	? (состоять, быть составленным)
قدّم	выдвигать вперед	تقدّم	? (выдвигаться, идти впереди)
شكل	формировать	تشكل	? (формироваться)
نوّع	разнообразить	تنوّع	? (быть разнообразным)

Аналогичные задачи по определению значений глаголов и других производных пород студенты успешно решают при условии постоянного тренинга.

Интерес обучаемых возрастает по мере того, как они проникают в логику системы пород, начинают понимать, например, как связно прилагательное غني (богатый) с однокорневым глаголом إستغنى عن (обходиться без) или догадываются о значении слов, которые в ряде случаев не приводятся в словаре. Например, значение причастия متشاطئ в сочетании بلدان متشاطئة (страны, расположенные в бассейне одной и той же реки), значение слова متنفس (отдушина, т. е. имя места от глагола تنفس – дышать).

Таким образом, при работе с каждым глаголом мы прибегаем к выявлению второго слоя семантики, создаваемого породой глагола. Так, глаголу «советоваться, консультироваться» в арабском языке соответствуют три глагола от корня شور:

1) глагол شاور III породы «обращаться за консультацией к кому-л.»;
2) глагол تشاور VI породы «советоваться, консультироваться между собой»;
3) глагол استشار X породы «просить совета, консультации».

Когда студент приучен анализировать слово по двум его параметрам (корень и словообразовательная модель), он не ошибется в том, масдар какого из указанных глаголов употребить в контексте «…прошли **консультации** сторон… (جرت تَشَاوُرَات بين أطراف)» и «он пришел на **консультацию** к преподавателю (جاء لإستِشَارَة مُعَلِّم)».

В качестве еще одного вида логических задач, помогающих предотвратить нарушение лексической сочетаемости, предлагаем студентам определить, например, масдар (имя действия) какого глагола سحب (уводить, удалять) или إنسحب (уходить, удаляться) следует использовать при переводе следующего предложения: «Россия пошла на **вывод** (سحب) части своих ВКС из Сирии».

Другая форма задания. Выберите масдар глагола طوّر (развивать) или تطوّر (развиваться) для перевода следующих фрагментов: «Мы стремимся к **развитию** (تطوير) наших отношений …»; «В последнее время имело место бурное **развитие** (تطور)…». Или: выберите масдар от глагола صعّد (поднимать) или تصاعد (подниматься) для перевода следующих фрагментов предложений: «…это шаг на

пути **эскалации** (تصعيد)…» и «…мы являемся свидетелями **эскалации** (تصاعد)…».

«Чувство породы» позволит студенту не ошибиться, например, при выборе нужного глагола для контекста «…парламент **одобрил** (وافق على)…», и не использует глагол إستحسن, подсказываемый словарем, поскольку этот глагол X породы означает «находить хорошим для себя, одобрять», а данный контекст предполагает использование глагола وافق على или его синонимов.

«Чувство породы» позволяет обучаемому правильно выбрать масдар от глагола ضمّ «присоединять, включать в себя» или от глагола إنضمّ«присоединяться» для следующих фрагментов предложений: «**присоединение, аннексия** (ضمّ) чужих территорий» или «**присоединение** к этой организации, **вступление** (إنضمام) в эту организацию».

Таким образом, выработка «чувства породы» у обучаемых также в значительной степени позволяет предупредить ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости.

И, наконец, в целях предотвращения нарушения лексической сочетаемости следует уделять достаточное внимание фразеологии или фразеологически связанным словосочетаниям, например, الهواء في الطلق «на свежем воздухе», ضاق صبرا терять терпение и т. д. Большую пользу в этом плане приносит ведение фразеологического словарика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдурахманов А. И. Учебник арабского языка: в 3 ч. / Северокавказский университетский центр исламского образования и науки, Институт теологии и международных отношений. 2-е изд., испр. и доп. Махачкала: Издательский дом «СИМОЛПРЕСС», 2009. 466 с.

Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). – М., «Международные отношения», 1975. 240 с.

Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. и комм. Ю. А. Жлуктенко. Киев : Виа школа, 1979. 263 с.

Виноградов В. А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Гак В. Г. Сочетаемость // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М. : Издательство восточной литературы, 1963. 594 с.

Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев : Вища школа, 1974. 176 с.

Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка / под ред. Д. А. Баширова. 2-е изд. М. : Наука, 1969. 687 с.

Мамедов А. Дж. Учебник арабского языка / под ред. Буниятова. Баку : Маариф, 1980. 360 с.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М. : Международные отношения, 1974. 216 с.

Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. Л. : Наука, 1972. 80 с.

Тюрева Л. С. Практическая грамматика арабского литературного языка. М. : Восточная книга, 2014. 443 с.

Тюрева Л. С. Актуальные проблемы методики преподавания арабского языка. М. : ВКН, 2015. 77 с.

Тюрева Л. С. Новый подход к некоторым грамматическим явлениям арабского языка. Новые явления в грамматике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 682. Страны Востока: язык, культура, литература. С. 52–62. (Сер. Языкознание).

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 425 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

О. К. Гибралтарская, С. Э. Камилова

Гибралтарская О. К., кандидат филологических наук,
доцент каф. мировой литературы факультета зарубежной филологии
Национального университета Узбекистана;
e-mail: ogibraltarskaya@mail.ru

Камилова С. Э., доктор филологических наук, доцент;
заведующая каф. мировой литературы факультета зарубежной филологии
Национального университета Узбекистана;
e-mail: ksaodate@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ С УЗБЕКСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассмотрены проблемы конгениального перевода в контексте сохранения формально-содержательных аспектов художественного текста и специфики индивидуального стиля писателя в процессе перевода с узбекского на русский язык. Сравнительный анализ двух переводов рассказа У. Хамдама позволяет актуализировать такие аспекты идиостиля художника, как сохранение стилистической маркировки лексических единиц, идентификация устойчивых выражений, лексическая сочетаемость, система художественных средств и приемов писателя с точки зрения адекватности перевода. В связи с тем, что нарушение указанных выше принципов перевода художественного текста приводит к изменению одного из важнейших компонентов художественного произведения – индивидуального стиля, неверная трактовка контекста – к вольному переводу и искажению смыслового содержания, необходимо при передаче специфики индивидуального стиля в переводе текста четко представить стилевые доминанты писателя и художественного произведения. Это позволит максимально минимизировать неизбежные потери при передаче специфики индивидуального стиля писателя.

Ключевые слова: индивидуальный стиль; стилевые доминанты; маркировка; сочетаемость; идентификация; стилистические приемы.

O. N. Gibraltarskaya, S. E. Kamilova

Gibraltarskaya O. N., PhD (Philology), Associated Professor,
Department of World Literature, Faculty of Foreign Philology,
the National University of Uzbekistan;
e-mail: ogibraltarskaya@mail.ru

Kamilova S. E., Doctor of Philology (Dr. habil.), Associated Professor;
Head of the Department of World Literature, Faculty of Foreign Philology,
the National University of Uzbekistan; email: ksaodate@mail.ru

SPECIFICS OF TRANSMISSION OF THE WRITER'S INDIVIDUAL STYLE IN TRANSLATING LITERARY PROSE FROM UZBEK INTO RUSSIAN

The article deals with the problems of congenial translation in the context of preserving the formal and substantive aspects of the literary text and peculiarities of the writer's individual style in the process of translation from Uzbek into Russian. The comparative analysis of U. Khamdam's two translations of the story lets actualize such aspects of the artist's idiostyle as preservation of stylistic marking of lexical units, identification of set expressions, lexical compatibility, the system of literary means and devices of the writer in terms of the adequacy of translation. Due to the fact that the contravention of the above mentioned principles of translation leads to the change of one of the most important components of a literary work – the individual style, a wrong interpretation of the context leads to a free translation and falsification of the semantic contents, it is necessary while giving the specifics of the individual style in translation to present stylistic dominants of the writer and the literary text clearly. This will minimize the inevitable losses in the transmission of the specifics of the writer's individual style.

Key words: individual style; style dominants; marking; compatibility; identification; stylistic device.

Прежде чем начать разговор о специфике передачи индивидуального стиля писателя при переводе художественной прозы с узбекского на русский язык, дадим определение индивидуального стиля писателя. Л. В. Витковская считает, что «как устойчивая общность идейно-тематической, сюжетно-композиционной и образно-выразительной систем стиль являет собой сквозной принцип формирования индивидуальной художественной формы, сообщающей произведению определенную целостность и единый тон повествования, позволяющий говорить об особенностях стилистики каждого писателя» [Витковская 2012]. В данной работе воспользуемся определением Н. Белозерцевой и С. Богатыревой, которое, на наш взгляд, наиболее исчерпывающее:

«Индивидуальный стиль писателя – устойчивая общность признаков творческой манеры, образной системы, средств художественной выразительности, характеризующих своеобразие творчества писателя; совокупность особенностей его творчества, которыми его произведения отличаются от произведений других авторов» [Белозерцева, Богатырева 2017]. Исходя из данной трактовки индивидуального стиля, «можно утверждать, что каждый писатель использует особую, индивидуальную? систему образов, а также систему смыслов, которые и отображают картину мира данного автора» [Белозерцева, Богатырева 2017]. Переводческая наука считает, что при переводе **все** особенности авторского стиля должны соблюдаться. Приведем цитату И. А. Кашкина: «...индивидуальный стиль автора, творческое использование им выразительных средств своего языка должно быть воспроизведено в переводе как можно полнее, поскольку именно этим может быть донесена до читателя идейная и художественная сущность подлинника, индивидуальное и национальное своеобразие автора» [Кашкин 1977]. Не секрет, что переводчик должен обладать определенной литературоведческой подготовкой, владеть навыками литературоведческого и лингвистического анализа художественного произведения. Иными словами, переводчик несет ответственность за сохранение формально-содержательных аспектов художественного текста. Итак, как адекватно передать индивидуальный стиль писателя в процессе перевода с узбекского на русский язык? Было бы ошибочно здесь говорить обо всех узбекских писателях, так как индивидуальный стиль есть визитная карточка художника, которая «воплощает ход мысли, присущий данному автору, особый ход художественных ассоциаций, ему присущий» [Минералов 1999]. Поэтому остановимся на произведении яркого представителя современной узбекской прозы Улугбека Хамдама, в частности на рассказе «Тош» («Камень (или рождение Зла)»). В данном рассказе писатель стремится проникнуть в «изломы» сознания современного человека, в его «червоточины», подрывающие изнутри психику и душу. Следует отметить, что мотив пути, движения является одной из доминант художественной системы Улугбека Хамдама и играет важную структурообразующую и смыслообразующую роль, участвуя как в построении сюжета, так и в выражении авторских идей. В рассказе герой, следуя за прекрасной женщиной по дороге, надеется, *«может быть, на улице я столкнусь*

с великодушием и добротой, и это снимет камень с моей души?!», а встречается с порождением зла. Этот рассказ написан осязаемо и наглядно. Исповедальная форма повествования захватывает предельной глубиной подводной мысли, ее интимностью, обнаруживает такую интенсивность и обстоятельность ее течения, такую сжатость слога… Это то, что А.Потебня назвал «сгущением мысли в слове», что сама духовная сторона существования героя – его внутренний мир, «камень» души, тоска и «перетряски» – как-то незаметно, само собой теряет свое узкое значение и приобретает социально-общественный смысл, насыщаясь как бы изнутри глубоким авторским подтекстом. Он (подтекст) «врастает» внутрь самих образов и явлений, оставляя вокруг них невидимый этический ореол, объединяя в единый поток движения современной жизни.

Данный рассказ переведен двумя переводчиками – С. Э. Камиловой в 2012 г. и Д. А. Хатамовой в 2017 г. При анализе качества передачи индивидуального стиля в переводе художественного произведения, как правило, обращают внимание на лексику, синтаксис и стилистику. В рамках данной статьи мы не будем рассматривать все элементы этих категорий, они общеизвестны, но остановимся лишь на ярких примерах, в которых наглядно можно увидеть адекватность / неадекватность перевода с точки зрения передачи идиостиля художника.

1. Сохранение стилистической маркировки лексических единиц выходного предложения относительно исходного.

Сравним оригинал и переводы, обратившись к первому абзацу текста.

Оригинал

«Негадир юрагим сиқилаверади. ***Йўқ***, ***чамаси***, нима учун бу холга тушишимни биладигандекман. ***Лекин гап бунда эмас, балки давомийликда***. Ахир бир одамзод қалби шабодага тутилган япроқ мисол айланиб – ўзгариб туради дея биламиз, модомики шундай экан, нега тушкун кайфият менинг бағримга танда қўйди? Нега у кетмайди, мени тинч қўймайди?.. ***Билмайман***. ***Аксинча***: вақт ўтган сари тушкунлик юрагимнинг туб-тубига иниб, мустаҳкамланиб, аллақандай жинсга, масалан, тошга айланиб бораетгандек».

Перевод Д. А. Хатамовой

«Изнуряющая сердце тоска не дает покоя! О причине этой боли я уже догадался! Но суть не в этом, а в ее безысходности. Ведь

человеческая душа подобна листку дерева, который трепещет от дуновения ветра и ее состояние изменчиво! Но в моей душе оно неизменно и поселилось настолько прочно, будто превратилось в камень! Откуда она и почему не оставляет меня в покое?.. Бывают, конечно, моменты, когда я, как и все смертные, поддаюсь какой-то житейской суете, земным утехам, но затем вновь и вновь возвращаюсь в состояние: будто камень в душе…»

Обратим внимание на передачу в переводе отрывка эмоционального тона (пафоса). Уже визуально можно отметить, что переводчик в конце четырех предложений из шести ставит восклицательный знак. Тем самым предложения, носящие эпически-повествовательный характер, в переводе оказались эмоционально окрашены, что, в свою очередь, изменило эмоциональный настрой отрывка – от исповедальности (выражения сокровенных мыслей) к ораторству и сентенциозности. Помимо этого, в переводе отсутствуют слова (в оригинале они выделены жирным шрифтом), позволяющие передать интонацию бытовой, неупорядоченной речи; это размышления рефлексирующего сознания, прерываемые отнюдь не ораторскими высказываниями, а пытающегося понять себя. Также предложение «Лекин гап бунда эмас, балки давомийликда» (*досл*. Но дело не в этом, а то, что произошло потом) переведено «Но суть не в этом, а в ее безысходности» также изменяет восприятие общего тона повествования.

Перевод С. Э. Камиловой

«Непонятная тоска охватила меня. ***Нет***, я, ***конечно***, догадывался о причине такого состояния. ***Но важно не это, а то, что произошло вскоре***. Человеческая душа, словно дрожащий на ветру лист дерева, подвластный малейшему дуновению, но если это так, почему же тяжелая тоска с упрямым постоянством разъедает мне сердце? Почему не проходит, не оставляет меня в покое?.. ***Не знаю***. ***Наоборот***, мрачная безысходность, заполняя все мое существо, крепнет, материализуется, превращаясь в огромный, тяжелый камень» [Река души моей].

В первом переводе, казалось бы, общий смысл сохранен, однако изменение стилистической маркировки лексических единиц привело к изменению одного из важнейших компонентов художественного произведения – индивидуального стиля.

2. Идентификация устойчивых выражений.

В рассказе используется устойчивое выражение «Жонни Жабборга бермоқ», для передачи восхищения перед красотой женщины. Вот как это дано в оригинале.

Оригинал

«Оеқлар!.. Навбат уларга етганда нафасим чиндан-да қайтиб кетади ва бироз ўзимга келиб олиш учун нигоҳимни, албатта, атрофга чалғитаман. Ахир улар шунчалар бежирим ва жон олғучи эдики, бунақасини ҳатто чизиб ҳам уҳдасидан чиқиб бўлмасди. е қудратингдан!.. Мен томоман асир бўлгандим. Ўзимдан беш-олти одим илгарида кетаетган гўзал мавжудот борлиғига учиб борганча сингиб кетиш истагида енардим. Яна бағримда шунақа қаноатни ҳис этардимки, унга кўра мен йиллардир озурда бўлган жонимни шу жононга бахшида қилгим, аниқроқ айтсам, ***унинг учун ширин жонимни Жабборга топширгим келарди***. Ниҳоят энди топгандек эдим ўша қимматни, жон тикишга арзигулик ўша борлиқни! Энди уни қочириб юбориб, қисматим томонидан ҳадя этилган қулай имконни бой бергим келмасди. Ахир, мен кўплар қатори қариб-чуриб тўшакда – яқинлар ҳузурида осуда жон беришдан нафратланардим-да...»

Перевод Д. А. Хатамовой

«Ноги!.. Когда мой взор упал на ноги, я оторопел от остроты нахлынувших чувств и чтобы хоть как-то прийти в себя, с трудом отрываю взгляд от них и озираюсь по сторонам. Они настолько прекрасны, что словами выразить эту красоту невозможно. Господи! Я целиком во власти этой красоты! Горю во власти своих чувств и острого желания слиться с нею. Кажется, что наконец-то нашел тот высший смысл, ту суть, за которую не жалко жизнь отдать. Ощущаю потребность отдать свою душу этой красавице, образ которой я годами лелеял в своем воображении. А если еще точнее, ***я готов ради нее отдать свою жизнь Азраилу – Ангелу смерти***. Только не потерять ее и воспользоваться шансом, которую дает мне судьба. Тем более я всегда презирал тихую старческую смерть в постели, в окружении близких людей…»

Переводчик вышеупомянутое выражение переводит как «…***отдать свою жизнь Азраилу – Ангелу смерти***». Однако Жаббор это одно из тысячи имен Аллаха, т.е. он готов был отдать Богу душу. Такой перевод несколько искажает смысл, что в конечном счете приводит к изменению семантики индивидуального стиля Хамдама.

Перевод С. Э. Камиловой

«Ее ноги!.. Как только я увидел их, у меня, по правде говоря, захватило дух и чтобы хоть как-то прийти в себя, я быстро отвел взгляд. Они были настолько изящными и умопомрачительно красивыми, что невозможно описать! О, Создатель! Я был вконец очарован! У меня словно выросли крылья: в нескольких шагах от меня шло самое прекрасное существо, какое могла создать природа. Я испытывал такое блаженство, что готов был даровать этой красавице свою вот уже много лет скорбящую душу, а если точнее, ***ради нее я отдал бы Богу душу***. Наконец я встретил сокровище, ради которого не жалко жизни. Теперь только бы не упустить ее, не потерять счастливую возможность, подаренную судьбой. Меня всегда страшила мысль о тихой смерти в глубокой старости в привычной домашней постели, в окружении родных и близких» [Река души моей].

3. Лексическая и семантическая сочетаемость.

Оригинал

Хаелимга "**хиром айлаб борарди**" ибораси урилди. Мен қаердадир ўқигандим: чамамда гўзал аелларнинг чиройли қадам олишлари шундай таърифланарди. Ҳа-ҳа, у юрмасди, балки айнан хиром айларди: **навозиш ила, сеҳр ва афсун ичра**... Бир муддат кўзим тиниб, бошим айланиб кетди. Қадамимни **секинлатмоқчи**, *гўзаллик таратаетган нурдан хиел* **узоқлашмоқчи** ва шу тариқа ичимдаги мувозанатни **қайта тикламоқчи бўлдим**. Бироқ оеқларим менга бўйсунмасди. **Оеқ не**, энди менинг бутун борлиғим, тақдирим аелнинг измида, ундан таралаетган аллақандай чексиз даражадаги ҳузурбахш куйнинг, овозсиз бир қўшиқнинг етагида банди эди. Ҳа-ҳа, банди эди!..

Перевод Д. А. Хатамовой

В голове проносится «**не идет, а плывет**», а ведь я где-то встречал это выражение, да, так обычно описывают походку женщины. Да-да, она не шла, а именно ***плыла***: с той дивной грацией, как в волшебстве и колдовстве сказочного очарования… Острота нахлынувших чувств окончательно выбила твердую почву из-под ног. Я решил чуть **замедлить** шаг и, ***укрывшись*** от яркого заката, ***обуздать*** свои чувства. *Но ноги не слушались. Теперь все мое существо подчинялось воле этой женщины. Я был пленником ее очарования и исходящей от нее дивной и манящей мелодии*. Да-да, именно пленником!

Словосочетание **хиром айлаб борарди** дословно переводится хиром – грациозно, а айлаб борарди (*уст. книжное*) – передвигаться. Однако в первом переводе переводчик вообще не переводит слово «хиром» – «грациозно», т. е. «с изяществом, красотой в движениях», тем самым намекая на некую двусмысленность – была такой большой как корабль или плавно двигалась. Вообще этот отрывок очень интересен для анализа. Обратим внимание на четвертое предложение (Бир муддат кўзим тиниб, бошим айланиб кетди. Қадамимни **секинлатмоқчи**, *гўзаллик таратаетган нурдан хиел* **узоқлашмоқчи** ва шу тариқа ичимдаги мувозанатни **қайта тикламоқчи бўлдим**). Переводчик переводит словосочетание «гўзаллик таратаетган нурдан хиел **узоқлашмоқчи**» *как* «***укрывшись*** от яркого заката», тогда как здесь дословный перевод «уйти подальше от лучей, разливающих (распространяющих) красоту», т. е. **отдалиться** от нестерпимого сияния ее (женщины) красоты. Мы видим здесь полное нарушение семантики и логики. Далее предпоследнее предложение в первом переводе разделено на три предложения. Конечно, в ряде случаев такой прием возможен, но здесь этого можно было избежать. Разделив на три предложения, переводчик поменял эмоциональное наполнение предложения – вместо передачи полной, добровольной и вдохновляющей капитуляции чувствам получилась констатация состояния в другой стилистической манере. Неверная трактовка контекста приводит к вольному переводу и искажению смыслового содержания.

Перевод С. Э. Камиловой

Вспомнилось выражение: «**Грациозно парила**!» Да-да, она не шла, а **парила**, ***околдовывая и чаруя***… На миг у меня потемнело в глазах, закружилась голова, ***помутился рассудок***. Я **хотел отстать**, **отдалиться** от нестерпимого сияния ее красоты, хоть немного ***прийти в себя***. Однако ноги не слушались меня. **Что ноги**, теперь все мое существо, моя судьба были в руках этой женщины, в плену ее бесконечно чарующей беззвучной мелодии, обещающей вечное блаженство. Да-да, я в плену!..» [Река души моей].

4. Стилистические приемы. У. Хамдам в данном рассказе активно использует градацию как композиционный прием для передачи одной из доминант его художественной системы – мотива пути, движения, а в последнем предложении использует как завершающий аккорд

градацию как стилистическую фигуру. Переводчик игнорирует этот прием, хотя это существенный показатель идиостиля писателя. Помимо этого, наблюдаются необоснованные замены лексических единиц со смещением или утратой ключевых сем.

В переводе С. Э. Камиловой одно предложение разделено на два. На наш взгляд, это оправданное решение, так как, с одной стороны, необходимо было показать состояние героя по нарастающей, с другой – сохранить картину, постоянно возникающую в его голове, сохранив при этом стилистический прием писателя.

Оригинал

Хаелимда эса фақат бир манзара – сотувчининг балиқ бошини уриб мажағлагани ва аелнинг қип-қизил оғзи **айланар**, **айланар** ва **яна айланармиш**…

Перевод Д. А. Хатамовой

А перед *глазами* все **вертится и вертится одно** – размозженная окровавленная голова рыбы и алые кровавые губы женщины...

Перевод С. Э. Камиловой

«И только одна страшная картина настойчиво терзает меня, возникая снова и снова: размозженная голова рыбы и кроваво-красный рот женщины. Это видение бесконечно кружит, вертится, бешено мелькает в моем сознании» [Река души моей].

Таким образом, при передаче специфики индивидуального стиля в переводе художественного произведения необходимо учитывать следующее:

1. Перед тем как начать переводить, необходимо четко уяснить стилевые доминанты писателя и художественного произведения.
2. Определить систему художественных средств и приемов, к которым прибегнул писатель, для выражения содержания.
3. Можно выделить несколько особенностей, используемых автором для передачи собственного стиля:
   а) выбор слов, т. е. тот стиль слов, который автор использует в своем произведении;
   б) синтаксис: частое употребление простых или сложных, эмоционально-окрашенных или нейтральных, распространенных или нераспространенных предложений при передаче речевых характеристик персонажа;

в) манера речи, присущая персонажу, для раскрытия его характера, иногда возможно и нарушение литературной нормы;
г) тон: использование различных приемов для создания подходящей к ситуации атмосферы или настроения;
д) язык чувственного восприятия создает особый стиль произведения, так как автор использует слова, которые взывают к определенным чувствам, например, слух, зрение, обоняние и т. д., чтобы с наибольшей точностью передать эмоции, необходимые для произведения.

Если переводчик учтет эти элементы при переводе, то можно максимально минимизировать неизбежные потери при передаче специфики индивидуального стиля писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белозерцева Н., Богатырева С. К вопросу об индивидуальном стиле писателя // Концепт. 2017. № 10. С. 27.

Витковская Л. В. Когниция смысла. Литературоведение XXI века. 2-е изд., доп. Пятигорск : Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2012. 83 с.

Кашкин И. А. Для читателя-современника: статьи и исследования. М. : Сов. писатель, 1977. 384 с.

Минералов Ю. И. Теория художественной словесности. М. : Владос, 1999. 20 с.

Река души моей : сборник переводов на русский язык современных узбекских рассказов. Т., 2012. URL : www.review.uz

УДК 82.03; 82:81'255.2

О. В. Новицкая

доцент каф. переводоведения и практики перевода английского языка
переводческого факультета ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: olganovitskaya@gmail.com

ИНТЕРТЕКСТ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

В современных условиях работа с интертекстом представляется обязательной составляющей художественного перевода, при этом интертекст трактуется не столько как лингвистическое понятие, сколько как философско-метафорическое, сквозь призму которого возможен новый взгляд на традиционные стратегии перевода. Об интертекстуальности принято говорить применительно к литературе постмодернизма, но концепция, намеченная М. М. Бахтиным и подхваченная Ю. Кристевой и Р. Бартом, позволяет любой текст рассматривать как интертекст, что в контексте многообразия и диалога языков и культур представляется чрезвычайно перспективным. Интертекстуальность не следует понимать только как работу с цитатами и аллюзиями, это, прежде всего, апелляция ИТ к скрытым культурным кодам, лежащим в основе любого текста и нуждающимся в доведении до сведения целевой аудитории ПТ, и только учет этого в переводческой стратегии позволит говорить об эквивалентности ПТ и ИТ.

Ключевые слова: интертекст; интертекстуальность; художественный перевод; переводческие стратегии.

O. V. Novitskaya

Associate Professor, Department of Translation Studies,
Translation and Interpreting (the English Language),
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: olganovitskaya@gmail.com

INTERTEXT AS THE MANDATORY REALITY OF THE LITERARY TRANSLATION

In the modern world, working with the intertext is an obligatory component of literary translation practices, while the intertext itself is not so much a linguistic concept, but a philosophical-metaphorical one, through the prism of which a completely new perspective of traditional translation strategies is revealed. Intertextuality is customarily referred to postmodernism, but the concept distinctly outlined in the works of M.M. Bakhtin and later developed by J. Kristeva and R. Barthes, allows any text to be viewed as an intertext, which, in the context of the diversity and dialogue of languages and cultures, sounds extremely stimulating. Intertextuality should not be limited only to working with quotes and allusions. It is first and foremost about the hidden cultural codes underlying any text. This is what needs to be rendered and

brought to the attention of the target audience of the translation, this is what should not be neglected in translation strategies, as without it no equivalence between ST and TT is possible.

Key words: intertext; intertextuality; literary translation; translation strategies.

Понятия «интертекст» и «интертекстуальность» традиционно связывают с постмодернистской текстологией и, как следствие, с литературой постмодернизма, отличающейся мозаичной или коллажной структурой. Именно поэтому к наиболее устойчивым ассоциациям со словом «интертекст» относят кавычки и имена Джойса и Пруста, ставших символами постмодернизма в литературе. Если рассуждать логически, это не совсем корректно, потому что человечество всегда было склонно цитировать предшественников или просто «кивать» на них, соглашаясь или полемизируя с предшествующим культурным контекстом, причем подобная полемика предполагает диалог, в котором ранее написанные тексты являются полноправными участниками, апеллируя к текстам еще, по сути, не написанным, но являющимся не менее полноправными участниками данного диалога. Не случайно, задолго до появления самого термина «интертекстуальность» его суть еще в 1929 г. была гениально намечена М. М. Бахтиным, когда в первой редакции своей работы «Проблемы творчества Достоевского» он подробно говорит о «полифоническом романе», о непрерывно находящихся в диалоге словах, имеющих «двоякое направление: и на предмет речи, как обычное слово, и на *другое* слово, на *чужую* речь» [Бахтин 1929]. Слово, по Бахтину, может представлять собой: 1) прямое, непосредственно направленное на свой предмет слово; 2) объектное слово (слово изображенного лица) и 3) слово с установкой на чужое слово (двуголосое слово). Двухголосое слово, в свою очередь, подразделено на три вида (однонаправленное / разнонаправленное/ отраженное чужое), которые объединяют 14 его разновидностей (стилизация, рассказ рассказчика, пародия, слово с оглядкой, «шпилька», скрытый диалог и др.), причем из-за специфичности этой сугубо бахтинской категории, составляющей, по его мнению, языковый субстрат полифонии, во втором издании книги он вводит специальный термин «металингвистика» для обозначения неподвластной монологической лингвистике диалогической сферы жизни языка.

Идея «двухголосого слова», оставшаяся незамеченной современниками, ждала почти 40 лет, пока в 1967 г. Юлия Кристева в статье

«Бахтин, слово, диалог и роман» не предложила для нее лаконичное и доходчивое истолкование: «Упоминая о “двух голосах” …, Бахтин хочет сказать, что всякое письмо есть способ чтения совокупности предшествующих литературных текстов, всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [Кристева 1967]. Минимальной единицей текста, по мнению Кристевой, Бахтин полагал «статус слова», проникая тем самым «… до самого глубокого уровня структуры, залегающего под уровнем предложения и риторических фигур. Понятие статуса позволяет сменить представление о тексте как о совокупности атомов представлением о нем как о множестве реляционных связей, где слова функционируют в роли квантов» [Кристева 1967]. Оно же позволяет Кристевой отказаться от подробной бахтинской детализации и перейти на уровень нового века, поднимаясь до математической формулы или философского обобщения. Для нее понятие «слово» и «текст» равнозначны: «Всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст). Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности» [Кристева 1967].

Сегодня идея трехмерности текстового пространства, где три субстанции – субъект письма, получатель и внеположенные им тексты – пребывают в состоянии перманентного диалога, является данностью для большинства лингвистов, при этом понятие «текст» становится, скорее, метафорическим и может трактоваться чрезвычайно широко, от «текста / слова», как у Ю. Кристевой до «текста / культуры», как у Ю. Лотмана. Таким образом, благодаря понятию «статус» слово обретает пространственные характеристики, поскольку статус слова реализуется:

а) горизонтально (слово в тексте одновременно принадлежит и субъекту письма, и его получателю по диалогическому принципу);
б) вертикально (слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных текстов – более ранних или современных, по принципу амбивалентности).

Подчеркнем, что сообразно этой схеме, диалог между субъектом и получателем письма неизбежно рассматривается как интерактивный

процесс. Майкл Риффатер, истинный представитель стилистики восприятия, в 1972 г. вводит понятие «третьего текста», т. е. интепретанты. Опираясь на семиотический треугольник Г. Фреге, Риффатер предлагает свой треугольник, где Т – текст, Т' – интертекст, И – интерпретанта:

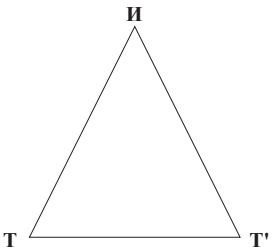

Рис. 1

Риффатерр считает, что «…интертекстуальность не функционирует и, следовательно, не получает текстуальности, если чтение от Т к Т' не проходит через И, если интерпретация текста через интертекст не является функцией интерпретанты» [Riffaterre 1990].

Схема Риффатера позволяет говорить о том, что текст и интертекст не связаны между собой, как «донор» и «реципиент», отношения этих двух систем много сложнее примитивных представлений о «заимствованиях» и «влияниях». Благодаря интерпретанте происходит скрещение и взаимная трансформация смыслов текстов, вступающих во взаимодействие.

Наиболее известная классификация межтекстовых взаимодействий принадлежит французскому литературоведу Жерару Женетту, который в своей работе «Палимпсесты: литература во второй степени» отдельно выделял:

- интертекстуальность, т. е. соприсутствие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.);
- паратекстуальность, т. е. отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу;
- метатекстуальность, т. е. комментирующая и часто критическая ссылка на свой претекст;
- гипертекстуальность, т. е. осмеяние или пародирование одним текстом другого;
- архитекстуальность, т. е. жанровая связь текстов [Женетт 1998].

Все это перекликается с уже упомянутой бахтинской классификацией слов, причем, речь идет не только о литературных текстах, но и о текстах в широком, если угодно, метафорическом смысле. Лермонтов в «ядовитом» мини-скетче «Журналист, писатель и читатель» устами незадачливого писателя сокрушается:

…О чем писать? – восток и юг
Давно описаны, воспеты [Лермонтов 2017].

Ему вторит замечательный польский остроумец и мастер парадоксов Станислав Ежи Лец: «Обо всем уже сказано. К счастью, не обо всем подумано» [Лец 2009]. Показательно, что самая теория интертекстуальности возникла в ходе интерпретации чужого текста, и говорить о ней без цитат не представляется возможным. Интертекстуальность присуща всем жанрам, от самых высоких до самых низких. Нередко можно встретить примеры визуальной и звуковой интертекстуальности, мы говорим о музыкальных, кинематографических, изобразительных, сюжетных и прочих цитатах и аллюзиях. И вдруг выясняется, что в таких разных, на первый взгляд, «Девочке с персиками» Серова или «Неизвестной» Крамского можно разглядеть сходство с «Инфантой Маргаритой» Веласкеса, а если посмотреть под другим ракурсом, то и с васнецовской «Аленушкой». Название веселого детского мультфильма «Maya the Bee: The Honey Games» на языке оригинала явственно перекликается с «The Hunger Games», и подобная звуковая аллюзия мгновенно заставляет совсем иначе взглянуть на приключения маленькой отважной пчелки, спасающей свой улей от голода.

Цитат не избежать даже на уровне самого, казалось бы, бытового общения. «Наша жизненно-практическая речь полна чужих слов: с одними мы совершенно сливаем свой голос, забывая, чьи они, другими мы подкрепляем свои слова, воспринимая их как авторитетные для нас, третьи, наконец, мы населяем своими собственными чуждыми или враждебными им интенциями» [Бахтин 1929]. Это цитирование, не всегда осознанное, даже в заурядном бытовом дискурсе носит и экспрессивную, и апеллятивную, и фатическую / контактоустанавливающую функцию, т. е. помогают субъекту самовыразиться, служат невероятно важным способом организации информации, когда буквально одним словом, апеллируя к известному носителям языка культурному коду можно мгновенно вытащить на поверхность колоссальный объем информации или проверить собеседника на «свой / чужой».

Интертекстуальность становится не столько лингвистическим, сколько философским понятием, своеобразной призмой, сквозь которую мы рассматриваем окружающую действительность. Автохтонных,

т. е. абсолютно лишенных каких бы то ни было заимствований и влияний текстов не может существовать в принципе, так что интертекстуальность – отнюдь не примета постмодернизма, а, скорее, органичное свойство вторичной реальности, созданной человеком, т. е. культуры как таковой.

Французский философ и семиотик Ролан Барт абсолютно прав, провозглашая интертекстом любой текст: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, «сотканную» из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и «перемешаны» в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Barthes 1973].

Разумеется, из всех форм межтекстуальных отношений наиболее распространенными являются цитата и аллюзия. Барт не случайно первым делом поминает их в качестве структурных элементов интертекста. Под цитатой обычно понимают воспроизведение двух или более компонентов претекста с сохранением той предикации (описания некоторого положения вещей), которая установлена в тексте-источнике; при этом возможно точное или несколько трансформированное воспроизведение образца. Аллюзия предполагает заимствование лишь определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, предикация уже осуществляется по-новому. Цитаты могут быть и незакавыченными, данными лишь намеком, одним-двумя словами, но за ними тут же появляется «аромат эпохи», та жизненная правда, которая обеспечивает тексту подлинность и органичность.

Следовательно, любой художественный текст является интертекстом по определению, при этом ни один текст не пишется «под перевод», он рассчитан на носителя языка. Поэтому первоочередная задача переводчика – распутать всю эту «мешанину» из культурных

кодов, скрытых и явных цитат и аллюзий в ИТ, понять ее, подобрать соответствия на ПЯ и воссоздать все на материале другого языка, – миссия явно невыполнимая, сулящая предсказуемое «пиррово поражение», но абсолютно обязательная. Почему? Да потому, что пропуск или искажение какого-либо информационного отрывка из-за переводческого недопонимания интертекстуальной составляющей неизбежно приведет к нарушению целостности текста перевода.

Рассмотрим это на примере. Несколько лет назад московское издательство «Corpus» предложило автору статьи перевести на русский язык автобиографическую повесть известного британского журналиста Оуэна Мэтьюза – сына приехавшего в СССР по студенческому обмену англичанина Мервина Мэтьюза и русской девушки Людмилы. Именно об этих русских корнях он написал свою книгу «Stalin's Children», ставшую мировым бестселлером и переведенную на 22 языка. Специфика жанра – документальная повесть – предполагает мощнейший интертекстуальный пласт, который, к слову, во многом для автора-англичанина является иностранным, потому что апеллирует к советской действительности. По ряду причин от перевода книги полностью автору статьи пришлось отказаться, но некоторые фрагменты сохранились в черновиках. Через какое-то время переведенная другой переводчицей книга попалась автору данной работы в магазине, так что есть возможность сопоставить два варианта перевода и посмотреть на них именно сквозь призму учета интертекстуальных особенностей оригинала и адекватного их воспроизведения при переводе.

Итак, сравним несколько абзацев оригинала и два варианта перевода (см. табл. 1).

Дело тут не в том, чей перевод хуже или лучше, а в точности передачи реалий и цитат. Вряд ли носитель языка имеет право называть НКВД «сталинской тайной полицией», даже если оригинал его на это провоцирует. Это немедленно выдает в тексте перевод, поэтому существующее в ПЯ устойчивое выражение «сталинские «органы» куда точнее соответствует описательному и не претендующему на точность словосочетанию *Stalin's secret police*. Что до описания папки, которая почему-то оказалась обладательницей коричневого переплета, то, как ни парадоксально, на нее нужно (и можно) было просто посмотреть.

Таблица 1

В *архиве* бывшего *управления КГБ в Чернигове* лежит на полке обыкновенная *канцелярская папка – толстая, весом не менее килограмма, в коричневом, изрядно потрепанном переплете*. Листы в ней тщательно пронумерованы *и прошиты суровой ниткой*. Это следственное дело моего деда, отца моей матери, Бибикова Бориса Львовича, обвиненного *в антисоветской правотроцкистской деятельности на Украине*, – его имя написано на обложке аккуратным каллиграфическим почерком. *Наверху: «НКВД УССР» и штамп «Сов. секретно»* Содержащиеся в папке документы воссоздают картину последних дней жизни моего деда, оказавшегося в руках *сталинской тайной полиции* на пороге осени 1937 года	On a *shelf in a cellar* in *the former KGB headquarters in Chernigov*, in the black earth country in the heart of the Ukraine, lies *a thick file with a crumbling brown cardboard cover*. It contains about three pounds of paper, *the sheets carefully numbered and bound*. Its subject is my mother's father, Bibikov, Boris Lvovich, whose name is entered on the cover in curiously elaborate, copperplate script. Just under his name is the printed title: *"Top Secret. People's Commissariate of Internal Affairs. Anty-Soviet Rightist-Trotskyite Organization in the Ukraine"*. The file records my grandfather's progress from life to death at the hands of *Stalin's secret police* as the summer of 1937 turned to autumn	В *подвале* бывшего *Управления КГБ Чернигова*, города, расположенного в самом сердце украинского Черноземья, хранится *пухлая папка коричневого картона с обтрепанными краями*. Все содержащиеся в ней документы, общим весом килограмма в полтора, тщательно пронумерованы и *подшиты*. Это дело моего деда, Бориса Львовича Бибикова, отца моей матери. Его имя каллиграфическим почерком выведено на обложке, а точно над ним – отпечатанный типографским способом гриф: *«НКВД УССР Управление Государственной Безопасности. Сов секретно. Следственное дело антисоветской право-троцкистской организации на Украине»*. В папке свидетельства того, как шел мой дед от жизни к смерти, последовавшей на излете лета 1937 г. от рук *сталинских «органов»*.
Перевод И. Катковской		*Перевод О. Новицкой*

Трагедия семьи Бибиковых не раз описывалась, поэтому в бездонном Интернете удалось найти фотоснимки и папки с делом, и вырванного у Б. Л. Бибикова самооговора с признанием себя «врагом народа», и справки о приведении приговора в исполнение. Это позволило не только не ошибиться с формулировками на обложке, которые в тексте оригинала напрямую цитируются, но и точно подобрать словарные эквиваленты при переводе. Так, например, *the sheets carefully numbered and bound* следует переводить как «документы тщательно пронумерованы и подшиты», а не «листы прошиты суровой ниткой». Когда автор пишет «Just under his name is the printed title: “Top Secret. People’s Commissariate of Internal Affairs. Anty-Soviet Rightist-Trotskyite Organization in the Ukraine», то нелепостей вроде «штамп “Сов. секретно”» можно было бы избежать, потому что речь идет об отпечатанном типографским способом грифе, где информация располагается строго определенным образом: «НКВД УССР Управление Государственной Безопасности. Сов секретно. Следственное дело антисоветской право-троцкистской организации на Украине». Подобные несообразности очень бросаются в глаза носителю языка, вызывая недоверие к тексту.

Рассмотрим еще один небольшой фрагмент из той же главы (см. табл. 2). Здесь перевод, выпущенный издательством Corpus и наверняка прошедший редактуру, содержит немыслимое количество ошибок, грубо искажающих смысл, когда «официальные документы, отпечатанные на полупрозрачной папиросной бумаге, пробитой то тут, то там литерами пишущей машинки» превращаются в «документы стандартного вида на тонкой или папиросной бумаге, кое-где пробитой машинкой»; абсолютно безоценочное слово *bureaucrats*, означающее ретивых делопроизводителей, ничтоже сумняшеся передается словом «бюрократ», но это все издержки недостаточной переводческой подготовленности. Куда серьезнее незамеченные незаковыченные цитаты, в результате чего «receipt confirming that he had read and understood the death sentence passed on him by a closed court in Kiev» из «протокола ознакомления подсудимого со смертным приговором, вынесенным по его делу на закрытом судебном заседании в Киеве» превращается в «расписку, что им прочитан и ему понятен смертный приговор, вынесенный ему в Киеве закрытым судом», а вместо «кособоко отпечатанной на ротапринте справки, подтверждающей,

Таблица 2

Большинство страниц – *документы стандартного вида на тонкой или папиросной бумаге, кое-где пробитой машинкой.* Встречаются и *небрежно оторванные листы дешевой шероховатой бумаги* Ближе к концу вшито *несколько гладких белых листов, исписанных мелким почерком*, – признание моего деда в том, что он враг народа. Семьдесят восьмой документ – *расписка, что им прочитан и ему понятен смертный приговор, вынесенный ему в Киеве закрытым судом.* Эти несколько строк – его последний письменный след на земле. *В самом конце – отпечатанный на плохоньком ротаторе листок сухо информирует о том, что приговор приведен в исполнение на следующий день, 14 октября 1937 года.* Внизу стоит подпись его *палача* в виде неразборчивой закорючки. *Старательные бюрократы из НКВД*, столь ретиво доведшие дело моего деда до «логического» конца, не потрудились указать место погребения Бориса Бибикова, так что единственным памятником ему стала эта стопка бумаг.	Most of the file's papers are *flimsy official onion-skin forms punched through in places on heavy typewriting. Interspersed are a few slips of thicker, raggy scrap paper.* Towards the end are several sheets of *plain writing paper* covered in a *thin blotting handwriting*, my grandfather's confessions to being an 'enemy of the people'. The seventy-eighth document is a *receipt confirming that he had read and understood the death sentence passed on him* by a closed court in Kiev. The scribbled signature is his last recorded act on earth. The final document is a *clumsily mimeographed slip, confirming that the sentence was carried out on the following day, October 14th, 1937.* The signature of his *executioner* is a casual squiggle. Since the careful *bureaucrats* who *compiled the file* neglected to say where he was buried, this stack of paper is the closest thing to Boris Bibikov's earthly remains.	По большей части ее содержимое – *официальные документы, отпечатанные на полупрозрачной папиросной бумаге, пробитой то тут, то там литерами пишущей машинки.* Страницы *заложены замусоленными полосками бумаги потолще.* Ближе к концу идут *нелинованные листы, исписанные чернильными каракулями*, где мой дед признает себя врагом народа. Под номером семьдесят восемь значится *протокол ознакомления подсудимого со смертным приговором, вынесенным по его делу на закрытом судебном заседании в Киеве*. Нацарапанная под ним подпись – последнее задокументированное действие, совершенное дедом в его земной жизни. *Далее следует кособоко отпечатанная на ротапринте справка, подтверждающая, что на следующий день, 14 октября 1937 года, приговор был приведен в исполнение.* И подпись *исполнителя* – небрежная закорючка. А поскольку *старательные делопроизводители*, подшивавшие документы, не сочли нужным сделать отметку о месте захоронения, то эта кипа бумаг – все, что осталось от Бибикова. Бориса Львовича.
Перевод И. Катковской		*Перевод О. Новицкой*

что на следующий день, 14 октября 1937 г., приговор был приведен в исполнение», в переводе упоминается «отпечатанный на плохоньком ротаторе листок», почему-то подписанный не «исполнителем», а «палачом».

И это не просто переводческие небрежности, они выхолащивают из документальной повести ее главное достоинство – достоверность, подменяя страшную правду пресловутой «развесистой клюквой» с соответствующим воздействием на читателя. При этом в конечном итоге дискредитируется не переводчик, а автор-иностранец, это он оказывается «крайним», это ему вменяется в вину незнание реалий, граничащее с невежеством.

Далее в тексте идет глава, повествующая о том, какими разными для маленького билингва были говорившие на разных языках англоязычный мир отца и русскоязычный мир матери, рознившиеся и на цвет, и на вкус, и на запах (см. табл. 3).

Здесь для апелляции к верным культурным кодам надо было точно попасть с подбором переводческих соответствий. Вряд ли *шорты* могут быть элементом школьной формы, равно как и *блейзер*, все-таки речь о коротких штанах до колен и форменной курточке или пиджачке. Вряд ли из Москвы в Лондон приехал *красный узбекский чайник*, скорее всего речь о чайнике с узбекским узором, и, конечно же, не *заварном*, а заварочном. Вряд ли аляповатое золото хохломы носитель языка может не узнать до такой степени, что увидит в нем безымянное *кричащее сочетание черного с золотом русских деревянных ложек*. Приметы англоязычного детства русскому читателю могут быть незнакомы, поэтому тут нужна не только точность, но и некоторые пояснения, поэтому фразу *the language of formality, adulthood, learning, reading Janet and John on my father's lap* надо было не переводить дословно, а сообразить, что речь тут о языке «строгого внешнего мира (а не «сухом и формальном языке»), взрослой жизни, учебы, первых книжек, по слогам прочитанных на коленях у отца». Название серии *Janet and John,* по которым научилось читать не одно поколение английских детей, неподготовленному читателю ничего не скажет, его можно вообще опустить, но надо подчеркнуть явно учебный характер таких книжек с не очень интересными иллюстрациями и примитивным текстом, поэтому в переводе появляются «первые книжки, прочитанные по слогам», что может служить допустимой генерализацией вместо опущенного и малоинформативного названия серии.

Таблица 3

На русском я начал говорить раньше, чем на английском. До того как меня облачили в форму – шапочку, *блейзер и шорты* – и повели в частную начальную школу, я видел мир по-русски. Если языку вообще свойствен цвет, то для меня русский ассоциировался с *ярким розовым цветом маминых платьев 70-х годов, теплым красным старого узбекского заварного чайника,* привезенного из Москвы, и *кричащим сочетанием черного с золотом русских деревянных ложек*, что висели на полке в кухне. Английский, на котором я говорил с отцом, был матово-зеленым цветом ковра в его кабинете и приглушенно-коричневым его твидовых пиджаков. Русский – *интимным*, секретным языком общения с мамой, теплым, чувственным, грубовато-откровенным языком кухни и спальни, и *запах его был влажным и душным, как пахнет от постели или от горячего толченого картофеля.* Английский был языком *сухим и формальным, языком взрослых, уроков чтения по книжке «Джанет и Джон»,* когда я сидел на коленях у отца и вдыхал запах сигарет «Голуаз», кофе и машинного масла – от его коллекции моделей паровых двигателей.	I spoke Russian before I spoke English. Until I was sent to an English prep school, dressed up in a *cap, blue blazer and shorts*, I saw the world in Russian. If languages have a colour, Russian was the *hot pink of my mother's seventies dresses*, *the warm red of an old Uzbek teapot* she had brought with her from Moscow, *the kitschy black and gold of the painted Russian wooden spoons* which hung on the wall in the kitchen. English, which I spoke with my father, was the muted green of his study carpet, the faded brown of his tweed jackets. Russian was an *intimate language*, a private code I would speak to my mother, warm and carnal and coarse, the language of the kitchen and the bedroom, and its smell was warm bed-fug and steaming mashed potatoes. English was the *language of formality, adulthood, learning, reading Janet and John on my father's lap*, and its smell was Gauloises and coffee and the engine oil on his collection of model steam engines.	Я заговорил по-русски еще до того, как начал говорить по-английски. Пока меня, одетого в школьную форму – шапочка, *штаны до колен и темно-синий пиджачок*, – не отдали в частную начальную школу, я видел мир по-русски. Если язык обладает цветом, то русский был *ярко-розовым, как на платьях, которые мама носила в семидесятых. В нем был густой красный, как на привезенном ею из Москвы старом заварочном чайнике с узбекским узором*, и *аляповатое золото с черным, как на хохломских ложках*, развешанных на кухонной стене. Английский, на котором со мной разговаривал отец, был совсем другого цвета: это приглушенная зелень ковра в его кабинете или блеклый коричневый твид пиджака. В русском языке была *сокровенность*, это был наш с матерью тайный код, язык кухни и спальни, плотски-чувственный, безыскусный, *пахнущий волглой духотой постели и горячим картофельным пюре*. Английский был языком *строгого внешнего мира, взрослой жизни, учебы, первых книжек, по слогам прочитанных на коленях у отца*. Он пахнул сигаретами «Голуаз», кофе, и еще машинным маслом – у отца была коллекция миниатюрных паровых машин
Перевод И. Катковской		*Перевод О. Новицкой*

Таблица 4

Мама читала мне по-русски сказки Пушкина и замечательную поэму «Руслан и Людмила». В зимние вечера в маленькой лондонской гостиной передо мной возникал волшебный и таинственный мир темных русских лесов, полный мрачных злодеев и отважных героев, а отдаленный скрежет и гудки поездов, подходящих к вокзалу Виктория, только подчеркивали атмосферу чего-то жуткого и заманчивого. Этот мир в детстве был для меня куда более живым, чем любые рассказы отца. *«Там русский дух, там Русью пахнет», – писал Пушкин о загадочном Лукоморье, где растет огромный зеленый дуб; вокруг него вьется золотая цепь, по цепи ходит черный кот, а на спутанных ветвях сидит русалка.*	My mother would read me Pushkin stories like the extraordinary folk epic ‘Ruslan and Lyudmila’. The supernatural world of dark Russian forests, of brooding evil and bright, shining heroes conjured on winter evenings in a small London drawing room and punctuated by the distant squeal of trains coming into Victoria station, was infinitely more vivid to my childhood self than anything my father could summon. *‘There is the Russian spirit, it smells of Russia there,’ wrote Pushkin, of a mysterious land by the sea where a great green oak stood; round the oak was twined a golden chain, and on the chain a black cat paced, and in its tangled branches a mermaid swam.*	*Мама читала мне вслух «Руслана и Людмилу» Пушкина. Зимними вечерами под пунктир паровозных гудков, прибывавших на вокзал Виктория, рядом с которым мы жили, в нашей тесной гостиной, как по мановению волшебной палочки, возникал сказочный мир заповедных русских лесов, где таилось зло, где обитали дивные ясные витязи, и для детской души этот мир был стократ желаннее, чем все, что мог дать мне отец.* *«У Лукоморья дуб зеленый;* *Златая цепь на дубе том:* *И днем и ночью кот ученый* *Всё ходит по цепи кругом;* *Идет направо – песнь заводит,* *Налево – сказку говорит.* *Там чудеса: там леший бродит,* *Русалка на ветвях сидит».*
Перевод И. Катковской		*Перевод О. Новицкой*

И каким контрастом на фоне этого унылого культурного ландшафта предстает Пушкин, которого перед сном вслух читает мама! В оригинале автор своими словами пересказывает вступление к «Руслану и Людмиле», которое наизусть знает каждый русскоговорящий ребенок (см. табл. 4).

Но логика развития сюжета в приведенном микроконтексте подсказывает, что поэтическое описание к концу должно достичь своего апогея, поэтому вместо слепого следования за оригиналом лучше просто поставить цитату из поэмы. Пушкинский текст настолько узнаваем, что его дословный пересказ, лишенный метра и рифмы, производит впечатление столь же сокрушительно смешное, как издевательская аллюзия на другого русского классика в набоковском «Подвиге»: «Ему [Мартыну] льстила влюбленность англичан в Чехова, влюбленность немцев в Достоевского. Как-то в Кембридже он нашел в номере местного журнала шестидесятых годов стихотворение, хладнокровно подписанное «А. Джемсон»: «Я иду по дороге один, мой каменистый путь простирается далеко, тиха ночь и холоден камень, и ведется разговор между звездой и звездой» [Набоков 1932].

Из приведенных примеров видно, какой кропотливости требует от переводчика работа с интертекстуальной составляющей ИТ. Если этого нет, в проигрыше непременно окажутся автор и читатель. Именно они, в конечном итоге, станут жертвами переводческой недобросовестности, потому что из текста оригинала уйдет правда жизни, уйдет дух языка. Вместо этого читатель перевода получит своеобразный «бульон из-под яиц», но винить во всем будет … автора, ведь переводчик, как известно, профессия незаметная. Кулинарная метафора тут как нельзя более кстати, потому что сие тощее блюдо предлагается взамен «королевского бифштекса», впитавшего в себя ароматы и соки множества блюд, с которым текст сравнивает все тот же Р. Барт (причем, речь о любом тексте, ибо интертекстуальность есть неотъемлемая черта любого текста, а не только художественного).

Поставленная перед переводчиком задача много шире и глубже, чем грамотная работа с источниками. Интертекстуальность – понятие прежде всего философское, сводить его только к включениям в виде цитат и аллюзий было бы непростительной ошибкой. Подобно любой философской категории, оно требует масштабного видения, когда любой текст рассматривается как элемент определенной языковой

культуры, несущей в себе ее генетический код. Но вместе с тем все та ж призма интертекстуальности позволяет нам сузить поле зрения и под новым ракурсом посмотреть на архитектонику исходного текста, анализируя тончайшие различия между, например, нарративом, описанием и внутренней речью. Переводчик в данной ситуации должен быть «един в двух лицах», он и прикладник-практик, и лингвист-исследователь, потому что только при таком подходе возможен живой и точный, нелинейный объемный перевод, в котором находит свое отражение каждая грань оригинала. Только при таком доказательном подходе возможен обоснованный выбор оптимального переводческого решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л. : Прибой, 1929. 174 с.

Женетт, Жерар. Фигуры : в 2 т. Т. 1–2. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998, пер. с фр. Е. Васильевой, Е. Гальцовой, Е. Гречаной, И. Иткина, С. Зенкина, Н. Перцова, И. Стаф, Г. Шумиловой ; общ. ред. и вступ. ст. С. Зенкина. 944 с.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп / пер. с фр. Г. Косикова 1993. № 4. 1993.

Лермонтов М. Ю. ПСС в одном томе. Альфа-книга, 2017. 1232 с.

Лец, Станислав Ежи. Непричесанные мысли, или Вначале было слово / пер. Е. Фридман, В. Россельс. М. : У-Фактория, АСТ, Харвест, 2009. 416 с.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. 384 с.

Мэтьюз О. Антисоветский роман / пер. с англ. И. Катковской. М. : Астрель, Corpus, 2010. 384 с.

Набоков В. В. Подвиг. М. : Азбука-Аттикус, 2013. 272 с.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977. Вып. 8.

Barthes R. Texte // Encyclopedia universalis. Vol. 15. P., 1973. P. 78.

Matthews O. Stalin's Children: Three Generations of Love, War, and Survival. Bloomsbury, 2010. 320 p.

Riffaterre M. Fictional Truth. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1990. 354 p.

УДК 82.03; 82:81'255.2

М. В. Носов

старший преподаватель каф. португальского языка
переводческого факультета ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: mnosov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ НА ИНОСТРАННЫЙ (ПОРТУГАЛЬСКИЙ) ЯЗЫК НА ОСНОВЕ СОПОСТАВИТЕЛЬТНОГО АНАЛИЗА IV ГЛАВЫ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

Статья посвящена сопоставительному анализу перевода библейских текстов на русском и португальском языках, в данном случае на основе и посредством исследования особенностей передачи четвертой главы Евангелия от Луки, его возможных вариантов. Относительно большое количество современных переводов дает возможность правильно понять и при необходимости истолковать определенные фрагменты Священного Писания, представляющие некоторую трудность. Переводы на португальском языке помогают решить такую задачу. Сопоставляя и сравнивая их с отечественными переводами, можно четко определить грани, границы и варианты перевода, давая должную оценку художественным преимуществам и недостаткам той или иной версии. Статья может быть также использована в качестве теоретической компиляционной составляющей на занятиях по переводу текстов по религиозной тематике.

Ключевые слова: Радостная Весть; Евангелие; благодать; благоприятный; благо; переводческая трансформация; адекватность перевода; различия перевода; современный перевод; вариативность; переводческие упрощения и опущения; вариант перевода; версия перевода; библеизм; толкование и стилистика текста.

M. V. Nossov

Senior Lecturer, Department of Portuguese,
Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: mnosov@yandex.ru

TRANSLATION PECULIARITIES OF RUSSIAN AND PORTUGUESE BIBLIC TEXTS FEATURING CHAPTER IV OF THE GOSPEL ACCORDING TO SAINT LUKE

The article is dedicated to the comparative analysis of biblical texts in the Russian and Portuguese languages. In this particular case, it features some peculiarities of chapter IV of the Gospel according to Saint Luke. It goes without saying that a great number of translations makes possible a better understanding and, if necessary, helps to interpret some fragments of Saint Scripture that may seem difficult or too complicated. Translations in Portuguese give us a good chance to solve the problem.

Comparing them with the translations in Russian we can define borders and facets of translation, as well as appreciate the translator's gift, advantages and eventual inadequacies. The article can be widely used as an important component during the classes of religious translation.

Key words: Gospel; grace; favorable; favor; transformation; adequacy; versions (ways) of translation; translation variants; variety of translations; simplifications and omissions; possible versions of translation; biblical word; interpretation and style of the text.

Многие люди, открывая Новый Завет, даже не догадываются, что апостол Лука написал одну книгу в двух частях – и Радостную Весть, и Деяния Апостолов (Santo Evangelho segundo o S. Lucas e Actos dos Apóstolos). В них содержится общий призыв – укрепление в вере, но в вере не слепой, а разумной и осознанной. В конечном счете, речь идет о выборе между верой и неверием, Богом и безбожием, что, конечно, остается делом совести каждого.

О самом авторе мы знаем не так много. Известно, что евангелист Лука был миссионером и спутником апостола Павла. Неслучайно его имя встречается в Павловых письмах или Соборных Посланиях, где он назван «любимым врачом».

Лука следовал за апостолом Павлом в путешествиях, был с ним в Малой Азии и в Риме. По одному преданию, он погиб с учителем, был казнен, как и Павел.

Необходимо отметить, что Лука – первый историк зарождающейся Церкви Христовой. Во время путешествий он вел дневник, в котором Церковь предстает как одна большая и дружная семья, где царят мир и единение. Книги Луки были тогда адресованы в первую очередь христианам – бывшим язычникам вне Палестины. Сейчас они адресована каждому из нас. Радостная Весть у него вдвойне радостна, так как приходит, откуда люди не ждали. У Луки Господь говорит о Спасителе и о необходимости молитвы, раскрывая ее смысл. Будете простить с верой – будет дано по воле Божией.

Радостная Весть радостна сама по себе, но у Луки она еще и веселая, и самая светлая из четырех Евангелий. Таким образом, мы имеем дело с текстом, пусть и переведенным много раз на разные языки, но написанным просвещенным врачом, который, по зову сердца, в сложное время, пошел провозглашать Истину и мир, воспевать любовь к ближнему, при этом ведя дневник.

Итак, обратимся к четвертой главе, в которой Спаситель как Богочеловек, выходит на общественную проповедь, готовится к ней сорокадневным постом в пустыне, проповедует учение о Царстве Божием и исцеляет людей по вере в Него.

Но прежде чем приступить к сопоставительному анализу, следует обозначить основные цели статьи. В связи с небольшим количеством академических часов по переводу текстов религиозного содержания, на занятиях со студентами переводческого факультета необходимо показать: возможность адекватного перевода для лучшего понимания и толкования текста; вариативность перевода, которая зависит от переводчика, времени и страны; необходимость пополнения и ознакомления с новыми реалиями, библеизмами, особенно важными для понимания смысла текста; важность текста оригинала на ИО.

Источниками для сопоставления были выбраны соответствующие Евангелия от Луки на русском языке:

– Синодальный перевод середины IX века (СП);
– Современный перевод В. Н. Кузнецовой (Кузнецова);
– Церковнославянский перевод, используемый на Богослужениях в Русской Православной Церкви (ЦС).

На португальском языке:

– Перевод, выполенный в середине XVII в. Жуаном Феррейра де Алмейда (João Ferreira de Almeida, JFA);
– Перевод, выполненный Католическим Библейским Обществом (Sociedade Bíblica Católica Internacional – SBCI);
– Современный бразильский перевод (Nova Tradução na Linguagem de Hoje – NTLH).

Количество стихов во всех версиях перевода 4-й главы полностью совпадает – их всего 44.

Вернемся к описанию событий. После сорока дней, проведенных в посте, Иисус «взалкал» (СП), «проголодался» (Кузьмина) и «взалка» (ЦС). В португальских текстах, соответственно, «teve fome» и «sentiu fome», что, в общем-то, примерно одно и то же, т. е. «почувствовал голод» – в современном бразильском переводе. Разночтение и отличия появляются во время описания искушений Спасителя. В первом искушении про хлеб – «если Ты Сын Божий то вели камню сделаться хлебом», ответ Иисуса звучит так: не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом Божьим» (СП), «не одним только хлебом

будет жить человек» (Куз.), «яко не о хлебе едином жив будет человек, но всяцы глагол Божий» (ЦС). На португальском языке имеем следующие варианты перевода: «Não só de pão viverá o homem, mas de toda de toda a palavra de Deus» (JFA), «Não só de pão vive o homem» (SBCI), «o ser humano não só vive de pão» (NTLH). Вывод очевиден: как в Синодальном и Церковнославянском, так и в переводе Алмейды есть очень важное упоминание о «слове Божием», в других современных версиях такого упоминания нет. Как тут не вспомнить про замечательное высказывание святителя Иоанна Златоуста о том, что «чтение Писаний есть великое ограждение от греха». «Неведение Писаний есть важная препона спасению, сие неведение породило ереси и всеобщее неустроение», – писал этот великий Святой IV в.

При рассмотрении двух других искушений Христа в пустыне можно отметить шестой стих: «Дам власть над всеми царствами и славу их» (СП), «Царства с мощью и блеском» (Кузьмина), «Тебе дам власть сию и всю славу их» (ЦС), соблазняет Спасителя враг рода человеческого. У португальских переводчиков читаем: «Dar-te-ei a ti todo este poder e a sua glória» (JFA); «Todo poder e a riqueza deste reinos» (SBSI); «Eu lhe darei todo este poder e toda esta riqueza» (NTLH).

Важно обратить внимание на перевод тринадцатого стиха: «И окончив все искушения, дьявол отошёл от него до времени» (СП); «и дьявол, исчерпав все искушения на время Его оставил» (Кузьмина) «и скончав все искушения, Диавол отыде от Него до времени». У португальских переводчиков соответственно: «E acabando o diabo toda a tentação ausentou-se dele por algum tempo» (JFA), «tendo esgotado todas as formas de tentação o demónio afastou-se de Jesus para voltar em tempo oportuno» (SBSI), «quando o Diabo acabou de tentar Jesus de todas as maneiras foi embora por algum tempo». Здесь обращает на себя внимание не только очевидная разница в стилистическом описании происходящего, но и используемая бразильскими переводчиками слово «demónio» в одном из переводов, что на русский язык уместно перевести как «бес», «злой дух», хотя Иисуса искушал все же сам Сатана, которому служат такие духи или падшие ангелы. Тем не менее все переводчики подчеркивают, что Сатана оставил Иисуса до времени следующих искушений или испытаний. Сразу вспоминаются слова великого русского святого XIX в., святителя Феофана Затворника о том, что «дьявол приступает к искушению к Богочеловеку, кто же из людей

бывает от этого свободен?». Во всех этих примерах очевидны лексические отличия, конотационные, смысловые в части развития мысли.

Стихи от 16 до 25 – сосредоточие всего Евангелия. Обратим внимание на стих 19, в котором говорится про «лето Господне благоприятное». В русском языке слова «благо», «благоприятный», «благодатный», «благодать» радуют как слух, так и сознание. *Благодать*, как одно из ключевых понятий христианского богословия, рассматривается как дар для человека от Бога, подаваемый исключительно по милости Господа, без всяких заслуг человека и предназначенный для его спасения и освящения. «Когда Благодать Божия сходит к нам, тогда всё меняется, всё преображается; человек умиляется, молится, ум его задерживается на молитве, он не чувствует усталости, трудности, легко выстаивает бдения, подвизается усердно и то, что до благодати было для него трудно, сейчас кажется ему легким, Бог присутствует в сердце и благодать действует в нем, человек заряжен этим присутствием благодати Божией», – писал святитель Феофан, известный нам и как незаурядный переводчик. «Она мощная энергия, она самое сильное опытное переживание, какое может быть у человека и не существует более высокого опыта, чем опыт благодати Божией и это то, что переживают не только великие святые», – отмечает святитель.

Но что значит это «лето Господне благоприятное»? Ведь это слово хорошо нам знакомо в современном русском языке. Достаточно вспомнить словосочетания «благоприятный климат», «благоприятные условия работы для инвестиций в экономические проекты» и т. д. В знаменитом словаре Владимира Даля словарная статья с производными от слова «благо» занимает несколько страниц! Посмотрим другие переводы на русском языке данного фрагмента: «Настало время милости Божией», – пишет В. Кузнецова. «Проповедать время Господне приятно», – читаем в церковнославянском переводе. В словаре протоиерея Г. Дьяченко находим такое объяснение: «Приятно – достойный приятия, вместимый и вмещающий». Но вмещающий что? Ту самую вышеупомянутую благодать. И это хорошо видно и понятно при чтении португальских переводов у Алмейды: «anunciar a ano aceitável do senhor». Aceitável é o que se pode aceitar – receber o que lhe é dado, receber com agrado, объясняет словарь Lello. Далее в двух других источниках, более современных переводах: «Proclamar um ano da Graça do Senhor» e «anunciar que chegou o tempo em que o Senhor salvará o

seu povo». Последние строки можно перевести на русский примерно так: «Объявить о том, что пришло время, при котором Господь спасет свой народ». Что по этому поводу писал святитель Феофан? Уместно вспомнить: «Господь не возвестить только пришел о лете приятном, но и принес его. Где же оно? В душах верующих. Земля никогда не будет превращена в рай, пока будет существовать настоящий порядок вещей, но она есть и будет поприщем приготовления к райской жизни. Начатки ее полагаются в душе. Возможность сему – в благодати Божией, благодать же принес Господь наш Иисус Христос, принес, следовательно, для душ лето приятно. Кто слушает Господа и исполняет все заповеданное Им, то слушает благодать и силою ее наслаждается в себе летом приятным. Это верно совершается во всех искренне верующих и действующих по вере. При этом внешнего покоя может не быть никакого, а один внутренний, но неотъемлем от Христа. Впрочем, всегда бывает так, что коль скоро водворится внутренний покой, внешние беспокойства не имею тяготы и горькости. Стало быть, и с этой стороны есть лето приятно, только с наружной стороны оно кажется холодною зимою».

Следует отметить, что слово «благоприятный» употребляется в Писаниях около 90 раз. Наверное, чтобы помочь преодолеть читателю или слушателю все сомнения. Но ведь и Христу верили далеко не все. Вспомним Его знаменитые слова про «пророка в своем отечестве». Проанализируем и мы 24 стих: у В. Кузнецовой вариант перевода такой: “ Нет пророка, которого признали бы на родине». В ЦС не сразу понятный на слух «яко некоторый пророк приятен, есть в Отечестве своем». А вот варианты перевода на португальском языке: «Em verdade vos digo que nenhum profeta é bem recebido na sua pátria» (JFA), «garanto-vos nenhum profeta é bem recebido na sua pátria» (SBCI), «eu afirmo a vocês que isso é verdade – nenhum profeta é bem recebido na sua própria terra». В последних двух примерах Господь, «говоря истину», и «дает гарантии и утверждает» это явление. Да, назаретяне дивились слову Христа, а всё же не веровали: помешала зависть, – пишет святитель Феофан, предупреждая нас против опасности эгоизма и зависти, что может «точить сердце».

Кто избавит нас от этого злого чувства? Конечно, Христос, который готов и может исцелить наши болезни. Он, несмотря на то, что с ним желают разделаться, (ст. 29, 30), идет в Капернаум, где исцеляет, а не

только учит (говорит) со властью (com a autoridade). Изгоняет в синагоге бесноватого «одержимого духом нечистого беса» (Куз.), а затем и в доме Симона тещу, одержимую сильной горячкой, «огнем велим» или «сильным жаром» (Куз.) – “com muita febre, com febre alta». И вот уже исцеленная от горячки Петрова теща (ст. 39) «встала и накрыла на стол» (Куз.), «встала и служила им» (СП). Или же: «levantando-se logo, serviu –os» (FA), «começou a cudar deles» (SBCI). Но Христос исцеляет не только ее, так как «слух о Нем разнесся по всем окрестным местам» (ст. 37), «разошелся по всем окрестностям» (Куз.). «A sua fama divulgou-se por todos os lugares, em redor daquela comarca» (FA), e «as notícias a respeito de Jesus se espelharam por toda aquela região» (SBCI) e «a fama por todo os lugares da redondeza» (NTLH). Интересно сравнить перевод русского слова «окрестности». Итак, здесь употребляются лексемы «comarca, lugares de redondeza e toda aquela região». Комарка – это единица страны по юрисдикции судебных органов или единица административного деления. Следовательно в современных переводах масштабы проповеди Спасителя получаются значительно больше. Кстати, уже далее, в этой главе начинает сбываться то, о чем говорил Иисус в синагоге. Именно Он будет исцелять сокрушенных сердцем («curar os quebrantados de coração»), «отпускать измученных на свободу» или «освобождать угнетенных» (Куз.). «Libertar os que estão sendo oprimidos» (NTLH). Однако в современных переводах упоминания об исцелении нет. Тем не менее в ст. 40 читаем: «При захождении же солнца все имевшие больных различными болезнями приводили их к Нему, и Он, возлагая на каждого из них руки, исцелял их». «Curava os enfermos», – как написано в португальских версиях. Выходили также и бесы из многих с криком и говорили: «Ты Христе Сын Божий» – «Você é o Filho de Deus». И уже днем, народ искал Его и просил не уходить. Почему? Может быть, потому что многим стало очевидным действие **благодати** и «приближение Царства Божия, о котором должен был благовествовать Христос Бог другим городам ибо на то Он и послан».

Итак, проанализировав основные события, описанные евангелистом Лукой в четвертой главе, можно сделать следующие выводы:

1. Серьезных разночтений выявлено не было, кроме некоторых опущений, о которых было упомянуто выше.

2. Современный перевод носит в большей степени описательный характер, упрощен, доступен для понимания, хотя стилистически не

всегда оправдан. Например, в современном переводе NTLH книжники и фарисей, саддукеи названы «líderes religiosos» – «религиозными лидерами».

3. Подобный сопоставительный анализ может служить для пополнения лексического запаса студентов, обоснования и использования различных переводческих трансформаций, наконец для общего и правильного понимания и толкования библейских текстов, т. е. Слова Божьего, которое, согласно уже приведенным выше словам Спасителя, может, наряду с хлебом, дать нам жизнь, вечную жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. 174 с.

Гарбовский Н. К. Теория перевода. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 5 т. СПб. : Диамант, 1998.

Евангелист Лука. Радостная Весть, Деяния Апостолов. 3-е изд. М. : Общедоступный Православный Университет, Фонд Александра Меня, 2000. 190 с.

Николаюк Н. Г. Библейское слово в нашей речи : словарь-справочник. СПб. : Библиополис, 2009. 380 с.

Новый Завет. 3-е изд. Московский Свято Данилов монастырь при участии ЩЩЩ «Эмпреза», 2006. 1151 с.

Протоиерей Г. Дьяченко. Полный Церковно-Славянский Словарь (с внесеніемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выраженій) Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. 1120 с.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика // Очерки лингвистической теории перевода. М. : Р. Валент, 2004. 237 с.

Святое Евангелие. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. М., 2017. 658 с.

Тематическая Библия с комментариями. Минск : Библейская Лига в Республике Беларусь, 1996. 265 с.

Феофан Затворник. Мысли на каждый день года, Правило Веры. М., 2004. 395 с.

Bíblia Sagrada. Traduzida em português por João Ferreira de Almeida / edição revista e corrigida. Sociedades Bíblicas Unidas, 1974. 296 p.

Bíblia Sagrada. Edição pastoral. São Paulo : Edições “Paulus”, 1993. 1727 p.

Bíblia Sagrada. Nova Tradução na Linguagem de Hoje. São Paulo : Edições “Paulinas”, 2000. 1464 p.

Mário Sgarbossa, Luigi Giovannini. Um Santo para Cada Dia. 4ª edição “Paulus”. Tradução Oforme José Ribeiro, 1996. 421 p.

Manuel Rodrigues Lapa. Estilística da Língua Portuguesa. 10ª edição revista. Coimbra editora, 1979. 302 p.

Dicionário Prático Ilustrado / edição actualizada e aumentada por José Lello e Edgar Lello. Porto : Lello e Irmão editores, 1981. 2023 p.

УДК 811.1

Т. В. Осипова

старший преподаватель каф. перевода французского языка
переводческого факультета МГЛУ; e-mail: mglu@inbox.ru

ЕЩЕ РАЗ О ПЕРЕДАЧЕ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

В данной статье анализируется вопрос о необходимости для переводчика передавать не только референциальные, но и прагматические и экстралингвистические значения в переводе. В этой связи ему необходимо учитывать денотативную и коннотативную составляющую при передаче информации реципиенту. При этом следует учитывать, что иноязычный получатель обладает иным запасом «фоновых знаний», нежели переводчик. Для этого последний прибегает к прагматической адаптации перевода, используя различные методы для достижения адекватного перевода литературного произведения: экспликацию, импликацию, роль подтекста, комментарии и другие методики.

Ключевые слова: референциальные значения; прагматический аспект перевода; экспликация и импликация; фоновые знания; прагматическая адаптация перевода; культурологическая составляющая.

T. V. Osipova

Senior Lecturer, Department of French Translation and Interpreting,
Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: mglu@inbox.ru

ONCE MORE ABOUT PRAGMATIC MEANINGS IN LITERATURE TEXTS TRANSLATION

This article analyzes the need for a translator to render pragmatic and extralinguistic meanings as well as referential ones. Therefore, he or she needs to consider the denotative and connotative component when rendering the information to the recipient. It should also be taken into account that the foreign-language recipient's background knowledge is different from that of the translator. With this in mind, the latter resorts to a pragmatic adaptation of the translation and provides an appropriate translation of the literary work by using various methods: explication, implication, undertones, comments and other methods.

Key words: referential meanings; pragmatic aspect of the translation; explication and implication; background knowledge; pragmatic adaptation of the translation; culturological component.

Известно, что основная цель перевода – это передача адекватного значения переводимого текста. Задача переводчика оказать на

получателя информации вполне определенное воздействие, которое в той или иной мере должно регулировать поведение человека. Данное воздействие лингвисты называют коммуникативным эффектом, или прагматическим воздействием [Комиссаров 2004].

В этой связи для теории перевода встает вопрос, а все ли типы значений текста-подлинника сохраняются в переводе. Другими словами, должен ли переводчик ограничиваться только передачей референциальных значений, или же необходимо также отражать значения прагматические и экстралингвистические?

Известно, что любое речевое произведение предполагает наличие трех компонентов: тему сообщения, ситуацию, в которой происходит коммуникативный процесс, и участников этого процесса, которые должны обладать определенным запасом знаний. Передача неязыковых составляющих – одно из обязательных условий достижения адекватности в переводе. Совершенно очевидно, что объем неязыковых знаний и фактов неодинаков у разных народов, поэтому переводчику нельзя надеяться на то, что описываемый объект или явление будет доступен носителю переводящего языка. Вот почему переводчику необходимо иметь в запасе все необходимые знания и явления, встречающиеся в оригинальных текстах, предназначенных для перевода, чтобы донести содержание исходного текста до реципиента. В лингвистике такой подход называется ***прагматическим аспектом перевода***. В этой связи будет необходимо дать определение прагматики.

Прагматика – это раздел семиотики, изучающей соотношение знаков и их использования в конкретной речевой ситуации.

По мнению В. Н. Комиссарова, языковой знак также обладает прагматикой, т. е. определенным отношением к пользующимся языком и может производить на людей различное впечатление: положительное, отрицательное или нейтральное. (Сравнить две последующие фразы: «У входа в мечеть сидел *старец* и неподвижно *взирал* на Луну». Или: «У входа в мечеть сидел *старик* и *все время смотрел* на Луну».) Языковой знак может осуществлять некое воздействие или вызывать определенную реакцию. Подобная реакция обусловлена тремя моментами: содержанием высказывания: расставание с любимым человеком вызовет у вас одну реакцию, а потеря кошелька с премией – другую. Кроме того, одно и то же сообщение может быть выражено по-разному. Говорящий выбирает разные лексические средства в зависимости от своего

намерения. Ср. «Великий вождь почил в бозе». Или: «Великий вождь сыграл в ящик». И, наконец, прагматическое воздействие напрямую зависит от личности получателя. Болезнь близкого человека вызовет одну реакцию у родственников и оставит равнодушными случайных знакомых. Таким образом, высказывание обладает прагматическим потенциалом, который может по-разному осуществляться в той или иной коммуникационной ситуации.

Помимо учета денотативной и коннотативной составляющей (К. Чуковский «Что, трепещешь, красавица?» или: «Что трясешься рыжая девка?») при переводе необходимо учитывать отношения между языковым выражением и участниками коммуникации, т. е. отправителем и получателем информации. Здесь, наряду с сопоставлением двух различных языковых систем, идет сопоставление разных культур, психологических факторов, менталитета. А это значит, что при переводе необходима прагматическая адаптация.

При составлении своего сообщения отправитель всегда стоит перед выбором, который выражается в противостоянии двух тенденций – экспликации и импликации. Другими словами, необходимо определить, какая информация будет выражена графическими, словесными средствами, а какая будет только подразумеваться.

При этом объем информации может варьироваться при использовании следующих средств (приемов):

1. Путем добавлений к исходному сообщению:

La transaction avec Nestlé – сделка с ***компанией*** «Нестле».

2. Опущением группы слов, являющихся парными синонимами:

«Toute cette foule ***se pressait***, ***se bousculait*** à la porte de Tartarin» – «Весь этот народ ***толпился*** у дверей Тартарена (*Доде*).

Или:

«***Je demande*** pardon aux petits enfants d'avoir dedié ce livre à une grande personne». – «***Прошу*** детей простить меня за то, что я посвятил эту книгу взрослым» (*С. Экзюпери*) – опущение личного местоимения, так как окончание глагола уже указывает на первое лицо.

3. Заменой фразеологических оборотов. В публицистических и художественных текстах они более нейтральны, учитывая различные стилистические ресурсы в разных языках.

«Après tout, chacun a son tallon d'Achille» (*букв.* У каждого есть своя ахиллесова пята). – «В конце концов, у каждого есть свое слабое место».

4. Экспликацией

Выражение «целоваться под омелой» «(s'embrasser sous le gui») мало что скажет русскому читателю. Омела – вечнозеленый кустарник с желто-зелеными цветами, паразит, была священным и даже ритуальным растением для древних галлов. Во французской культуре оно всегда имело положительную коннотацию. Венки из омелы французы и сегодня вешают над входом в жилище, когда приходит Новый год. Следовательно, вышеуказанное выражение означает «праздновать Новый год под венком из омелы» (au gui L'An neuf). Для переводчика чтобы понимать, выделять и толковать подобные текстовые функции, необходим культурологический анализ их смысловой структуры.

Таким образом, переводчику для донесения необходимой информации и желаемого воздействия на реципиента приходится воспроизводить прагматический потенциал, либо видоизменять его. Соотношение между прагматикой оригинала и перевода может быть различно. При этом переводчик не должен опираться только на собственный опыт и свое отношение к исходному тексту. Безусловно, эквивалентный перевод нередко обеспечивает и реализацию прагматического аспекта. Однако принадлежность реципиента к иному языковому коллективу и иной культуре может привести к недопониманию. В таком случае необходимо прибегать к прагматической адаптации текста перевода, внося необходимые изменения.

Ориентируясь на «усредненного» получателя информации, переводчик рассчитывает, что последний обладает определенным объемом ***фоновых знаний***.

Считаем, что следует более подробно остановиться на этом вопросе. Многие социологи и лингвисты часто относят фоновые знания к так называемой массовой культуре. Их значение вполне очевидно: любое художественное произведение разворачивается в условиях определенной материальной и духовной культуры конкретного общества. Поэтому учет фоновых знаний является обязательным компонентом для достижения адекватного перевода. Причем самое важное состоит в том, насколько те или иные элементы массовой культуры известны данной национальной общности. Другими словами, являются ли эти элементы национальными или интернациональными?

Если же фоновые знания имеют интернациональный характер, т. е. наблюдается общность как в языке оригинала, так и в языке перевода, предварительное или дополнительное пояснение становится излишним. Так библейское выражение «Суета сует» полностью соответствует французскому высказыванию «La vanité des vanités», тщетность предпринимаемых решений. Подобные фоновые знания, представляющие собой оценку какого-либо факта или события, являются общепонятными. *Le jugement de Salomon* – Саломоново решение, *les tables de la loi* – скрижали закона, *la victoire à la Phyrrus* – пиррова победа и др.

Говоря о национальных фоновых знаниях, можно привести строку из известного стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино»: «Ребята, не Москва ль за нами?». Эта побудительная фраза имела вполне определенное прагматическое содержание: дальше отступать некуда! В русском сознании сразу возникает представление о битве России против войск Наполеона в 1812 г., победа в которой явилась первым этапом поражения великого французского полководца. Кстати, французы (и это зафиксировано в официальных словарях, например в *Ларусс* и *Робер*) называют по-своему это сражение – не «Бородино», «a la bataille de Moscou» – «Битва под Москвой». В этой связи интересен и другой пример, относящийся к этим же историческим событиям. Французы, гораздо чаще, чем русские упоминают в литературе и публицистике слово «Березина». Березина – это река в Белоруссии, приток Днепра. Сражение на Березине знаменует ожесточенную битву, в которой Наполеон потерял 3 тыс. солдат. Но при всей безысходности, это все-таки не было полным уничтожением французской армии. Тем не менее для французов слово «Березина» получило переносное значение как *полное поражение* или *катастрофа.* Пример:

> «Les trimarins, voiliers de 60 pieds, ont connu ***une vraie Berezina***: sur les 18 au départ, seuls 3 se sont retrouvés à la ligne d'arrivée".
>
> «В этом году французские тримараны, парусники длиной 60 футов, *потерпели полный провал*: из 18 только 3-м экипажам удалось дойти до финиша» (*букв.:* потерпели настоящую Березину).

Думается, в этом контексте было бы уместно также привести пример лингвиста [Щетинкина 1987, с. 59]. Совсем нетрудно перевести на французский или на любой другой язык фразу: *Сниму комнату*

в Болдино. На осень. Ее значение вполне прозрачно: имеется некто, кто хочет снять комнату в населенном пункте Болдино и прожить там один сезон года. Можно предположить, что подобная информация будет вполне адекватно воспринята иностранцем. Для русского она имеет более глубинный характер. Тот факт, что данный материал помещен в «Литературной газете» на 16 странице с рубрикой «Рога и копыта» говорит о том, что объявление является сатирическим и принадлежит несчастному писателю, на которого никак не снизойдет вдохновение. И таким образом он решил поймать птицу удачи в Болдино, где около двухсот лет назад знаменитый поэт Пушкин А.С. переживает творческий кризис – «Болдинскую осень». Получается, что подтекст в данном случае оказывается гораздо богаче, чем содержание, выраженное при помощи слов. Этот подтекст, знакомый каждому русскому человеку, имеющему среднее образование, предвосхищает сатирическое объяснение, без которого ситуация и так понятна.

То же самое относится и к выражению: *Revenons à nos moutons* «Вернемся к нашим баранам» (Ревенон-за-но-мутон – часто произносится по-французски). Здесь абсолютно теряется фон, соответствующий французскому высказыванию, а потому полностью теряется смысл фразы. Легко убедиться, что в данных случаях эквивалентность достигается благодаря широким экстралингвистическим знаниям переводчика. Данное выражение пошло из французского фарса XV в., разыгрываемого на ярмарках и площадях «Пьер Патлен», где суконщик подал иск против пастуха, который стащил у него овец. Однако их перепалка все время уходит в сторону, « чрезмерно отвлекаться от основной темы».

Способы передачи подобного рода информации могут быть совершенно разными: введение дополнительной информации, подстрочные заметки и другие комментарии. Независимо от формы все они направлены на одну цель: раскрыть аллюзию, без которой понимание переводимого текста было бы невозможным. Таким образом, добиваясь прагматического воздействия на получателя, переводчик должен задействовать весь арсенал прагматических средств, а в некоторых случаях даже видоизменяя его. Однако невозможно полагаться только на свой собственный опыт. Ведь надо принимать во внимание, что реципиент принадлежит к другому языковому обществу, к другой языковой культуре, и нельзя рассчитывать только на «усредненного»

получателя. Здесь и появляется необходимость эксплицировать подразумеваемую информацию. Особенно часто это приходится делать, когда речь идет о географических названиях и именах собственных.

Например, в географическом названии *la Haute-Savoie* – Верхняя Савойя, нужно добавить слово «департамент», если мы говорим о Швейцарии и нам встречается географическое название *Bo – Vaud*, – надо добавлять «кантон Во» (административное подразделение).

Или такой пример:

> «C'était un jour de la mi-juillet, la veille de la fête nationale» (*Duhamel*). – «Это был какой-то день в середине июля, накануне национального праздника». В этом случае переводчик должен сделать пометку, что речь идет о 14 июле – Дне взятия Бастилии. Это национальный Праздник Франции, который берет свое начало со времени Великой Французской революции 1789 года.

К фоновым знаниям также относится и некоторая информация, касающаяся предметов окружающей действительности, которые выступают в качестве символа – береза для русских, кленовый лист для канадцев. В таких случаях денотативная информация сливается с аллюзивной, и оба предмета предстают как символы родины.

Итак, мы видим, что в связи с различным видением мира иноязычных получателей информации, переводчик прибегает к прагматической адаптации текстов. Ведь в процессе перевода происходит сопоставление различных культур, а оригинальные тексты адресованы к носителю языка оригинала и рассчитаны исключительно на его восприятие. По словам А. Д. Швейцера, переводчик «стремится найти не просто смысловые эквиваленты, т. е. единицы, обозначающие те же явления действительности, а те функциональные соответствия, которые способны вызвать у иноязычного получателя реакцию, сходную с той, которую данное сообщение вызывает у тех, кто читает или слышит его в подлиннике» [Швейцер 1973, с. 242]. И именно в необходимости осуществлять подобного рода адаптации и заключается культурологический аспект прагматики перевода.

В свою очередь культурологический аспект прагматики высказывания может оказывать различное воздействие на иноязычных реципиентов, обладающих различными фоновыми знаниями при одной и той же исходной информации. Из этого вытекает, что культурологический

аспект прагматики заключается в преобразовании оригинального текста, и цель этого преобразования – оказание необходимого регулятивного воздействия на иноязычного получателя.

Кроме того, не следует забывать о функциональных и семантических компонентах прагматики. Функциональный аспект означает, что высказывания, имеющие различные функции, могут оказывать одинаковое регулятивное воздействие на человека (пример В. Н. Комиссарова: «Где можно взять эту книгу? Ответ: «Она находится на второй полке справа» / «Возьмите эту книгу на второй полке справа»). Оба ответа побуждают реципиента к одному и тому же действию, причем первое носит коммуникативный характер, а второе – регулятивное воздействие.

Семантический аспект прагматики – это способность высказывания оказывать воздействие на реципиента с помощью определенным образом представленного содержания, т. е. одной и той же коммуникативной цели можно добиться различными лингвистическими (стилистическими и др.) средствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багдасарян М. А. Преподавание аналитического чтения – форма реализации диалога культур в условиях многоязычия // Вызовы XXI века поликультурный и многоязычный мир : Междунар. конф. МГЛУ. М., 2009. С. 22–24.

Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М. : Международные отношения, 1975. 237 с.

Гусаров Д. А. От прагматики высказывания к прагматике перевода // Армия и общество. 2008. № 4. Лингвистические вопросы перевода. С. 102–108.

Колшанский В. Г. Коммуникативная функция и структура языка. М. : Наука, 1984. 176 с.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС, 2004. 424 с.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М. : Воениздат, 1973. 280 с.

Щетинкин В. Е. Пособие по переводу с французского языка на русский. М. : Просвещение, 1987. 160 с.

УДК 821.512.162

З. И. Рустамова

доктор филологических наук, профессор Бакинского славянского университета, Азербайджанская Республика, Баку;
e-mail: zenrust@yandex.ru

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПОЭМЫ М. Ф. АХУНДЗАДЕ «НА СМЕРТЬ ПУШКИНА»

Автор статьи пишет об истории создания азербайджанским просветителем и писателем Мирзой Фатали Ахундзаде поэмы «На смерть Пушкина»; прослеживает историю переводов поэмы и их публикаций, приводит примеры из переводов разных авторов, обращает внимание на характерные особенности переводов.

Ключевые слова: азербайджанский; перевод; поэма; поэт; просветитель; Сабухи; Пушкин; Ахундзаде; подстрочник.

Z. I. Rustamova

Doctor of Philology (Dr.habil), Professor,
Baku Slavic University, Baku, The Republic of Azerbaijan;
e-mail: zenrust@yandex.ru

THE HISTORY OF TRANSLATING M. F. AKHUNDZADE'S "EASTERN POEM ON THE DEATH OF PUSHKIN" INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

The article contains the history of creation of "Eastern Poem on The Death of Pushkin" by the Azerbaijani educator and writer Mirza Fatali Akhundzade; it also makes the history of the poem translations and their publications clearly visible, it provides examples from the authors' different translations, it draws attention to typical translation features.

Key words: Azerbaijani; Translation; Poem; Poet; Educator; Sabukhi; Pushkin; Akhudzade; Metaphrase.

Мирза Фатали Ахундзаде (1812–1878), творивший под псевдонимом «Сабухи» (человек утра, человек зари), остался в истории азербайджанской культуры как почитаемый на всем Востоке просветитель, писатель и философ. Он оставил потомкам поэтические, прозаические, публицистические, философские произведения, многие из которых сам переводил на русский язык.

Русский язык Фатали начал изучать в юности. Традиционно для своего времени и по настоянию дяди, который был воспитателем

Фатали, юноша должен был получить религиозное образование. Дядя привозит его в Гянджу и отдает на обучение одному из образованных служителей культа. И здесь гисмет / судьба сводит его с известным поэтом-вольнодумцем, Мирзой Шафи Вазехом (1794–1852), у которого будущий писатель брал уроки каллиграфии [Ахундов].

Это был тот самый Мирза Шафи Вазех, чьи стихи немецкий поэт Фридрих Боденштедт в 1850 г. издаст в своей книге «Тысяча и один день на Востоке», а позже станет выдавать за свои.

Это был тот самый Вазех, который оставил нам прекрасные строки:

Когда тебе хотел я свить венок,
Искал цветы и отыскать не мог.
Теперь, когда уж нет тебя со мною,
Цветут цветы, моих касаясь ног [Вазех 1986, с. 158].

Мирза Шафи почувствовал недюжинный ум своего ученика и в частных беседах старался пробудить в нем интерес к светским наукам.

Старания учителя не пропали даром: Фатали принимает решение поступить в русскую школу в Нухе (1833). Через год он переезжает в Тифлис, где получает должность переводчика с восточных языков при наместнике Кавказа бароне Розене. С честью исполняя возложенные на него обязанности, Мирза Фатали дослужился до чина полковника [Ахундов 1987, с. 5].

Целью своей жизни и творчества Ахундзаде поставил по мере сил просвещать свой народ, направлять его к новому дню, свету, новой заре – отсюда и его псевдоним «Сабухи», человек зари.

Круг общения и сотрудничества Ахундзаде в Тифлисе был довольно широк: азербайджанские писатели А. Бакыханов, основоположник азербайджанской историографии, друг и единомышленник А. Грибоедова, И. Куткашенский – поэт-просветитель, К. Закир, один из основоположников критического реализма в азербайджанской литературе; грузинские писатели Г. Эристави, А. Чавчавадзе; ссыльные писатели-декабристы А. Бестужев-Марлинский, А. Одоевский; участник польского восстания Ф. Заблоцкий (Тадеуш Ладо); и будущие востоковеды Адольф Берже, Николай Ханыков и другие деятели русской и западноевропейской науки и культуры [Ахундов 1987, с. 5]. На формирование и развитие мировоззрения Ахундзаде оказали влияние как тифлисское просвещенное общество и государственная служба,

так и его педагогическая деятельность в Тифлисском училище. Окружение Ахундова на протяжении долгих лет поддерживало его интерес к мировой и русской философии, истории и культуре.

Весть о смерти Александра Сергеевича Пушкина долетела до Тифлиса к марту 1837 г. Мирза Фатали, потрясенный этим известием, создает «Восточную поэму на смерть Пушкина» [Ахундов 1987, с. 278–279]. Ему было тогда 25 лет.

По мнению азербайджанских исследователей, «Восточная поэма на смерть Пушкина» – это первое произведение на Востоке, посвященное русской литературе [Караев, Касимзаде 1991, с. 216].

Поэма была написана на персидском языке, ее поэтическая форма характеризуется отчетливо выраженным восточным романтическим духом, сравнениями, метафорами и эпитетами, присущими восточной классической поэзии, яркостью и причудливостью орнаментации стиха. Художественная сила и ценность поэмы М. Ф. Ахундзаде заключены прежде всего в новизне и действенности ее материала, глубине чувства, эмоциональности содержания. И первым переводчиком ее на русский язык стал сам автор. Вот как звучит начало поэмы:

Не предавая очей сну, сидел я в ночи и говорил сердцу: О родник жемчуга тайны!
Что случилась, что соловей цветника твоего отстал от песен?

Что случилось, что попугай красноречия твоего замолк?
Что случилось, что путь витийства твоего загражден?

Что случилось, что гонец мечты твоей остановился?
Взгляни, наступила весна, все растения будто девы величаются красотою и прелестью...

И сердце отвечало:

Разве ты, не ведающий мира, разве не слышал о Пушкине, главе собора поэтов?
О том Пушкине, которому стократно гремела хвала со всех концов, когда он игриво изливал свои мечтания.

О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять белизну свою, чтобы только перо его проводило черты по лицу её.
В мечтах его, как в движениях павлина, являлись тысячи дивных цветов литературы [Восточная поэма].

Свой перевод Ахундзаде показал сослуживцу по канцелярии главноуправляющему в Грузии Ивану Ивановичу Клементьеву. Перевод Клементьеву понравился настолько, что тот, возможно сделав некоторую стилистическую правку, послал его в редакцию журнала «Московский наблюдатель», сопроводив кратким письмом [Попов 1954, с. 85].

Поэма была сразу же напечатана в журнале с заметкой, в которой редакция приветствовала произведение как дань уважения не только Пушкину, но и русской культуре в целом [Рафили 1936, с. 246]. В небольшом примечании к поэме говорилось: «Вполне разделяя чувства г. Клементьева и благодаря его искренне за доставление нам прекрасного цветка, брошенного рукою персидского поэта на могилу Пушкина, – мы от души желаем успеха замечательному таланту, тем более, что видим в нем такое сочувствие к образованности русской» [цит. по: Ахундов 1987, с. 279].

Несколько месяцев спустя барон Розен предложил декабристу А. А. Бестужеву (Марлинскому) сделать поэтический (по некоторым версиям, подстрочный) перевод произведения. Поэт постарался как можно точнее передать своеобразие языковой и стилистической манеры автора поэмы:

Не предавая очей сну, сидел я в темную ночь и говорил своему сердцу:
О, родник жемчужин тайны! Отчего забыл песни соловей
цветника твоего?

Отчего замолк попугай твоего красноречия?
Отчего сталось, что запал путь твоей поэзии?

Отчего сталось, что гонец мечтаний твоих остановился?
Взгляни кругом – наступила весна, и все растения красуются юною
прелестью, словно девы!

И сердце отвечало:

Разве ты, чуждый миру, не слыхал о Пушкине, о главе собора
поэтов?
О том Пушкине, которому стократно гремела хвала со всех
концов света за его игриво текущие песнопения!
О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять свою
белизну, лишь бы его перо рисовало черты на лице ее!
В мечтаниях его, как в движении павлина, являлись тысячи
радужных отливов словесности [Вост. поэма… в пер. Бестужева].

Этот перевод оказался последним произведением Бестужева, убитого вскоре у мыса Адлер.

Впоследствии перевод был опубликован в газете «Кавказ» (1871, 22 ноября 1874, № 137); в 1874 г. по инициативе известного русского востоковедаАдольфа Берже – в журнале «Русская старина» [Розенфельд 1949, с. 83]. Перевод неоднократно публиковался в дореволюционной русской периодической печати. Особенно широкое распространение он получил в годы Советской власти.

В 1880 г., когда в Москве состоялось открытие памятника Пушкину, «Петербургский листок» (№ 99, 25 мая) поместил на своих страницах поэму Ахундзаде в переводе российского журналиста, драматурга и романиста, одного из издателей газеты А. А. Соколова (1840–1913). Перевод был сделан белым стихом и считается первым стихотворным переводом поэмы на русский язык [Шариф 1979, с. 224].

В 1889 г., в связи со столетием со дня рождения А. С. Пушкина, газета «Кавказ» повторно напечатала поэму в переводе А. А. Бестужева. В примечании к публикации говорилось: «Когда до нашего края долетела роковая весть о трагической кончине гениального русского поэта, Фат-Али в звучных стихах излил свою скорбь» [Цит. по: Курбанов 1959, с. 121].

Перевод был также напечатан в одном из «Иллюстрированных прибавлений» к газете «Тифлисский листок» (1899, № 120, 26 мая) и в «Пушкиниане» (Киев, 1903, вып. 2, с. 10–12) известного русского и украинского литературоведа, фольклориста и библиографа В. В. Каллаша.

В 1938 г. в журнале «Литературный Азербайджан» (№ 2, с. 40–41) и газете «Бакинский рабочий» (24 октября, № 247) был опубликован новый стихотворный перевод русского советского поэта и переводчика Павла Григорьевича Антокольского. Этот перевод вошел в «Антологию азербайджанской поэзии» (1939).

П. Антокольский не остановился на первом варианте своего перевода, он, не раз возвращаясь к нему, перерабатывал его снова и снова; окончательный вариант этого перевода вошел в книгу «Обманутые звёзды. Избранные произведения М. Ф. Ахундова», изданную в 1963 г. в Москве в издательстве «Художественная литература».

В 1982 г. в Баку (изд-во «Язычы») вышло отдельное издание поэмы в переводе П. Антокольского. Во всех последующих изданиях

художественных произведений М. Ф. Ахундзаде на русском языке (1950, 1956, 1963, 1973 и 1987 гг. и др.) публиковался именно этот перевод Павла Антокольского, который остается актуальным и сегодня, потому что поэту удалось не только передать своеобразную авторскую метафорику, но и сохранить весьма сложную структуру оригинала: поэма написана в форме касыды (касыда – жанр восточной одический поэзии, длинное моноритмическое стихотворение), состоит из пятидесяти бейтов (двустиший, в которых рифмуются первые две строки, а дальше – через строку); во всех рифмующихся строчках насчитывается по четырнадцать слогов.

Я сердцу говорил, глаз не сомкнув в ночи:
– Хранитель тайников, свой жемчуг расточи!

Зачем твой соловей умолк в саду весеннем,
Не разглагольствуют, как прежде, турачи.

Не прогремит поток речений превосходных?
Встань, скороход-мечта, в далекий путь умчи!

Смотри, пришла весна. В полях и на ложбинах
Цветы, как девушки, под солнцем горячи [Ахундов 1987, с. 191].

И сердце отвечало:

Ты помнишь Пушкина, забывчивый! Ты слышал,
Что Пушкин всех певцов, всех мастеров глава

Ты помнишь Пушкина, о чьих могучих строфах
Из края в край неслась стоустая молва.

Ты помнишь Пушкина, как жаждала бумага,
Чтоб он чертил на ней крылатые слова! [Ахундов 1987, с. 192–193].

Через созданные поэтические образы и сравнения Ахундзаде выражает свое отношение к творчеству Пушкина и восхищается им. Хорошо зная историю русской литературы, автор поэмы выстраивает своеобразную поэтическую иерархию от Ломоносова до Пушкина, характеризуя заслуги и определяя место выдающихся писателей допушкинской поры в развитии русской литературы. Не противопоставляя Пушкина его предшественникам, Ахундзаде видит в нем их преемника, продолжающего и завершающего начатое ими дело обновления

русской литературы. Вот как звучит эта часть поэмы в переводе Бестужева:

Ломоносов красотами гения украсил обитель поэзии –
мечта Пушкина водворилась в ней.

Державин завоевал Державу поэзии,
но властелином ее Пушкин был избран свыше.

Карамзин наполнил чашу вином знания –
Пушкин выпил вино этой полной чаши.

Распространилась слава его гения по Европе,
как могущество Николая от Китая до Татарии.

Светлотою ума был он любимцем Севера так,
как взор молодой луны драгоценен Востоку
[Вост. поэма… в пер. Бестужева]

Этот же отрывок в переводе П. Антокольского получает звуковое и ритмическое преображение:

Чертог поэзии украсил Ломоносов,
Но только Пушкин в нем господствует один.

Страну волшебных слов завоевал Державин,
Но только Пушкин в ней державный властелин.

Он смело осушал тот драгоценный кубок,
Что наполнял вином познанья Карамзин.

Пусть Николай царит от Волги до Китая,
Но покорил весь мир лишь Пушкин-исполин.

Как дорог лунный серп для жителей Востока,
Так дорог лик его для северных равнин [Ахундов 1987, с. 193].

В заключительной части поэмы передается не только людская горечь от потери великого таланта, но и показывается истинная причина безвременной гибели русского поэта, вслед за М. Лермонтовым открыто определяется как убийство:

Вся русская земля рыдает в скорбной муке, –
Он лютым палачом безжалостно убит.

Он правдой не спасен – заветным талисманом –
От кривды колдовской, от козней и обид.

Он в дальний путь ушел и всех друзей покинул.
Будь милосерд к нему, Аллах! Он крепко спит.

Пусть вечно плачущий фонтан Бахчисарая
Благоуханьем слез две розы окропит.

Пусть в бейтах Сабухи Кавказ сереброкудрый
Справляет траур свой, о Пушкине скорбит! [Ахундов 1987, с. 194].

Восточную поэму с русского языка на азербайджанский язык перевели поэты Беюкага Гасымзаде (1916–1957) и Мааріф Солтан (1856). С оригинала с фарси на азербайджанский язык поэму перевел (1937) известный азербайджанский поэт-романтик Микаил Мушфиг (1908–1939).

Как отмечают многие критики, Микаил Мушфиг «сохранил стиль и слог поэмы, передал думы и чаяния М. Ф. Ахундова, при этом мастерски использовал звуковое и смысловое богатство родного языка» [цит. по: Шарифова 1987, с. 119].

Поэма была переведена на украинский (И. Гончаренко), грузинский (Иосиф Гришашвили / Ашот Граши), татарский (Заки Нури), казахский (К. Мурзалиев), а также белорусский, узбекский, латышский, якутский и др. языки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахундов М. Ф. Избранные произведения. Баку : Азернешр, 1987. 294 с.

Вазех М. Ш. Избранная лирика. Баку : Язычы, 1986. 240 с.

Ахундов М. Ф. Восточная поэма на смерть Пушкина [Электронный ресурс] / пер. с перс. М. Ф. Ахундов. Режим доступа : ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D0%BC%D0%B0_%D0%BD%D0%B0_%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D1%8C_%D0%9F%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0_(%D0%90%D1%85%D1%83%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D0%B2)

Караев Я., Касимзаде Ф. Азербайджанская литература // История всемирной литературы : в 9 т. Т. VII. М. : Наука, 1991. С. 215–221.

Курбанов Ш. Пушкин и Азербайджан. Баку : Азербайджанское изд-во детской и юношеской лит-ры, 1959. 249 с.

Попов А. В. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь : Ставропольское книжное изд-во, 1954. 219 с.

Рафили М. Пушкин и Мирза-Фатали Ахундов // Пушкинский временник. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1936. С. 240–256.

Розенфельд А. З. А. С. Пушкин в персидских переводах // Вестник ЛГУ. Л., 1949. № 6. С. 81–101.

Шариф А. А. Из истории публикаций поэмы М.-Ф. Ахундова «На смерть Пушкина» // Пушкин в странах зарубежного Востока. М. : Наука, 1979. С. 215–229.

Шарифова Диляра. Рукою вдохновенного поэта // Литературный Азербайджан. Баку : Изд-во Союза советских писателей Азербайджана, 1987. № 8 (август). С. 116–120.

УДК 81.25

Д. М. Тешабаева

доктор филологических наук, профессор,
заведующая каф. интенсивного обучения второго иностранного языка
факультета международной журналистики Узбекского государственного
университета мировых языков

ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С УЧЕТОМ НОРМАТИВНОГО АСПЕКТА КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

В статье рассматривается такая актуальная проблема, как учет нормативного аспекта культуры речи при переводе художественной литературы. Автор рассматривает перевод художественной литературы в аспекте языковой культуры. Язык перевода должен функционально отразить культуру языка оригинала, так как соблюдение литературной нормы создает у читателя верное представление о языке произведения.

Ключевые слова: художественный перевод; культура речи; литературная норма; лексика; язык оригинала; компоненты словосочетания; проблемы интерпретации; искусство; языковые средства.

D. M. Techabaeva

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor,
Head of the Department of Intensive Studies
of the Second Foreign Language, Faculty of International Journalism,
the Uzbek State University of World Languages

TRANSLATION OF FICTION WITH REGARD TO THE NORMATIVE ASPECT OF SPEECH CULTURE

The article deals with such an actual problem as the consideration of the normative aspect of the speech culture in the translation of fiction. The author considers the translation of fiction in the aspect of language culture. The language of translation should functionally reflect the culture of the original language, as compliance with the literary norm creates the reader's real conception of the used language.

Key words: fictional translation; speech culture; literary norm; vocabulary; original language; components of the word combination; interpretation problems; art; language means.

Чтобы плохие произведения стали
лучше, их нужно талантливо перевести
на другой язык

Владимир Голобородько

Перевод есть творческое освоение художественной красоты другого языка в интересах собственного народа, демонстрация силы и мощи нового языка, превращение произведения в событие искусства языка перевода.

Каждый язык имеет свои неповторимые особенности на всех уровнях языковой системы. Выявление характерных особенностей языков имеет большое значение для теории и практики перевода, так как определение закономерных соответствий и расхождений между языковыми системами дает возможность установить закономерности перевода с одного языка на другой.

Самое важное для переводчика – это диалог между двумя культурами. Поскольку переводчик в ходе своей деятельности постоянно сталкивается с особенностями разных культур, он должен иметь точное представление о различиях и особенностях этих культур и уметь максимально передавать информацию, полученную из одной культуры, обладателям другой культуры.

Цель перевода заключается в воссоздании иноязычного текста на основе материала родного языка. Для этого переводчик в первую очередь должен уметь полноценно понимать оригинал, а затем повторно воспроизвести его на своем родном языке.

На наш вгляд, наиболее серьезной проблемой в переводе художественной литературы является соблюдение норм литературного языка.

В данной статье мы хотели бы коснуться таких вопросов, как нарушения норм языка перевода, передача оригинала на уровне культуры речи.

Г. Саломов в книге «Язык и перевод», написанной в основном в лингвистическом направлении, с важными проблем теории перевода ставит вопрос о том, что правильный перевод различных устойчивых комплексов (пословиц, поговорок, идиом, игры слов и других образных выражений) приобретает очень важное значение для полноценной передачи авторского стиля и национального колорита, а также особенностей языка персонажей [Саломов 1966, с. 42].

Решение переводческих проблем интерпретации требует от переводчика глубоких языковых знаний, а также полноценной филологотеоретической подготовленности. Профессиональный переводчик знает не только иностранный, но и родной язык, он не только обладает словарным запасом, но также способен рационально и эффективно

использовать его, передавая на должном уровне на языке перевода любой текст.

Культура речи представляет собой совокупность и систему коммуникативных качеств речи, то есть тех качеств, которые способствуют незатрудненному и целесообразному использованию языка для общения людей друг с другом.

Культура речи – это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач [Культура русской речи 1999, с. 13].

Культура речи, обладая силой эстетического воздействия, играет важную роль в деле совершенствования научного и художественного мышления человека, так как требует искусного, последовательного изложения мысли в соответствии с правилами логики и нормами литературного языка, умения творчески и уместно использовать образные средства языка, лаконичности и простоты [Мусаев 1982, с. 41].

Культура речи в первую очередь требует соблюдения литературной нормы общенародного языка, которая охватывает все уровни языковой системы, т. е. задачей культуры речи является изучение языковых норм на всех уровнях языка: «Языковая норма определяется как совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации является специфическим признаком литературного языка национального периода» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 678].

Нормативное употребление слова предполагает обязательное применение его в привычной форме и узуальном значении. Отклонение от этих принципов при их использовании рассматривается как нарушение культуры речи, речевой эстетики, ведущее к разрыву логической связи между высказываемой мыслью и планом ее выражения.

Языковая норма должна сохранять варианты и не должна устранять функциональные и стилистические различия. Важным для языковой нормы являются устойчивость и стабильность, обеспечивающие равновесие системы языка на протяжении длительного времени, литературная традиция и авторитет источников (при этом следует

помнить об авторской индивидуальности, способной нарушить нормы, что является оправданным).

Язык художественного перевода должен функционально отразить культуру языка оригинала, так как лишь четкое отражение культуры речи автора и его персонажей в переводе создает у читателя верное представление о языке произведения и дополняет его суждение об идейно-художественной ценности произведения.

Культура языка перевода, как и вообще культура языка, в первую очередь, требует правильного использования норм языка, так как в своей основе они неразрывно связаны с логичностью.

Предъявляемые к языку оригинала требования должны полностью относиться и к языку перевода, ибо художественный перевод приобретает творческий характер, особенно в отношении языка: единство содержания и формы оригинала воссоздается с помощью лексико-фразеологических и грамматических средств языка перевода. Творческое применение языкового материала, точное и уместное использование грамматических, лексических, стилистических и других средств позволяет переводчику передать идейно-художественное содержание оригинала.

Важное значение в практике перевода имеет усвоение общих и специфических свойств языка оригинала и языка перевода, что позволяет переводчику определить наиболее часто функционирующие в этих языках соответствующие формы, избежать механического переноса явлений одного языка в другой, т. е. нарушений норм языка перевода, добиться передачи оригинала на уровне культуры речи.

В центре образно-изобразительной системы любого языка находится слово. Оно является основной семантической клеточкой языка, основным средством выражения понятий в языке. Как основной элемент языковой системы, слова призваны участвовать в полноте передачи понятий, обеспечивая при этом их точность в любой сфере коммуникативного акта.

Переводчик должен стремиться к тому, чтобы каждая фраза его перевода подчинялась логике и эстетике языка, чтобы у читателя создалось впечатление, что подлинник написан на его родном языке.

Мы часто говорим о переводах на узбекский язык с других языков и не обращаем внимания на качество наших произведений, переведенных на другие языки. На самом деле эти недостатки в переводах

узбекской литературы на иностранные языки более значительны, чем переводы на узбекский. Художественный стиль работы зависит от использования автором слова. И переводчик должен учитывать эту особенность.

Правильный перевод различных устойчивых комплексов (синонимов, образных выражений) приобретает очень важное значение для полноценной передачи авторского стиля и национального колорита, а также особенностей языка персонажей.

Часто причиной ошибок, ведущих к нарушению культуры языка перевода, является незнание границ, возможности употребления тех или иных слов.

Иногда переводчик не может определить значение узбекских слов. И допускает лексическую ошибку. Например:

> Эй Юсуф қолган умримни сенга ва сенинг мехрингга бағишладим. – Oh, Yusuf I'll devote the rest of my life to you and to your love.

В данном примере слово «милосердие» переводчик передает как любовь, в результате чего изменяется смысл. Вместо слова *любовь* нужно было использовать выражение *kindness, or mercy*.

Стилистические ошибки:

> Бу ҳолда думалаб йиғлашдан фойда йўқ. – It is not useful to cry in this condition.

Поскольку в выражении *думалаб йиғлаб* слово *думалаб* не переведено, в результате чего оно потеряло свое значение. И в переводе отмечается лишь то, что *плакать бесполезно*.

Особый интерес для теории перевода представляют слова, которые в каждом национальном языке, обозначая понятия, характерные для определенного народа, отражая его жизнь, социальную среду и историческую эпоху его развития, носят ярко выраженный национальный характер.

> Юсуфни топиб олган карвонлар ***туяларни*** қистаб йўл юришиб ниҳоят Миср давлатига етиб келишибди. – The caravan, which had found Yusuf, making the ***elephants*** walk, finally arrived in the Egypt state.

В данном случае переводчик допустил смысловую ошибку, перевел слово *туяларни* (верблюдов) как *филларини* (слонов). Караван

состоит не из слонов, а из верблюдов. В оригинале также им отмечается, что караван составляют верблюды.

Переводчику необходимо учитывать сочетаемость каждого слова, традиции его употребления в присущем контексте, ибо произвольная замена одного из компонентов словосочетания синонимом или семантически близким словом, вопреки узуальной сочетаемости, в большинстве случаев приводит к искажению содержания, неадекватному звучанию перевода, нарушению норм культуры речи.

Например, в узбекском языке *сон* не разъясняется (тушунтириб бериш), как сказано в переводе следующего примера, а разгадывается (таъбири айтиб берилади):

> Так вот, мой сон – что это такое? – Қани, менинг тушимни тушунтириб беринг?

Фразеологические единицы в системе художественного произведения служат для коммуникативной и эмоционально-экспрессивной передаче его идеи, только уместное и искусное их использование в соответствии с авторской мыслью и культурой речи может надежно обеспечить точную и отвечающую нормам языка перевода передачу значений и стилистических функций, предусмотренных автором для данных единиц, ибо культура речи предполагает рассмотрение речевых норм с целью предостережения от использования языковых средств, лежащих за пределами литературного языка. Наблюдения показывают, что незнание особенностей фразеологических единиц переводимого языка приводит к неправильному толкованию их смысла:

> Афандининг ***қозони сувга ташланган***, у уйда, хозир қўй гўштлик ***қайнатма шўрва*** бўлса эди, деб хомхаёл қилиб ўтирар эди. – Nasreddin, ***hungry and tired***, lay down in the garden summer house and imaged a hot ***rich pilaw***.

В примере выражение *қозони сувга ташланган* переводчиком передается как *голодный* и *уставший*, при этом фразема утратила своё значение, потому что у нее также обнаруживается значение безысходности. В данном примере можно наблюдать ошибку в переводе реалий: ***қайнатма шўрва*** – *вареный суп* переведен как *плов – hot* ***rich pilaw***.

Неудачный выбор языковых средств из языка перевода для передачи устойчивых единиц оригинала, отражающих предметную ситуацию, отличающуюся от таковой в языке перевода составом лексико-

семантических компонентов, не может обеспечить функциональной адекватности. Например: *I have been having trouble since I met you. If I have not met you I would have sheep, goat and camel* в оригинале звучит *Сен йўлиқмаганингда ҳов анов пулга тўқли олган бўлардим, ҳалигача тўқлим – қўй, қўйим – бия биям, туям бўларди, – деб мени койиди.* Представленные в переводе понятия не соответствуют их оригиналу, при этом выражение *...тўқлим – қўй, қўйим – бия биям, туям...* в переводе передаётся как *sheep, goat and camel – қўй, эчки, ва туя*.

Практика перевода свидетельствует о том, что в большинстве случаев переводчики не придают должного значения соблюдению всевозможных норм языка перевода, в результате языковые единицы, соответствующие литературным нормам общенародного языка в оригинале, в переводе оказываются ненормативными, тогда как «язык подлинника в строго определенной мере соответствует общеязыковой норме, поэтому и язык перевода должен быть приведен к такому же соответствию с общелингвистической нормой. Норма – это совокупность требований, предъявляемых к качеству перевода.

Таким образом, задача создания полноценных переводов связана с борьбой за чистоту, за высокую культуру языка перевода. В первую очередь это относится к необходимости естественного, на уровне оригинала, *звучания* всех лексико-фразеологических и стилистических средств, используемых в переводе, а также правильного, согласно требованию литературной нормы языка перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арефьева С. А, Арефьева О. В. Культура речи как показатель речевого развития личности. Альманах современной науки и образования. 2013. № 11 (78). С. 15–17.

Виноградов В. С. О специфике художественного перевода и его теории // Филологические науки. 1978. № 5. С. 51–57.

Культура русской речи : учебник для вузов / под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. М. : Издательская группа НОРМА–ИНФРА. М., 1999. 560 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Мусаев К. Культура языка перевода. Тошкент: Фан, 1982. 190 с.

Саломов Ғ. Тил ва таржима. Тошкент : Фан, 1966. 292 б.

Саломов Ғ. Таржима назарияси асослари. Тошкент : Ўқитувчи, 1983. 232 б.

УДК 298.9

Э. Ж. Каниметов

кандидат философских наук, и.о. профессора,
проректор по науке Кыргызского государственного университета
имени И. Арабаева; e-mail: kanimetov@mail.ru

КИРГИЗСКИЕ НЕОРЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФЕНОМЕН ЭТНОКУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются неорелигиозные аспекты духовных исканий в современном киргизском обществе. Отличительной чертой киргизского неорелигиозного движения является ее происхождение от традиционных духовных направлений этнокультуры. Новые религиозно-эзотерические течения в киргизской культуре представляют собой яркие образцы обновления (модернизма) духовно-религиозного сознания. Появившись в середине 1990-х гг. XX столетия, современные киргизские эзотерические, религиозно-мистические направления заявили о себе не только как о новом религиозно-духовном проекте. В нарративах представителей этих направлений их конструкт претендует на статус нового духовного видения – мировоззрения, синкретизируя религии, политику, магию, мифологию, культурные проекции. Эти тенденции создавалась как движение-ответ изменениям в общественной жизни в постсоветском пространстве, которые в статье, в наиболее обобщенном виде, понимаются как антропологическое движение, как восстановление «гомо сапиенс». Именно в таком контексте появление этнокультурных направлений новых религиозных течений в Кыргызской Республике возможно оценить как реакция на изменение смыслового содержания общих духовных ценностей, механизмов их локализации и реализации, что уже ведет к утрате традиционных культурных и нравственных опор этнической культуры. В статье на основе анализа большого количества источников (публикаций представителей таких направлений, основных сочинений, интервью носителей эзотерических течений, материалов Интернета) рассматриваются общие черты и особенности киргизских эзотерических, религиозно-мистических направлений. В ходе исследования определены следующие концепты: противостояние адептов официального ислама и представителей новых религиозно-эзотерических и этнокультурных движений происходит в обстановке усиления социальной неустойчивости, усугублявшейся экономическими политическими кризисами. Расцвет псевдорелигиозных направлений, арабско-ваххабскую версию ислама не решили проблему киргизской духовной культуры и не создали механизмов духовного производства, не спасли от «обскурации» этнической культуры. Для новых религий киргизской этнокультуры

при всем их разнообразии характерен ряд общих черт, совокупность которых отличает их от других религиозных направлений. Они в высшей степени синкретичны и эклектичны. То, что они называют себя «аянчылар» т. е. трансцендентальными проводниками Высших миров, вовсе не означает, что они возникли из ничего. Догматика и культовая практика новых религиозно-эзотерических течений базируются на киргизской духовно-культурной традиции, от которой они заимствовали самые разнообразные элементы. В отличие от европейских и российских языческих объединений, в киргизских религиозно-эзотерических группах не выстраиваются социально-политические проекции, основываясь на таких идиомах, как цвет кожи, родословная (расовая, национальная принадлежность). Также нет аксиомизации только этнического пантеона исторически фиксируемых героев, нет попыток создания проекций альтернативной истории, в то же время наблюдается попытки встраивания альтернативного видения невидимого живого мира духовной истории, где смешаны все – пространство и время, пророки, герои, прошлое и нынешнее.

Ключевые слова: киргизские неорелигиозные явления; этнокультура; эзотерика; духовные традиции этнокультуры; религиозная ситуация; новые религии; постмодернизм; номад; параллель.

E. G. Kanimetov

PhD, Professor, Vice-rector of science,
The Kyrgyz State University named after I. Arabaev;
e-mail: kanimetov@mail.ru

KYRGYZ NEORELIGIOUS MOVEMENTS AS A PHENOMENON OF ETHNOCULTURE

The distinctive feature of the Kyrgyz non-religious movement is its origin from non-traditional spiritual trends of ethno culture. New non-religious trends in Kyrgyz society are vivid examples of religious modernism, definitely representing a renewed stream of religious consciousness.

Appearing in the mid-1990s, XX century, modern Kyrgyz esoteric, religious and mystical trends declared themselves not only as a new religious and spiritual project. In the narratives of representatives of these areas, their construct claims to be the status of a new spiritual vision – worldview, syncretizing religions, politics, magic, mythology, cultural projections. These trends were created as a movement-response to challenges, changes in public life in the post-Soviet space, which in the article, in its most generalized form, is understood as an anthropological movement, as the restoration of "homo sapiens". It is in this context that the emergence of ethno-cultural trends of new religious movements in the Kyrgyz Republic can be assessed as a reaction to changes in the semantic content of common spiritual values, mechanisms for their localization and implementation, which already leads to the loss of traditional cultural and moral pillars of ethnic culture. The article examines some general features and peculiarities of Kyrgyz esoteric, religious and mystical directions based on the analysis of a wide range of sources (publications of representatives of such areas, major essays,

interviews with esoteric trends, Internet materials). The study identified the following concepts: the opposition of adherents of official Islam and representatives of new religious-esoteric and ethno cultural movements takes place in an environment of increasing social instability, aggravated by economic political crises. The rapid flourishing of pseudo-religious tendencies, the Arab-Wahhab version of Islam did not solve the problem of Kyrgyz spiritual culture and did not create mechanisms of spiritual production, did not save ethnic culture from "obscuration". With all their diversity, a number of common features are characteristic of the new religions of the Kyrgyz ethnic culture, the totality of which distinguishes them from other religious trends. They are highly syncretic and eclectic. The fact that they call themselves "ayanchylar" ie transcendental guides of the higher worlds does not mean at all that they arose from nothing. The dogmatic and cult practice of new religious and esoteric movements are based on the Kyrgyz spiritual and cultural tradition, from which they borrowed the most diverse elements. In contrast to European and Russian linguistic Associations in the Kyrgyz esoteric religious groups, sociopolitical projections do not line up, based on such idioms as skin color, pedigree (racial, national affiliation).

Also, there is no axiomization of only ethnic pantheon of historically fixed heroes, there are no attempts to create projections of alternative history, at the same time there are attempts to embed an alternative vision of the invisible living world of spiritual history, where everything is mixed – space and time, prophets, heroes, the past and the present.

Key words: modern Kyrgyz non-religious phenomena; ethno culture; esoteric; spiritual traditions of ethno culture; religious situation; new religions; postmodernism; nomad; parallel.

После начала периода «перестроечных» реформ (с 1990 г.) постсоветский мир пережил настоящее возрождение религиозной активности. Большая часть населения обратилась к институционально и законодательно оформленным религиям, а также к так называемым не признанным синкретическим религиям и народным верованиям. Начиная с указанного периода, помимо возникновения новых религий, в киргизском обществе нарастало интерес к различным эзотерическим учениям. Уже к 2000-м гг. этнокультурные вариации эзотеризма, новых религиозных учений нашли себя в киргизской литературе, искусстве, вышли в СМИ.

Несмотря на то, что с момента своего возникновения новая нетрадиционная религиозность киргизов стала объектом пристального внимания со стороны деятелей и активистов официально признанных религий, до сих пор еще не сложилась четкая оценка культурной деятельности представителей новых религиозно-эзотерических движений. Практически отсутствуют исследования, предметом которых

является анализ влияния новых религиозных движений и эзотеризма на состояние этнокультурной идентичности.

В настоящее время представители новых религиозных и эзотерических объединений ведут активную мистико-эзотерическую практику, основанную на духовных традициях этнокультуры, создают и регистрируют организации, открывают кружки, проводят сборы, семинары, предлагают этносоциальные и культурные программы, издают и распространяют свою литературу [Кудай созу улуу Манас Ата илиминде 2013], используют возможности Интернета и СМИ.

Новая религиозность явилась своеобразной реакцией не только на кризис советского общества, хотя, на наш взгляд, у кризиса как результата попытки построить общество, базирующегося на отрицании основ Модерна, при параллельном стремлении добиться завершения модернизации западного типа, есть другая сторона, еще более важная: кризис Новоевропейского механико-математического понимания Вселенной. Следовательно, постсоветское общество есть общество постсовременности в том смысле, что оно возвращается к традициям, отсеченным в результате победы современности в конце XVIII в. В таком аспекте изменение в общественной жизни постсоветского пространства, в наиболее обобщенном виде понимается как антропологическое движение, как восстановление «гомо сапиенс». Именно в таком контексте появление этнокультурных направлений новых религиозных течений в Кыргызской Республике возможно оценить как реакцию на изменение смыслового содержания общих духовных ценностей, механизмов их локализации и реализации, что уже ведет к утрате традиционных культурных и нравственных опор этнической культуры. Эта ситуация усугубляется процессами экономической и культурной глобализации, размывающими традиционные устои жизни и основы этнической культурной идентичности.

В постсоветский период интерес к религии, религиозному сознанию, мистике, эзотерике как феномену духовной жизни сопровождался с открытиями доступа к различным ее формам, возможностей беспрепятственно изучать религиозные, эзотерические тексты, сравнивать суть различных вероучений, искать собственные ответы на вечные вопросы о будущем человечества в рамках этнической культуры. Всё это, несомненно, расширяло границы поиска и привело к расслоению в духовной жизни киргизского общества. Такие изменения

не могли не отразиться на религиозном сознании и не вызывать сомнений в истинности прежних и новообразованных представлений, в том числе ныне официально действующего в Киргизской Республике варианта исламской религии и других религиозных сект.

Новое либеральное законодательство также создавало благоприятную среду для деятельности разнообразных религиозных организаций, привлекло в республику миссионеров со всего мира. В Конституции Киргизской Республики закреплены либеральные основы организации общества: «Каждому гарантируется свобода совести, вероисповедания, религиозной или атеистической деятельности ... Религия и все культы отделены от государства». В 1996 г. Президент страны подписал Указ о мерах по реализации прав граждан на свободу совести и вероисповеданий. В данное время именно в соответствии с этим Указом и Законом о религии от 1991 г. осуществляется вся деятельность религиозных организаций на территории Киргизской Республики.

Уже в 1995–1998 гг. число официально зарегистрированных иностранных миссионеров составляло около девятисот, однако куда большее количество работали в республике нелегально. Деятельность многих сектантов была запрещена в других государствах (церковь Муна, «Белое братство» и другие тоталитарные секты). Некоторые из них были зарегистрированы как светские учреждения. Большинство подобных религиозных образований до сих пор обладают мощной финансовой поддержкой зарубежных центров, наличием которой не могут похвастаться представители местных новых религий. Традиционный киргизский ислам также подвергся массированной атаке со стороны исламских проповедников, опиравшихся на мощную финансовую поддержку извне (в основном из арабских стран и Турции).

Позиции Православной Церкви в Кыргызстане были ослаблены массовым оттоком из республики славянского населения. В 1992–1994 гг., в пике миграционного настроя, ежегодно выезжало 100–110 тыс. человек.

В апреле 1993 г. был зарегистрирован казыят мусульман КР, а через 5 месяцев, 17 сентября 1993 г., было образовано Духовное управление мусульман Кыргызстана (ДУМК). С первого дня данная организация / муфтият возглавляется киргизскими выпускниками арабских и пакистанских исламских религиозных образовательных учреждений. После

организации ДУМК в Кыргызстане началось строительство новых мечетей, создание исламских медресе, религиозных школ, религиозно замкнутых учебных заведений. В 1995 г. в Бишкеке открылась новая Центральная мечеть. Строительству мечетей по всей республике активную финансовую помощь оказывали зарубежные исламские организации. Например, Всемирная лига мусульман «Рабита» (Саудовская Аравия) спонсировала строительство мечетей «Рахматулла Алла» и «Имам Бухари» в Оше. Если в 1991 г. в КР насчитывалось 39 мечетей, а в 1997 – 160, то по данным официальных органов, на 2017 г. в республике действовали свыше 3500 мечетей. В данный момент строительство мечетей продолжается. Только недавно, 02.09.18, с участием президентов Кыргызстана С. Жээнбекова и Турции Р. Т. Эрдогана в Бишкеке открылась одна из самых больших мечетей в ЦА, построенная турецким фондом «Диянет».

Существование муфтията и работа госкомиссии по делам религии придает исламскому движению в Кыргызстане институциональный характер. Одной из приоритетных задач муфтията является повышение образовательного уровня священнослужителей. Возраст прихожан также претерпел изменения. Прихожане старше 60 лет составляют от 20 до 40 %, в зависимости от области. Зрелое поколение прихожан от 35 до 60 лет насчитывает порядка 30–39 %. Молодежь от 17 до 35 лет – 30–45 %. В мечеть стали ходить подростки и юноши до 17 лет – 10–25 % и дети – 8 %. В целом, молодежи теперь в мечетях больше, чем пожилых прихожан [Сейталиева 2003]. Официальный статус получают религиозные праздники.

Начиная с 1990-х гг. прошлого века, с периода бурной активности религиозных деятелей всех направлений, были заметны деятельность протестантских миссионеров. Они вели и ведут работу среди всех групп населения. Финансируемые из-за рубежа протестантские секты организации наладили массовое производство и распространение собственной литературы на киргизском языке, а также использовали этот язык для ведения проповедей. В результате численность перешедших в протестантизм киргизов, в начале 2000-х гг., превысила 15 тыс. человек. В среде киргизов стали не редкими случаи, когда члены одной семьи исповедуют разные религии. Наибольшую активность проявляют евангельские христиане-баптисты, Свидетели Иеговы; определенное распространение получило и учение Бахаи.

Пик обострения ситуации на религиозной почве между протестантами и мусульманами уже миновала. В начале 2000-х гг. ДУМК часто делало заявления, направленные на передел сфер влияния в республике деятельность протестантских сект, что привело тогда к обострению межконфессиональных отношений.

Однако наибольший общественный резонанс в Киргизской Республике вызывают не столько эти достаточно инертные образования, сколько противостояние официально и законодательно оформленного исламского варианта религии и вне официальных новых религиозно-эзотерических и этнокультурных движений, возникшие или же возобновившие деятельность в стране за постсоветский период.

Новые религии – один из многих дефиниций религиозно-эзотерических течений в киргизском обществе. Некоторые исследователи предлагают название «народные религии», а СМИ иногда называют эти течения «кыргызчылык», исходя из того, что большинство их ведет происхождение от традиционных духовных народных движений, развивающихся вне рамок традиционных религиозных направлений. Следует отметить, что взгляды и мировосприятие представителей киргизских религиозно-эзотерических течений кардинально различаются от взглядов, мировосприятия представителей общественно-политического явления «Тенирчилик» (тенгрианство) в киргизском обществе.

Идеологи и те представители, которые стоят у истоков этого явления, пытаются углубиться в философии, лингвистике и истории феномена «Тенгрианство», популяризировать и легитимизировать ее как самобытную религию / систему мировоззрения древних номадов и киргиз. Например, Чоюн Омуралиев в своих книгах о Тенгрианстве [Омуралиев 1994; Омуралиев 2012] рассматривает тенгрианство как устойчивую систему мировоззрения всех кочевых народов, пытается актуализировать, дать философское обоснование этого явления. Писатель Орозбек Айтымбет в своей монографии «Көкө Тэңир» [Айтымбет 1994, 2006, с. 3] пишет: «Вера в единого небесного бога Көкө Тэңири у номадов, существовала, как минимум, 7–10 тыс. лет назад и стала основой всех мировых религий». Деятельность современных сподвижников киргизского «тенгрианства» Д. Сарыгулова, А. Малиева, К. Тезекбаева отличается нацеленностью на практической легитимизации ценностей и идей «Тенгрианство». Дастан Сарыгулов

известен в республике как политический и общественный деятель, популяризатор идей о тенгрианстве, киргизской культуре и истории. По его мнению, ценности, идеи «Тенгрианство» могут и должны лечь в основу национальной идеологии. А. Малиев, К. Тезекбаев уже в течение долгого времени пытаются регистрировать «Тенгрианство» в государственных органах республики как официально признанной религии. При этом наблюдается публичное противостояние между представителями данного направления и радикальных исламских течений, напрямую связанных с арабскими и пакистанскими религиозными центрами.

В отличие от них, для представителей новых религий киргизской этнокультуры при всем их разнообразии характерен ряд общих черт, совокупность которых отличает их от других религиозных направлений. В целом, их творчество синкретично и эклектично [Бегалиева 2003, т. 1–2]. То, что они называютсебя «аянчылар», т. е. трансцендентальными проводниками Высших Миров, вовсе не означает, что они возникли из ничего. Безусловно, идейные основы этих движений, также включают в себя элементы суфизма, неошаманизма, индуизма, буддизма, христианства, оккультизма и т. д., но почти полностью адаптированных сочетаниях и пропорциях. Ясно, что новизна этих неорелигиозных движений имеет относительный характер, но в наше время процесс их возникновения заметно ускорился по мере ослабления и политизации мировых традиционных религий, совершенствования коммуникаций между различными культурными ареалами. Догматика и культовая практика новых религиозно-эзотерических течений базируются на киргизской духовно-культурной традиции, от которой они заимствовали самые разнообразные элементы. Неорелигиозные движения в киргизской культуре, прежде всего, опираются на феномен «Манас», киргизские духовные традиции, фольклор, язычество культуры номадов. В них наблюдаются как общепланетарные космополитические интенции, духовные устремления, так и этноцентрические установки. В период духовно-идеологического кризиса в 1990-е гг. большой резонанс в киргизском обществе вызвали утверждения, что истинно духовные начала человечества возникли на их родине в землях Ала-Тоо, Сибири и т. д., что на нынешнем историческом этапе киргизский народ призван исполнить особую миссию – «привнесение Добра всему человечеству» [Жашыл китеп 1998].

В отличие от местных представителей и агентов, влияния традиционных школ ислама из Пакистана и арабских стран представители новых киргизских религиозно-эзотерических направлений более трезво оценивают духовную ситуацию в киргизском обществе, пытаются искусно приспособить свое видение, публицистику к меняющейся действительности; активно участвуют в общественной жизни. Иными словами, новые течения представляют собой яркие образцы модернизма религиозно-мистического сознания, определенно представляя обновленческую струю в духовной и культурной жизни этноса. В силу ряда причин процесс такого обновления в Киргизской Республике не развивался в рамках официальных религий, а наблюдается в творчестве представителей новых эзотерических и религиозно-мистических движений.

В целом, деятельность представителей этих движений защищена международными правовыми актами. В таких основополагающих документах, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 18) четко обозначены не только вопросы ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений, но и право человека – менять религию и убеждения. Но в рамках республики новые религиозно-эзотерические и этнокультурные движения не имеют институционального легитимного характера, что отчасти не позволяет им активно участвовать в ритуальной жизни населения.

По различным оценкам, количество открытых адептов таких новых религиозно-эзотерических направлений кажется малочисленными по сравнению адептами ислама. Однако по степени синкретичности, гибкости в обновлении религиозного и духовного сознания этноса они значительно превосходят верующих официальных религиозных направлений. Это дает некоторым исследователям основание характеризовать новые религиозно-эзотерические течения как «самую динамичную духовную силу» современной киргизской культуры, без учета которой нельзя правильно оценить тенденции киргизского общественного и духовного развития.

В истории их возникновения и функционирования можно выделить, по крайней мере, несколько основных периодов.

Первый охватывает постперестроечные годы (1991–1998) Религиозные и эзотерические движения, зародившиеся в этот период преимущественно на базе народных верований и ислама, явились

продуктом эпохи, кризиса, поразившего все стороны общественной жизни. В специфической форме они отразили не только разочарование широких слоев общества в находившихся под контролем властей идеологических политических институтах, но и их стремление преобразовать жизнь на основе новых нравственно-религиозных принципов.

Второй период приходится на 1998–2010 гг. Время форсированного распространения «дикого» капитализма, падения нравственности, отягощенной сохранением некоторых полуфеодальных форм жизни, концентрация капитала и богатства страны в одних руках побуждало значительную часть населения – искать утешения в религии, в попытках самореализации в рамках религиозно-мистической и магическо-эзотерической жизни.

Третий период приходится на современный период после 2010 г. Противостояние адептов официального ислама и представителей новых религиозно-эзотерических и этнокультурных движений происходит в обстановке усиления социальной неустойчивости, усугублявшейся экономическими политическими кризисами, а также дальнейшим ростом разочарования значительной части населения в арабизированной ваххабской версии ислама. Расцвет псевдорелигиозных направлений, навязанной версию ислама со стороны арабских и пакистанских религиозных деятелей не решили проблему киргизской духовной культуры и не спасли от «обскурации» (Л. Гумилев) этнической культуры. Исконно этнические неорелигиозные движения генетически восходят к традиционной культуре и «новизна» их заключается в том, что они функционируют в новом культурном контексте. При этом в процессе адаптации они меняются.

Такие же попытки адаптации заметны и со стороны официальных деятелей ислама. Они уже стараются одеваться с использованием элементов национальной одежды, акцентировать в своей риторике внимание на этнических чувствах, настроениях, нравственности, культуре. Но современный официально признанный вариант ислама в Киргизской Республике противостоит попыткам ассимилировать ислам с местной культурой и реанимировать усеченных, в советский период, традиций киргизского традиционного ислама. Эти традиции, которые являются результатами поглощения этнической культурой метакультуры ислама, сегодня объявлены официальными деятелями

ислама внерелигиозными явлениями – «ширком». В сущности, как известно, исламская метакультура составляется из минимума, которые остаются узнаваемыми, даже когда собственно метакультура ислама или других мировых религий поглощается этническими культурами. Этот «религиозный минимум», к сожалению, не составляет основу современного официального исламского религиозного движения в Киргизской Республике, но он входит в состав духовных элементов новых религиозно-эзотерических и этнокультурных движений. В них можно наблюдать, как в «спрессованном» виде отражаются не только реформации и стремления соотнести инокультурные традиции с собственной, но и то, что обычно определяется как модернизация в узком смысле слова, т. е. проявление религиозно-мистических традиций и структур в новой форме, учитывающей особенности нового этапа цивилизации, приспособленной к все большему пониманию человека как субъекта изменений.

Неорелигиозные движения киргизского общества хотя и имеют схожие этноцентрические черты с язычеством западноевропейских народов, но не замыкаются в рамках расового мира. На Западе, как мы знаем, это прежде всего «Викка» – кельтское язычество, реконструированное британцем Д. Гарднером. Но в целом, в отличие от европейских и российских языческих объединений, в киргизских религиозно-эзотерических группах не выстраиваются социально-политические проекции, основываясь на таких идиомах, как цвет кожи, родословная (расовая, национальная принадлежность). Также нет аксиомизации только этнического пантеона исторически фиксируемых героев, нет попыток создания проекций альтернативной истории, в то же время наблюдается попытки встраивания альтернативного видения невидимого живого мира духовной истории, где смешано всё – пространство и время, пророки, герои, вожди, президенты, прошлое и настоящее [Кудай созу улуу Манас Ата илиминде 2013].

Эти направления, которые ныне являются альтернативой исламской вариации мировосприятия основаны на опыте трансформации религиозного сознания и духовных наследиях предыдущих поколений, в частности исламского периода [Миропиев 1901], когда ислам, точнее, суфизм, сам испытывал влияние шаманизма и многое от него воспринял [Тримингэм 1989], и советского периода, когда этнокультура также продолжала свое развитие, поскольку советская культура

отнюдь не была внутренне однородной и не подверженной процессам дифференциации [Орбиты взаимодействия 1989; Гачев 1989].

В современной духовной жизни киргизского народа эти процессы продолжаются. И эти изменения прежде всего заметны в проявлении или модификации духовного кода (оценки возможностей человека, аксиологической и познавательной систем, структуры личностных отношений, вариантов мировосприятия и т. п.), мистической и мифомагической традиции этнической культуры в соответствии с требованиями тех форм нового религиозного отражения, которые продуцируются современной эпохой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айтымбет О. Көкө Тэңир. Б. : Учкун, 2006. 224 с.

Бегалиева О. Основные Законы Развития Человечества. Бишкек : Бийиктик, 2003. Т. 1–2. 264 с.

Гачев Г. Ч. Айтматов и мировая литература. Ф., 1989. 278 с.

Кудай созу улуу Манас Ата илиминде. Бишкек : Позитив, 2013. 340 с.

Жашыл китеп. Бишкек : Бийиктик, 1998. 210 с.

Миропиев М. А. О положении русских инородцев. СПб. : Синод. Тип., 1901. 515 с.

Омуралиев Ч. Теңирчилик. Коом-Мамлекет. Б. : Кыргыз жер, 2012. 304 с.

Омуралиев Ч. Теңирчилик. Улуттук философиянын уңгусуна чалгын. Б. : Крон, 1994. 288 с.

Орбиты взаимодействия // В соавторстве… М., 1989. С. 76–277.

Сейталиева Г. А. Отдельные показатели роста популярности ислама в Кыргызстане // Материалы международной научной конференции. Б., 2003. 154 с.

Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены. М. : Наука, 1989. 328 с.

УДК 81-22

К. Э. Нагаева

кандидат филологических наук, доцент каф. лингвистики
и профессиональной коммуникации в области политических наук
ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: zlobovsky@mail.ru

ТЕРПЕНИЕ, ТЕРПИМОСТЬ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья представляет интерес для исследований в сфере лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Она посвящена разграничению смежных концептов – «Терпение», «Терпимость», «Толерантность». С этой целью автор использует метод сопоставления концептов. Гипотеза статьи состоит в том, что автор считает данные концепты самостоятельными, некогерентными, а репрезентирующие их ключевые слова, согласно этой гипотезе, не являются синонимами. Все три концепта представляются крайне важными для межкультурной коммуникации, однако в русской лингвокультуре они имеют разное содержание. Опираясь на исследования концептов, проведенные на материале русского языка, автор сопоставляет эти концепты и приходит к выводу о различиях как в их языковой репрезентации и представленности языковых единиц в различных видах дискурса, так и о знаке коннотации, свойственной этим языковым единицам. Сопоставление концептов также проводится по признакам традиционность / несвойственность концептов для русской лингвокультуры и сформированность / незаконченность их формирования.

Так, например, отмечается репрезентация концепта «терпение» фразеологическими единицами русского языка, в то время как два других концепта ими не репрезентированы. Концепты «терпение» и «терпимость» являются исконно русскими, отражающими ментальность русского народа, сформировавшимися под влиянием народного менталитета, православной религии и социально-исторического развития России и проистекающими из христианских ценностей. В то же время они имеют неодобрительный оттенок значения, так как связаны в сознании русских с воздействием неблагоприятных обстоятельств на человека. Напротив, концепт «толерантность» является нехарактерным для русской лингвокультуры, отражающим импортные демократические ценности свободного общества, сформировавшимся на базе заимствованного слова, представляющего собой мотивированную лакуну в русской языковой картине мира. Данный концепт еще только начал формироваться и пока испытывает давление смежного с ним концепта «терпимость», получая при этом негативную оценку, свойственную русскому словоупотреблению. В результате идеологический концепт *толерантность* в русской лингвокультуре замещается идеологическим концептом *терпимость*. Однако разница в семантике ключевых слов-репрезентантов концептов приводит к невозможности их взаимозаменяемости, так как толерантность означает право на инаковость, т. е. равенство позиций субъектов, а терпимость – существование «правильной» точки зрения, «терпящей» другую и «снисходящей» к ней, т. е. изначальное неравенство позиций, в силу чего перевод западной лексемы *tolerance* посредством русского

слова «терпимость» не является адекватным. Автор отмечает представленность нетрадиционного для русской культуры концепта исключительно в политическом, административно-политическом, религиозном, педагогическом видах дискурса и отсутствие его в бытовом дискурсе. Автор делает вывод о том, что для формирования в русской лингвокультуре самостоятельного концепта «толерантность», необходимо найти адекватное место в синонимо-антонимических рядах слову, его репрезентирующему. Так, толерантность не должна быть синонимом уступки или потворства чему-либо неприятному, неправильному и ассоциироваться с реакцией на неблагоприятные обстоятельства. Автор заключает, что формирование самостоятельного русского концепта «толерантность» необходимо для установления гражданского мира.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; терпение; терпимость; толерантность; ментальность; концепт; концептуальное поле; ядро; лакуна; синоним.

K. E. Nagaeva

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics
and Professional Communication in the Field of Political Science, MSLU;
e-mail: zlobovsky@mail.ru

TERPENIE, TERPIMOST', TOLERANTNOST' IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLD VIEW

The article is in the field of linguoculturology and cross-cultural communication. It is devoted to the destinction between such closely-related concepts as "Terpenie", "Terpimost'", "Tolerantnost". To accomplish this the author uses concepts' comparison method. The hypothesis of the article assumes these concepts are independent and not coherent; and the key words representing them are not synonyms. All the three concepts are very important for cross-cultural communication, but they have different meaning.

Relying on researches in the Russian language, the author compares these concepts and draws a conclusion about differences in their language representation and language units' presence in different types of discourse; as well as the difference in the sign of connotation, typical of these language units.

The concepts are also compared according to attributes: traditional / alien in the Russian language culture and finished / unfinished state of their formation. For instance, the concept "Terpenie" is the only one mentioned in Russian phraseological units. The concepts "Terpenie" and "Terpimost" are originally Russian. They reflect Russian mentality and were formed under the influence of orthodoxy and Christian values as well as for some socio-historical reasons. At the same time, they have some disapproving shade of meaning because they are associated with the influence of unfavourable factors on a person. On the contrary, the concept "Tolerantnost" is not typical of the Russian language culture. It reflects democratic values imported from free society and was formed on the basis of a loanword corresponding to motivated lacuna in the Russian linguistic world view. This concept has just begun its formation

and still bears the pressure of the related concept "Terpimost", gaining a negative assessment inherent to the Russian word usage. Consequently, the ideological concept "Tolerantnost" is substituted with ideological concept "Terpimost". However, the semantical difference between the words representing the concepts leads to the impossibility of their interchangeability. Tolerance means the right to be different, that is, the equality of persons' attitude. While terpimost' indicates there is a "right" point of view enduring the other and condescending to it, which means initial inequality of positions. Thus, the translation of European lexeme *tolerance* by means of the Russian word *terpimost'* is not fully correct.

The author also notes the presence of the concept "Tolerantnost", untypical of the Russian culture, only in political, administrative, religious, pedagogical types of discourse and its absence in everyday discourse. The author draws the conclusion that in order to form an independent concept "Tolerantnost" in the Russian language culture it is necessary to find the word representing this concept's appropriate place in its synonyms' and antonyms' rangs. Thus, tolerance should not be a synonym of either concession or connivance, i. e. willingness to allow or be secretly involved in wrongdoing, especially an immoral or illegal act; it also should not be associated with reaction to unfavourable factors. The author concludes that the formation of the Russian independent concept "Tolerantnost" is necessary for the establishment of civil peace.

Key words: cross-cultural communication; mentality; concept; conceptual field; kernel; lacuna; synonym.

Концепты «Терпение», «Терпимость», «Толерантность» представляются крайне важными для межкультурной коммуникации, однако в русской лингвокультуре они имеют разное содержание. Заканчивая книгу «Язык и межкультурная коммуникация», С. Г. Тер-Минасова пишет: «Три «Т» – Терпение, Терпимость, Толерантность – вот формула межкультурной коммуникации» [Тер-Минасова 2000, с. 259]

Терпение (терпимость) и толерантность некогерентны [Ивахненко 2002; Бариловская 2008, с. 8] и не являются синонимами [Михайлова 2003, с. 99–111]: разные исследователи считают их либо частями одного концепта [Сумина 2007; Воропаева 2007], либо разными концептами [Же Ли 2007]. Мы склонны присоединиться ко второй точке зрения и доказать ее состоятельность в данной статье.

Рассмотрим последовательно каждый из них.

Как считает ряд специалистов в области гуманитарных наук, терпение – одна из наиболее специфичных черт русской национальной ментальности. Концепт «Терпение» – один из базовых русских социокультурных концептов: он занимает непоследнее место в современной

русской языковой картине мира, а также окрашен социолингвистической спецификой, характерной для русского понимания терпения [Бариловская 2007, с. 8].

Прототипом, эталоном и основанием концепта «Терпение» в русском языковом сознании является теологическое понимание терпения как одной из фундаментальных христианских добродетелей [Бариловская 2007, с. 197].

Концептуальное поле «терпение» представляет собой взаимосвязанное и взаимообусловленное единство концептов «терпение», «страдание», «смирение», «выдержка», «толерантность» / терпимость». Концепт «терпение» выступает в качестве смыслового ядра данного поля [Долгова 2006, с. 7].

Системообразующим признаком концептуального поля «Терпение» является референциальный признак «реакция на неблагоприятные обстоятельства» [там же, с. 5].

Русские ассоциируют терпение с мужеством и с жертвенностью. Терпение требуется русским, чтобы перенести внешние неблагоприятные обстоятельства [там же].

В сознании русского человека терпение сопряжено со спасением, с одной стороны, и умением – с другой. Исследователи отмечают особую роль терпения в жизни женщин [там же, с. 176].

До конца XVIII в. латинское слово *tolerantia* на русский язык переводилось словом *терпеливость*. Позднее для него стало использоваться слово *терпимость*, подразумевающее элемент снисходительности и отрицательную оценку явления или свойства человека, с которым мирятся по необходимости или из милости.

А. Д. Шмелев рассматривает концепт «Терпимость» с трех точек зрения: как установку на «примирение с действительностью»; как терпимость к чужому мнению; как ассоциативные связи, которые вызывает слово «терпимость» у носителей русского языка [Шмелев 2005, с. 111–112].

Терпимость как духовное качество в русской культуре ассоциируется с жертвенностью [Ивахненко 2003]. Терпимость как нравственная категория возникла в христианской традиции. Терпимость для христианства стоит в одном ряду с такими нравственными категориями, как сочувствие, сострадание, самопожертвование, «милость к падшим» и т. п. [Шамсутдинова 2006, с. 8].

Характерной чертой русского словоупотребления является также наличие частотных лексем, негативно оценивающих терпимость и миролюбие: *бесхребетность*, *беспринципность*, *беконфликтность*. То же самое можно во многом отнести и к слову *компромисс* [Стернин 2005, с. 327].

При переводе лексемы «терпимость» с русского языка на английский обычно используется английская лексема *tolerance*; но проведенное исследование не дает оснований для отождествления концептов «Tolerance» и «Терпимость» [Неровная 2009, с. 18].

Использование понятия «терпимость» для воплощения феномена толерантности является для русской культуры традицией, а использование понятия «толерантность» в данном случае является некоторым подражанием Западу [Сумина 2007, с. 264].

Семантика существительного *терпимость*, сводимая к смирению, покорности, безграничному принятию, оказывает влияние на семантику слова «толерантность», на восприятие этого слова носителями русского языка. В связи с этим в российском понимании феномена толерантности до сих пор отсутствует осознание того, что толерантность не является безграничной, что она предполагает активное отношение [Сумина 2007, с. 265].

Понятия *толерантность* в русской концептосфере до недавнего времени не существовало, и этот концепт только сейчас начинает формироваться в русском сознании – на базе заимствованного слова [Стернин, Шилихина 2001, с. 6].

Слово *толерантность* заполнило в русском языке лакуну. Как известно, лакуны в языке бывают двух типов – мотивированные и немотивированные. Немотивированные лакуны – это отсутствие в языке слова при наличии предмета, явления в жизни народа. Немотивированность лакун относительна – отсутствие слова объясняется как правило коммуникативными причинами: об этом явлении или понятии данный народ мало говорит, в обсуждении соответствующего концепта редко возникает необходимость, поэтому язык «не держит» для данного концепта специального слова, следовательно, лексема *толерантность* заполнила в русском языке мотивированную лакуну [там же].

Причина отсутствия данного концепта в русской концептосфере – специфика социальных условий развития России и специфика ментальных установок русского национального сознания.

Концепт «толерантность» в русском языковом сознании является заимствованным [Неровная 2009, с. 3] или импортным концептом [Растатуева 2008, с. 6]. «Толерантность» является также концептом элитарного страта русской культуры [там же].

Его включение в русскую картину мира осуществлялось способом состыковки. Опорным для концепта «Толерантность» словом в русской лингвокультуре стала лексема *терпимость* [Растатуева 2008, с. 160].

Весьма интересным и неизученным фактом является импортирование концептов одной лингвокультуры в другую. Этот факт обусловлен процессами интеграции, глобализации, своеобразным раскрыванием культур. К одному из таких концептов относится ментальная категория «Толерантность». После распада Советского Союза, в рамках нового, демократического курса развития страны в Россию были импортированы прозападные идеологемы общественного устройства, одной из которых была *толерантность*. Был заимствован концепт «Толерантность» и его обозначение [Растатуева 2008, с. 6].

Существующие давно в нашей культуре понятия *терпимость*, *терпение*, *притерпелость* практически не связаны с понятием *толерантность.* Скорее наоборот, они удаляют нас от толерантного отношения к миру, поскольку *терпимость* как духовное качество в русской культуре ассоциируется с жертвенностью, а *притерпелость* – это наше ощущение предопределенности неблагоприятных условий жизни [Ивахненко 2002].

Концепт *Толерантность* в русской концептосфере испытывает давление сближающихся с ним в русском сознании концептов, имеющих явный или слабо выраженный неодобрительный оценочный знак (*терпимость, беспринципность*, *непринципиальность*) и др. [Стернин, Шилихина 2001, с. 33].

Языковое сознание стремится отождествить толерантность со смежными ментальными категориями, замещает данный концепт стабильным русским концептом «Терпимость». [Растатуева 2008, с. 160] Русские относятся к толерантности / терпимости неоднозначно, отмечая, что иногда она может быть символом слабости [Долгова 2006, с. 6].

Большое значение для развития и формирования этноспецифики российской толерантности имеет наряду с этим дублетность понятий «толерантность» и «терпимость», их взаимозаменяемость. Семантика

существительного *терпимость*, сводимая к смирению, покорности, безграничному принятию, оказывает влияние на семантику слова *толерантность*, на восприятие этого слова носителями русского языка. В связи с этим в российском понимании феномена толерантности до сих пор отсутствует осознание того, что толерантность не является безграничной, что она предполагает активное отношение [Сумина 2007, с. 211].

Вследствие этой дублетности понятий некоторые исследователи [Воропаева 2007, с. 113], отмечают, что в современном русском языке при проявлении толерантности в публицистических текстах наблюдается стремление смириться с течением жизненных обстоятельств. Так, нередко русский человек может показывать умение терпеливо переносить невзгоды жизни [там же, с. 117].

Некоторые исследователи [Сумина 2007, с. 5] считают, что в русской языковой картине мира концепт «Толерантность» отсутствует в изолированном виде и присутствует лишь в составе парного концепта «Толерантность – Терпимость».

Толерантность и *терпимость* имеют существенные отличия в значении. *Терпимость* как нравственная категория возникла в христианской традиции, *толерантность* в большей мере связана со светской и политической жизнью общества. Христианская терпимость родственна гражданской толерантности, однако они по-разному интерпретируют принципы взаимоотношений между людьми. Терпимость для христианства стоит в одном ряду с такими нравственными категориями, как сочувствие, сострадание, самопожертвование, «милость к падшим» и т. п. Толерантность как гражданская позиция не предполагает сильную эмоциональную компоненту, а, скорее, рациональную: толерантный способ существования выгоднее, удобнее, спокойнее, т. е. терпимость – любовь в христианстве, толерантность – уважение как гражданская позиция [Шамсутдинова 2006, с. 150].

Однако сегодня не только лингвисты, но и социологи единодушно полагают, что *толерантность* и *терпимость* – это разные понятия, отражающие разные способы взаимодействия людей в обществе [Шилихина 2004, с. 265].

Терпимость в русском менталитете традиционно оценивается на бытийном уровне в основном неодобрительно, поскольку преимущественно означает *терпение к плохому.* Толерантность же – это

терпение *к другому, иному, не такому, как ты* [Стернин, Шилихина 2001, с. 18].

Окончательного и четкого определения слова «толерантность», которое учитывало бы все стороны почти всецело искусственно (для российских условий) моделируемого и пропагандируемого понятия, в русской лексикографии еще не выработано [Бариловская 2008, с. 160]. Концепт только формируется в русском языковом сознании, не имеет очерченной структуры [Же Ли 2007, с. 104; Стернин, Шилихина 2001, с. 6]. Как справедливо заметил И. А. Стернин, в русском языке также отсутствует концептуальное поле толерантности [Стернин, Шилихина 2001, с. 124].

Слово *толерантность* перевести сложно, так как оно соответствует понятию, мало представленному в нашей культуре. Это не просто терпимость к другому, к чужому, а умение договариваться, искать не только взаимоприемлемые, но и взаимовыгодные решения (А. Костинский) [цит по: Растатуева 2008]. Основные дифференциальные семы, которыми отличаются два синонима, – это «уважение», «согласие», «кооперация», «активность», «равенство» [Растатуева 2008, с. 57].

В России понятие «толерантность» развивается как общегуманитарное и как специализированное. Существительное *толерантность* имеет два основных значения – личностное и физиологическое, став преимущественно медицинским термином [Сумина 2007, с. 206].

В научной картине мира России идея толерантности вербализуется исключительно с помощью слова *толерантность*, тогда как в языковой картине мира для осуществления этой цели используются два существительных – *толерантность и терпимость* [Сумина 2007, с. 211].

Концепт «Толерантность» в русском языковом сознании имеет достаточно яркую политическую составляющую [Неровная 2009, с. 203]. Слово «толерантность» регулярно используется в институциональных дискурсах (административно-политическом, религиозном, педагогическом). В обыденном (бытовом) дискурсе данная лексема практически не употребляется [Растатуева 2008, с. 53]. Политический дискурс является одной из сфер языка, где реализация языковой толерантности наиболее востребована [Кудрявцев 2012].

Деривационное поле номинации концепта представлено единицами *толерантный*, *интолерантный* и *толераст*. Исследователи

отмечают полное отсутствие лексем *толерантность*, *терпимость* в пословично-поговорочных, фразеологических и т. п. выражениях [Сумина 2007, с. 208]. При употреблении паремий и фразеологизмов носители русского языка стремятся показать свое смирение и в самой малой степени – снисхождение по поводу происходящего [Воропаева 2007, с. 117].

При объективации концепта «Толерантность» в русской культуре антонимия играет особую роль: она помогает показать сущность данного концепта. *Толерантность – не уступка или потворство* [Растатуева 2008, с. 99].

Для современного российского мышления в целом установки толерантности ослаблены, российское мышление более привычно к бескомпромиссности, непримиримости, спору, столкновению взглядов и т. д. [Стернин 2005, с. 335].

На данном этапе это слово, кроме того, вызывает неприятие у многих носителей русского языка, особенно у людей среднего и пожилого возраста. Пока «концепт *Толерантность* адекватно воспринимается лишь незначительным слоем образованного населения, большинство же носителей русского языка относится к нему негативно или отождествляет с терпением, необходимым для перенесения боли, тягот и т. д.» [там же, с. 327].

Толерантность как форма поведения и общения в отношениях с другими людьми противостоит агрессивности, конфликтности, безапелляционности, стремлению во что бы то ни стало настоять на своем и подавить собеседника.

С понятием толерантности надо соотнести понятия *вежливость, культурность, терпение, бесконфликтность, сочувствие, миролюбие,* необходимо отграничить его от таких понятий, как *беспринципность, безразличие, попустительство.*

Межгосударственные и межэтнические конфликты, терроризм, различного рода экстремистские и агрессивные проявления враждебности сегодня невозможно преодолеть без смены долго господствующей в культуре, в общественном, групповом и личностном сознании идеи борьбы, войны и врага на идею сотрудничества, мира и партнерства, идею принятия человеком и обществом иного взгляда, иного образа мыследействия, нежели собственное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бариловская А. А. Лексическое выражение концепта «Терпение» в истории и современном состоянии русского языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Бариловская. Красноярск, 2008. 207 с.

Воропаева В. А. Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий и фразеологизмов, выражающих толерантность : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 168 с.

Долгова И. А. Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 205 с.

Же Ли. Семантика концепта «толерантность» и способы его лексической репрезентации в русском языке // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2007. Вып. 1. С. 104–114.

Ивахненко Е. Н. Российская альтернатива «притерпелости» – веротерпимость и толерантность // Век толерантности : науч.-публ. вестник. 2001. № 3–4. С. 108–115.

Кудрявцев А. Г. Сопоставительное изучение языковой толерантности в политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 194 с.

Михайлова О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург : Изд-во урал. ун-та, 2003. С. 99–111.

Неровная Н. А. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов толерантность, терпимость в русском и английском языковом сознании) : автореф. дис. ... на канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 251 с.

Растатуева С. Г. Репрезентация концепта «Толерантность» в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2008. 173 с.

Стернин И. А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : колл. монография. М. : ОЛМА ПРЕСС, 2005. С. 324–337.

Стернин И. А. Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж : ИСТОКИ, 2001. 110 с.

Сумина Е. С. Толерантность: от феномена к лингвокультурному концепту: дис. … к. филол. н. Екатеринбург, 2007. 277 с.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово / Slovo , 2000. 624 с.

Шамсутдинова Е. Ю. Толерантность как коммуникативная категория: лингвистический и лингводидактический аспект : дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 261 с.

Шилихина К. М. Коммуникативная интолерантность в русском общении // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2004. С. 265–273.

Шмелев А. Д. Терпимость в русской языковой картине мира // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 410–424.

УДК 81'1

А. А. Овсянникова

преподаватель украинского языка,
каф. языков и культур стран СНГ и ближнего зарубежья МГЛУ;
e-mail: oassol@mail.ru

ФЕНОМЕН ЭВОКАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается феномен эвокативности в контексте современного театрального дискурса. Эвокативность описывается в двух планах: как свойство и как одна из основных функций современного театрального искусства. Автор анализирует современные функции театра с учетом гетерогенности театральной публики и таких устойчивых характеристик коммуникативной пары «актер – зритель», как дуалистичность, полимодальность, многомерность. Теоретические изыскания сопровождаются полученными в результате анкетирования данными об информативности невербальных выразительных художественных средств.

Ключевые слова: эвокативность; кинесика; гестика; коммуникативный акт; интерпретация; семиология; театральный дискурс; дуалистичность; полимодальность; многомерность.

A. A. Ovsyannikova

Lecturer of the Ukrainian Language,
Department of Languages and Cultures of CIS countries, MSLU;
e-mail: oassol@mail.ru

THE PHENOMENON OF EVOCATIVENESS IN MODERN THEATRE DISCOURSE

The article considers the phenomenon of evocation in the context of modern theatrical discourse. The evocation is described as a quality and, at the same time, as a function of modern theatrical arts. The author analyzes the main functions of the theatre, taking into account the heterogeneity of the theatre audience and such characteristics of the pair "actor–spectator" as duality, polymodality and multidimensionality. The theoretical research is accompanied by the data obtained from the survey in the center of which the informative value of nonverbal expressive artistic means was.

Key words: evocativeness; kinesics; communication; interpretation; semiology; theatrical discourse; duality; polymodality; multidimensionality.

Основные функции театра и кино как видов искусства реализуются в реальном воплощении в различной степени, их объективация зависит от прагматических целей автора, его намерений и социокультурных

параметров целевой аудитории, для которой одной из важнейших была и остается познавательная функция, «провоцирующая» анализировать увиденное и услышанное. Последнее является для нас ключевым, поскольку зритель представляет собой гетерогенную (смешанную) публику, отличающуюся разнообразием как гендерной, так и возрастной, статусной, профессиональной и другими не менее значимыми характеристиками. При этом зритель приходит в театр с целью получить удовольствие, развлечься, просветиться, получить эмоциональную встряску. Также он выступает в роли «соучастника», заинтересованного в установлении диалога с авторами театральной постановки или киноленты (автором литературной основы, режиссером, кинооператором, актером), каждый из которых на своем уровне предлагает собственные интерпретации, кодируя «послания», добиваясь неожиданных эффектов влияния на «собеседника» на визуальном уровне с выходом на уровень подсознания.

В этом свете нам представляется важным упомянуть те функции, которые условно можно причислить к феномену эвокации. Напомним, что термин «эвокативность» латинского происхождения, и согласно латинско-русскому словарю, *evoco* имеет ряд значений. Для нашего исследования релевантны такие из них, как «вызывать, возбуждать; извлекать, вытягивать» [цит по: Беданокова 2016, с. 40]. По мнению российского философа А. А. Ивина, употребление языка может быть информативным (формулировка суждений), экспрессивным (выражение состояний сознания говорящего) и эвокативным (влияние на слушателя) [там же, с. 41]. Эта классификация применима к нашему исследованию, поскольку в театральном и киноискусстве язык (слово) одновременно выполняет все три вышеназванные функции.

Зарубежные исследователи, в том числе американский лингвист З. Харрис, выделяют «воздействующее» значение на адресата эвокативной функции языка посредством сообщения и подчеркивает воздействие самого сообщения на эмоции человека. Согласно классификации ученого, функции языка следующие: «1. дескриптивная, или информативная; 2. контрольная (или организационная), 3. эмоциональная, с разновидностями: – экспрессивная, – эвокативная (связанная с воображением), – раппортная (социальная)» [там же, с. 42].

З. Харрис эвокативную функцию связывает и с воображением, и с экспрессией – понятиями, которые для искусства вообще

и театрального в частности являются одними из фундаментальных, поскольку каждое слово, произнесенное на сцене или в кадре, у зрителя призвано вызывать эмоцию. Кроме того, зрителю нужно «подключать» воображение, чтобы декодировать, расшифровывать режиссерские и актерские «послания».

В этом же ракурсе рассматривает язык и феноменология, называя его «литературно-эстетической проблемой ... эвокации» [там же, с. 43]. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что эвокативность языка – это его способность трансформировать отражаемую действительность в образы, в том числе художественные. При этом, согласно З. К. Беданоковой, когнитивно-семиотический механизм эвокации, основанный на асимметрии самого выражения и его содержания, проявляется в самом процессе кодирования и декодирования языковых знаков в речевой деятельности и коммуникации [цит. по: Беданокова 2016]. Иными словами, на практике эвокативность порождает сложный, полифоничный план содержания текста, что, в свою очередь, воздействует на реципиента и реализует поэтическую (эстетическую) и конативную функции языка.

Согласно теории А. К. Киклевича, «когнитивный подход к знаковым системам позволяет расширить границы лингвистического описания, в частности преодолевает диспаратное исследование сфер языка, речи и речевой деятельности (к последней относится производство и интерпретация текстов)» [Киклевич 2014, с. 106]. Это значит, что в процессе коммуникации каждый из участников перерабатывает информацию семантически, кодирует ее и записывает в памяти как на уровне языковой системы, так и на уровне речи. Таким образом, когда мы интерпретируем художественный текст, мы обращаемся к так называемым прецендентным феноменам – знакам (в том числе словам, высказываниям, текстам), явлениям, предметам (лицам), понятиям, отражающим действительность.

Любой коммуникативный акт (вербальный, невербальный) является выражением установки говорящего на слушающего (смотрящего) и стремлением на него воздействовать, формируя таким образом определенный характер взаимоотношений, в чем и выражается конативная функция и речи, и невербальных способов коммуникации.

Напомним, что основой театрального и киноискусства является драма, т. е. художественный текст, который, согласно Л. Г. Кайды, тоже

создается по законам искусства, что и определяет главенствующую роль эстетической функции [Кайда 2016, с. 92], а это значит, что все компоненты художественной структуры – факты, их расположение, характер и способ описания – важны не сами по себе, а как отражение эстетической программы режиссера, который отобрал материал и осмыслил его в соответствии со своим пониманием.

Л. Г. Кайда в книге «Эстетический императив интермедиального текста. Лингвофилософская концепция композиционной поэтики» говорит о проблеме переключения эстетического кода, являющейся ключевой в синтезе искусств и особенно заметной при творческом чтении, т. е. в процессе интерпретации литературного произведения и переложения его на кино- или театральный язык.

В этом ракурсе важную роль играет концепция телеологической композиции, имеющую прямое отношение к формированию читательского самосознания. Как определяет О. В. Шалыгина в статье «Теология поэтической прозы. А. П. Чехов. А. Белый. Б. Л. Пастернак», телеологическая композиция – это «такое построение художественного произведения, которое своей целью (художественным эффектом) имеет пробуждение в читателе способности к синтезированию по координате времени, проявление активности его сознания в освоении мира и становление самосознания в равноправном диалоге с текстом и автором» [цит по: Кайда 2016, с. 95].

По мнению Л. Г. Кайды, новое теоретическое осмысление композиции по методике декодирования дает возможность использования алгоритмов обратной связи «читатель – автор», а в нашем случае «зритель – режиссер» и «зритель – актер» для целенаправленной деятельности по развитию мышления зрителя, а впечатление, которое производит сценическое или кинодейство, можно рассматривать как следствие.

Феномен эвокативности в современном театральном дискурсе на примере театральных работ Богдана Ступки

Будучи эвокативными системами, театр и кино требуют особой интерпретативной деятельности от режиссеров и актеров как интерпретаторов авторского текста, и в конечном итоге интерпретативной деятельности от зрителя как интерпретатора того, что он видит на сцене или экране.

Каждый режиссер или актер хочет быть правильно понятым, расшифрованным, декодированным, поэтому, по возможности, ими используются разнообразные выразительные средства, в том числе и невербальные, с помощью которых говорящий (актер) показывает слушающему и смотрящему (зрителю), как именно нужно понимать данное «сообщение» – серьезно или в виде шутки, буквально или в переносном смысле и др.

В числе таких невербальных средств можно назвать высоту и громкость голоса, тембр, перепады частот, ритм речи, ее паузирование и т. д. Этот ряд совершенно оправданно можно дополнить жестикуляцией, мимикой, позированием и т. д., всем тем, что входит в понятие «тип поведения», а значит, будучи применимым при создании театрального или кинематографического образа, может быть правильно «декодировано», «дешифровано», «прочитано» и понято зрителем.

В киноведении, в театроведении и в лингвистике давно существуют такие понятия, как «код в театре», «семиотика кино» [Лотман 1973], «семиология театральная» [Пави 1991], «кинематографический код» [Эко] и т. д.

Напомним, что, согласно «Словарю театра» П. Пави, «Театральная семиология – это метод анализа текста и / или представления, вскрывающий их формальную структуру, рассматривающий динамику развития и становление процесса формирования знаков, происходящего при участии создателей спектакля и публики <...>. Семиология занимается не поиском значения, то есть отношением художественного произведения к реальному миру (этот вопрос относится к области герменевтики и литературной критики), а способом получения смысла в течение всего театрального процесса, который начинается с режиссерского прочтения драматического текста и заканчивается зрительской интерпретацией спектакля» [Пави 1991, с. 301].

Так, в исследовании «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» (1973) Ю. М. Лотман обозначает вопрос: является ли кино (и театр в том числе как родственный вид искусства) коммуникативной системой, учитывая, что и кино, и театр – это определенный набор знаков и символов.

Согласно Ю. М. Лотману, знаки делятся на условные и изобразительные: *условные* – те, у которых связь между выражением и содержанием практически не мотивирована, например, слово;

изобразительные (канонические) – те, у которых связь между выражением и содержанием очевидна и трактуется однозначно. Поскольку основой кино и театра является слово, а художественное оформление может быть как изобразительным, трактующимся однозначно, так и образным, можно утверждать, что данная классификация релевантна для нашего исследования.

Согласно Ю. М. Лотману, «Сила воздействия кино – в разнообразии построенной, сложно организованной и предельно сконцентрированной информации, понимаемой в широком, винеровском смысле, как совокупность разнообразных интеллектуальных и эмоциональных структур, передаваемых зрителю и оказывающих на него сложное воздействие – от заполнения ячеек его памяти до перестройки структуры его личности» [Лотман 1973, с. 54].

Механизм кодировки детально описан в трудах Ю. Лотмана, У. Эко, Р. Якобсона и других. Намного сложнее процесс «декодировки», в результате которого может иметь место деформация изначально заложенной информации, что сродни обратному переводу художественного текста с языка перевода на язык первоисточника, когда вероятность дословного попадания в первоначальный вариант достаточно мала.

Если мы рассматриваем текст в ракурсе его информативности и возможных интерпретаций, то нельзя не брать во внимание работы отечественного ученого-лингвиста А. И. Новикова (1938–2003), который в своих трудах, таких как «Текст, смысл и проблемная ситуация» [Новиков 1999б], «Текст и “контртекст”: Две стороны процесса понимания» [Новиков 2003] и др. развивал лингвистику текста на основе своеобразия и специфики информационной структуры текста разной жанровой направленности.

Согласно одной из концепций ученого, любой текст обладает свойством сворачиваемости и разворачиваемости, что происходит под воздействием разнообразных факторов, оказывающих также влияние и на формирование замысла текста. Разработанные А. И. Новиковым подходы к интерпретации полимодальных текстов, основными свойствами которых являются их гибридный характер, позволяют осуществлять анализ гибридных текстов, создаваемых с учетом социокультурных характеристик целевых аудиторий [Гусейнова 2018].

В статье «Возможности субстантивных структур для представления параметрической информации из текста» (2016) С. Ю.

Семенова касается вопроса количественных и качественных параметров, формирующих информационную структуру текста в понимании А. И. Новикова. Так, речь идет о лексических единицах, которые несут информацию об участниках общения, условиях взаимодействия партнеров по коммуникации, оценочных лексемах, характеризующие контекст и конкретные события, проанализировав которые появляется возможность выстроить профиль коммуникантов и смоделировать условия общения в зависимости от выявленных и / или заданных параметров.

Напомним, что институт театра «объединяет» несколько институтов, которые представляет собой зрительская аудитория. Вслед за И. А. Гусейновой, мы рассматриваем институциональную коммуникацию в аспекте ее вербального и невербального выражения. Являясь речемыслительным продуктом, она сама по себе предполагает легитимность институтов, регулирующих социальные отношения в нашем случае на основе этических и других норм [Гусейнова 2010].

В статье «Салиентность как когнитивный фактор успешной интерпретации непрямых выражений в тексте» М. И. Киосе отмечает, что «распознавание салиентности образа и его фокуса связано с обнаружением лингвистических, лингвопрагматических показателей выделенности и когнитивно-психологических средств распределения внимания» [Киосе 2017, с. 90]. Если речь идет о тексте, то на его салиентность указывают положение номинативной единицы в предложении, различные графические маркеры и т. д. Если речь идет о непрямом назывании тех или иных явлений, то читателю (зрителю) нужно суметь «не только распределить свое внимание при восприятии текстовых фрагментов, но и в последующем распознать их референтную отнесенность, что подразумевает обнаружение имплицитных смыслов конструируемого образа» [Киосе 2017, с. 91].

Учитывая все вышеизложенное, можно выделить следующие устойчивые характеристики коммуникативной пары «актер – зритель».

Во-первых, она характеризуется *полимодальностью*, поскольку и актер, и зритель в своем арсенале используют различные способы освоения окружающей действительности и, соответственно, передачи информации – акустические, зрительные, жестовые, вербальные.

Во-вторых, *многомерностью*, поскольку имеют место многочисленные пласты информации и различных смыслов, которые

необходимо анализировать и интерпретировать в ходе реализации социокультурного взаимодействия.

В-третьих, ее характеризует *гибридность*, которая проявляется в одновременном использовании актером различных семиотических кодов при оформлении, подаче и передаче информации для оказания различных видов воздействия на зрителя.

В-четвертых, ей присуща *дуалистичность*, поскольку, с одной стороны, коммуникация между актером и зрителем может быть частью более широкого круга коммуникантов, а с другой – являться самодостотачным коммуникативным актом.

В-пятых, любой коммуникативный публичный акт по своей сути является *массовым*.

И, в-шестых, коммуникация в театральном пространстве *многофункциональна* по своей природе.

Применительно к эвокативности в театральном дискурсе, то ее можно рассматривать на двух уровнях – вербальном и невербальном.

По определению О. Н. Быковой, «речевое манипулирование – это вид речевого воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата на данный момент» [цит по: Сафина 2018, с. 9–10]. Таким образом, вербальный уровень эвокативности осуществляется благодаря комбинированию различных языковых средств с учетом социокультурных характеристик зрительской аудитории.

Отметим, что коммуникативные вербальные средства эвокативности проявляются на следующих подуровнях:

1) *грамматическом* (разговорный стиль, простые предложения, полувопросы, краткие ответы, эхо-предложения, модальные глаголы – напрямую связаны с понятием модальности, показывают отношение к действию, акцентируют внимание на оттенках значений, интонация). Например, в пьесе Г. Горина «Поминальная молитва» в действии 1 картине 2 есть такой диалог:

Голда: Тевье…
Тевье: Я сказал: женщинам отойти!
Голда: Но я не досказала… Это важно. *(Тевье тихо молится.)* Приходила бабушка…
Тевье: Чья?
Голда: Моя.

Тевье (*вздрогнув*): У тебя жар, Голда? Бабушка умерла двадцать лет назад…
Голда: Поэтому и говорю: важно! Она пришла ко мне во сне…
Тевье: Тьфу! Уйди, женщина…
Голда: Послушай, это знак! Она пришла и сказала: пусть Тевье завтра же сходит к мяснику Лейзеру…
Тевье (*взбешен*): Твоя бабушка – дура, а ты – в нее… [Горин]

2) *лексическом* (экспрессивная лексика, выражающая внутреннее состояние говорящего; обращения; фразеологические единицы и фразеологизмы; эвфенизмы и дисфемизмы, которые вызывают отрицательные эмоции у адресанта, чувство возмущения; стилистические средства создания образности – метафора и ее разновидности, сравнение, гипербола, аллюзия, эпитет; стилистические фигуры речи – параллелизм, градация, перифраз, анафора и т. д.). Например, в пьесе Г. Горина «Поминальная молитва» в действии 1 картине 1:

Урядник: Погоди, Тевль, погоди со сметаной… Я про сыр. Ты ж мою Оксану знаешь…
Тевье: А вы мою Голду будто нет?
Урядник: Моя начнет голосить – хоть святых выноси!
Тевье: Моя начнет – вашу не слышно будет.
Урядник: Ну, одно слово – бабы, ядри их корень!
Тевье: Я бы добавил что-нибудь из Писания, но лучше не скажешь! *(Пауза.)* [Горин]

В действии 1, картине 2:

Цейтл кладет дрова у печки, начинает ее разжигать. Входит ***Степан****.*

Степан: Здорово, соседи!
Голда: (*продолжая орудовать с тестом*) Здравствуй, Степан.
Степан: Не вовремя?
Голда: Глаза есть – решай сам.
Степан: Голова трещит.
Голда: Степан, сразу говорю: в доме ни грамма [Горин].

3) *фонетическом* (интонация, громкость, паузы между словами и выражениями, темп речи; намеренное выделение интонацией значимых для говорящего слов; паузирование. В действии 1, картине 2:

Входит улыбающийся ***Тевье****, с ним –* ***Перчик****.*

Тевье: Всем доброй субботы! Голда, у нас гость! Знакомьтесь: это моя жена, это мои дочери, а это… *(Нерешительно смотрит на Мотла).*

Мотл: Я так… на минутку…
Тевье: Это Мотл. Он «так… на минутку…». А это Перчик! [Горин]

Коммуникативные невербальные средства эвокативности мы можем классифицировать по следующим подуровням:

1) те, что относятся к *кинесике* – улыбка, различного рода гримасы, взгляд и визуальный контакт;
2) те, что относятся к *гестике* – жесты при экспрессивном поведении человека;
3) те, что относятся к *такесике* – прикосновения, которые могут, например, призывать к действию, предостерегать, располагать к себе, быть признаком сочувствия и т. д.; физические контакты.

Как правило к невербальным средствам коммуниканты прибегают или с целью усиления эмоционального эффекта от вербальных средств, или когда не могут быть задействованы вербальные уровни (например, при незнании языка). Наиболее успешным такой акт коммуникации будет в том случае, если коммуникант затрагивает чувства адресата, вызывает у него соответствующие эмоции, чего можно добиться благодаря использованию в общении невербальных средств.

Все перечисленные вербальные и невербальные художественные средства, как правило, используются авторами постановок с целью эвокации, чтобы зритель не только понял, о чем постановка, но и получил определенный эмоциональный посыл.

Нами был проведен эксперимент, во время которого опрашиваемым – студентам и преподавателям двух высших заведений – Московского государственного лингвистического университета и Минского государственного лингвистического университета – был предложен видеофрагмент из спектакля «Тевье-Тевель» Национального академического драматического театра им. Ивана Франко (Киев) в постановке Сергея Данченко (1937–2001) по мотивам произведения Шолом-Алейхема (1859–1916) и Григория Горина (1940–2000) с Богданом Ступкой в главной роли на украинском языке, не понятном для респондентов. Исключив вербальный уровень считывания информации, целью нашего исследования было установить, какие невербальные художественные выразительные средства являются самыми информативными.

Важно, что результаты этого эксперимента подтвердили наше теоретическое описание. Так, в ходе опроса 66 респондентов было установлено, что современное театральное искусство по-прежнему характеризуется такими понятиями, как полимодальность, многомерность, гибридность, дуалистичность и массовость, и все их характеристики имеют большое значение как для авторов постановки, так и для зрителя.

Так, если говорить о полимодальности, то наибольшим эвокативным эффектом обладают зрительные (26 % респондентов) и жестовые (21 % опрашиваемых) художественные выразительные средства.

Многомерность сценического действия, выражающаяся многоуровневостью смыслов, подтверждается тем, что современный зритель считывает дополнительную информацию в большинстве случаев по мимике (27 % респондентов) и из подтекстов, заложенных как в авторском тексте, так и в интонационной актерской палитре (19 %). Большое значение также имеет паузирование речи (14 % опрошенных).

Дуалистичность современного театра в понимании респондентов сегодня проявляется в наличие коммуникативных пар «актер – зритель» (45 %) и «актер – актер» (37 %). Менее 3 % респондентов отметили пары «автор – зритель» и «режиссер – зритель».

Кроме того, результаты анкетирования показали, что театр по-прежнему является массовым видом искусства, а также выполняет целый ряд исторически сложившихся функций, тем самым удовлетворяя потребности современного зрителя в развлечении, познании, социализации, воспитании и др.

Феномен эковативности в современном театральном дискурсе требует особой интерпретативной деятельности от режиссеров, актеров и, что очень важно, от зрителей.

Эвокативность театрального искусства по своей природе дуалистична. С одной стороны, одной из основных функций театра вообще и современного в частности была и остается развлекательная функция (23 % респондентов), которая, в свою очередь, неразрывно связана с эмоциями, т. е. эвокацией, вызывающей те или иные реакции зрителя.

Если говорить о современных функциях театра с учетом гетерогенности театральной публики, то на цель посещаемости спектаклей влияет и возраст, и род занятий, что подтверждают результаты нашего

опроса. Так, молодые люди в возрасте 19–22 года посещают театра с целью развлечения (23 %) и познания (21 %). Люди среднего возраста – 35–50 лет в равной степени отмечают такие функции театра, как воспитательная (8 %), социализирцующая (8 %) и эстетическая (8 %). Чуть меньшее количество опрошенных отметили духовную функцию (7 %).

Наше эксперимент подтвердил также утверждение, что эвокативность специфического языка театра в большей степени обеспечивает невербальная составляющая. Учитывая тот факт, что театральное искусство, в первую очередь, искусство зрелищное, для зрителя первостепенное значение имеют такие выразительные художественные средства, как художественное, музыкальное и речевое оформление, а также костюмы, пластика, мимика и т. д., с помощью которых создаются художественные образы, трансформирующие отражаемую в постановке действительность.

Так, самыми информативными оказались костюмы, дающие зрителю представление о социальном статусе героя (33 %), его характере (15 %), времени происходящих событий (8 %) и национальности (7 %), а менее информативным – реквизит (52 % опрошенных не считали никакой информации).

Конечно, не нужно забывать о том, что немаловажную роль в процессе дешифровки, понимания истинных смыслов того, о чем говорит с нами художник (автор литературной основы, режиссер, а затем и актер) играет и общий уровень образования зрителя, его социальных ролей, способности к анализу и других составляющих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беданокова З. К. Эвокативность: о термине, понятии и принципе дополнительности // Вестник АГУ. Вып. 4 (187). 2016. С. 40–51.

Беданокова З. К. Эвокативность как когнитивно-семиотическая и течеязыковая форма (на примере российской рекламы) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Тверь, 2018. 44 с.

Семенова С. Ю. Возможности субстантивных структур для представления параметрической информации из текста // Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох. М., 2016. С. 36–46.

Новиков А. И. Текст и «контртекст»: Две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.

Новиков А. И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопросы филологии. 1999б. № 3. С. 43–48.

Горин Г. Поминальная молитва. [Электронный ресурс]. Режим доступа : modernlib.net/books/gorin_grigoriy_izrailevich/pominalnaya_molitva/read

Гусейнова И. А. Роль научного наследия А. И. Новикова в отечественной теории институционального дискурса // Информационная структура текста : сб. статей. РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. Н. Н. Трошина. М., 2018. С. 39–53. (Сер.: Теория и история языкознания).

Гусейнова И. А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2010. 41 с.

Иванова-Лукьянова Г. Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм : учеб. пособие. 4-е изд. М. : Флинта : Наука, 2002. С. 109.

Кайда Л. Г. Эстетический императив интермедиального текста. Лингвофилософская концепция композиционной поэтики : монография. М. : Флинта : Наука, 2016. 128 с.

Киклевич А. К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков : Гуманитарный центр, 2014. 444 с.

Киосе М. И. Салиентность как когнитивный фактор успешной интерпретации непрямых выражений в тексте (ВАК) // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIX: Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. М., Тамбов, 2017. С. 88–95.

Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин : Ээсти Раамат, 1973. 123 с.

Пави П. Словарь театра : пер. с фр. М. : Прогресс, 1991. 504 с.: ил.

Сафина А. В. Коммуникативные средства выражения манипуляции в межличностном общении немцев (на материале немецкого кинематографа XXI века) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2018. 23 с.

Эко У. О членениях кинематографического кода [Электронный ресурс]. Режим доступа : kinoseminar.livejournal.com/234358.html (дата доступа: 17.08.2018).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 12 (805)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanitarian Sciences
Issue 12 (805)

Ответственный редактор
кандидат филологических наук К. К. Нечаева

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 19.11.2018 г.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 13,1
Заказ № 127

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: LIBRANET.LINGUANET.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна